

ISSN 2311-0546

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ / НОВАЯ СЕРИЯ / 2018 № 1(41)

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

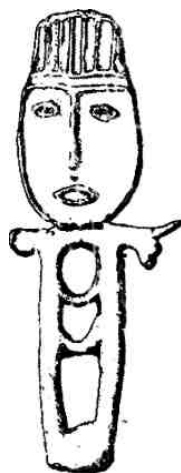
HERALD OF ANTHROPOLOGY

№ 1(41) 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

**ВЕСТНИК
АНТРОПОЛОГИИ
HERALD OF ANTHROPOLOGY**

№ 1 (41) 2018

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой информации.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-61734

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Баринаева Е.Б., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б.,
Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е.,
Каландаров Т.С., Мартынова М.Ю., Григорьева О.М. (отв. секретарь), Халдеева Н.И.,
Харламова Н.В., Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ),
Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Пашалы П.М. (Республика
Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США),
Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим
(Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

По вопросам оформления статей

Белова Наталья Андреевна

belovanatalia2009@yandex.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2018

© Журнал «Вестник антропологии», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Размышления антрополога

<i>Арутюнов С.А.</i> Моя диаспора	5
-----------------------------------	---

Физическая(биологическая) антропология

<i>Кравченко Г.Г., Кравченко Д.Г., Рыкун М.П., Солодовников К.Н., Хохлов А.А.</i> Опыт создания базы данных по палеоантропологическим материалам популяций круга ямной и афанасьевской культур эпохи раннего металла Евразии – результаты и перспективы	24
<i>Макарова Е.М.</i> Новые данные по антропологии Свияжска (предварительные итоги)	35

Экспериментальная антропология

<i>Рыжакова С.И.</i> Фиранги: иностранцы, ставшие индийцами. Жизнь как этнографический эксперимент	48
<i>Чининов И.В.</i> Основные исследовательские направления антропологических наук в SETI («Поиск внеземного разума»)	60
<i>Чешко С.В.</i> «Экспериментальная антропология». И встретились две черепахи...	69

Антропологическая мозаика

<i>Бурлина Е.Я.</i> Кросс-культурные аспекты этнических трансформаций	75
<i>Каппасов М.М.</i> Султанские хозяйства в Лбищенском уезде Уральской области в начале XX века	83
<i>Sergis Manolis G.</i> Donkeys in Love on the Roof: A Case Study of a “strange” custom in a Greek island Community	97

История науки

<i>Озова Ф.А.</i> Вклад А. В. Гадло в кавказоведение	117
--	-----

Рецензии

<i>Чешко С.В.</i> Рец. на: Этническая и политическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов (ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов). – М.: ИЭА РАН, 2017. – 216 С., 42 картогр. илл.	129
Указатель статей и материалов, опубликованных в 2017 г.	131
Contents	135
Our authors	136
Правила оформления статей	137

***МЫ ГОТОВИМ НАШ ЖУРНАЛ К КОНКУРСУ
НА ВКЛЮЧЕНИЕ В СПИСОК РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ
ЖУРНАЛОВ В ВАК, SCOPUS, WEB OF SCIENCE
ИМЕННО ПОЭТОМУ ОБРАЩАЕМ ВНИМАНИЕ АВТОРОВ
НА ТО, ЧТО ИЗМЕНИЛИСЬ ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ
ССЫЛОК И СПИСКА ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ!***

РАЗМЫШЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГА

УДК 392

© С.А. Арутюнов

МОЯ ДИАСПОРА

Публикуемый ниже материал посвящен, главным образом, личным наблюдениям автора в середине и конце XX века над положением армянского населения разных регионов Кавказа и отношением как окружающего большинства к армянам, так и администрации, как к самому этому населению, так и к памяти о его присутствии.

Ключевые слова: армяне, диаспора, хачкар, кладбища, захоронения.

Между нуклеусом и отщепенями – глядя извне и изнутри

В последние годы в нашей антропологической науке возрастает многообразие жанров научного самовыражения. Наряду с классическими форматами монографического описания, историко-этнографического очерка, проблемного исследования одностороннего характера (того типа, который в западной литературе называется «кейс-стади») или противопоставляемого ему кросскультурного исследования и так далее, все большую популярность приобретают различные исследования «эссеистского» типа, достаточно разнообразные по степени детализации и манере построения, но в целом более свободные, чем строго научные аналитические тексты, характерные для классической академической науки.

Предлагаемые вниманию читателя наброски никоим образом не претендуют на полноту охвата темы и, наверное, во многом приближаются к произведениям мемуарного жанра. Впрочем, насколько это так, следует судить читателю, а не автору. Автор, с одной стороны, этнически является армянином. Таково, в общем и целом, его самосознание. С другой стороны, как профессиональный антрополог автор не может не отдавать себе отчета в том, насколько это самосознание условно. Употребляя такое сугубо ненаучное выражение как «кровь», я должен признать, что сам не смогу точно определить количество собравшихся и смешавшихся во мне «кровей», причем некоторые из них никак не отражаются на моем самосознании, а другие это самосознание определяют.

С отцовской стороны, безусловно, у меня есть, наряду с армянскими, и грузинские предки, а с материнской, наряду со столь же безусловно отразившимися в моем формировании на этапе раннего детства русскими, украинскими и немецкими «корнями», существуют и практически никак не отразившиеся во мне, но реально суще-

ствующие итальянские «корни» (неаполитанка Луиза-Тереза Каппаччио была моей прабабкой по матери), и восходящие к петровским временам австро-венгерские, и полумифические печенежские и другие, только одному Богу ведомые генетические истоки.

Русский и грузинский в равной мере я могу назвать своими родными языками. Песни и сказки на украинском языке пела и рассказывала мне моя бабушка Антонина Ивановна Кириченко, для которой родными языками были украинский и немецкий. С раннего детства обучала она меня немецкому языку, и даже итальянский язык я до сих пор отчасти понимаю, потому что иногда бабушка на нем говорила с сестрой моего дедушки, Софьей Андреевной Саломон, с рождения и вплоть до замужества жившей в Италии.

Нынешние наброски не претендуют на всесторонний разбор армянского самосознания и чувства идентичности, которые принимают разные очертания и в самой Армении и во всех странах ближнего и дальнего армянского зарубежья. Это всего лишь эссе, посвященное отдельным разнообразным эпизодам сложного процесса расселения армян в мире, это всего лишь результат эпизодического включенного наблюдения, проводившегося одним из носителей этой идентичности, волею судеб оказывавшегося в разных регионах и странах, но повсюду встречавшего, в тех или иных масштабах и формах, своих соплеменников.

Армяне – народ сложной, трудной и противоречивой исторической судьбы. Условно, исконной этнической территорией армян можно считать в целом все Армянское Нагорье. Однако, армяне никогда не были его единственными обитателями, а, напротив, в обозримом прошлом, т.е. начиная с конца второго тысячелетия до н.э. всегда занимали его в постоянном чересполосном контакте с народами иной этнической принадлежности – грузинской, северокавказской, иранской и даже древней протоиндоевропейской – малоазийской.

Анализ адстратных и субстратных компонентов армянского языка не может входить в наши задачи, но необходимо указать, что из всех индоевропейских языков от Ирландии и Скандинавии до Шри Ланки и Бенгалии, армянский язык впитал, пожалуй, более всего инородных компонентов и претерпел максимум фонетических изменений, по сравнению с исходным индоевропейским праязыком. Надо сказать, что и сам географический термин Армянское Нагорье нередко заменяется более политкорректным названием Армяно-Курдское Нагорье. Высочайшая гора его Арарат, находящаяся в политических пределах Турции и при этом служащая этническим символом, изображенным на государственном гербе как нынешней республики Армении, так и прежней Армянской ССР, рассматривается местными курдскими племенами как входящая в их символическое духовное достояние, подлежащее охране и природосбережению с их стороны.

В наши дни армян рассматривают, прежде всего, как представителей южнокавказского культурного ареала, (наряду с грузинами и азербайджанцами), но по ряду черт армян можно определить как наименее типичных кавказцев из всех кавказских народов. Например, практически для всего Кавказа характерна ориентированность на дворянское сословие, как референтную группу, и для каждой семьи характерны амбиции, связанные с родом и родовитостью. Для грузин дворянство (азнаурство) и сословие князей (тавадов), для азербайджанцев прослойка беков, на северном Кавказе узденство в разных формах и степенях всегда были референтными вехами, и

это в деталях отражалось в традиционном костюме, этикете, нормах поведения. Однако, в армянский традиционный костюм не входит черкеска с ее орнаментальными принадлежностями – газырями и кинжалом, и это есть предметное отражение того социального факта, что в общественной структуре армян на их общей прародине практически нет и давно уже не было представителей дворянского сословия. А значит армяне давно уже (более тысячи лет) социально ориентированы на что-то другое, но на что именно?

В древности и в раннем средневековье, знатность и принадлежность к княжеским и дворянским родам (к сословию нахараров) имела очень большое значение в социальной стратификации армян. Но многие века жесточайшей борьбы как нахараров между собой, так и еще более соперничающих великих держав Ирана и Малой Азии, привели практически к полному исчезновению нахарарства. В условиях, когда большинство функций государства взяла на себя армянская национальная церковь, именно принадлежность к разным уровням духовенства стала играть основную роль референтной вехи и престижного маркера.

Помимо церковной карьеры, основная масса крестьян, ремесленников и торговцев, оставаясь мирянами, важнейший механизм повышения своего статуса видела, прежде всего, в экономическом, коммерческом успехе. Этот тренд ярчайшим образом проявился в ходе нарастающей диаспоризации этноса, начиная со средних веков и вплоть до новейшего времени.

Вторым ярко выраженным предметным признаком отличия армян от всех остальных кавказцев можно считать культуру винопития. Кавказ – родина дикой виноградной лозы, основной центр ее одомашнивания и развития виноделия. На территории Армянского Нагорья виноделие засвидетельствовано уже в урартских памятниках. Тем не менее, для армян, судя по данным Ксенофонта (середина V в. до н.э.), уже с древности более всего было характерно пивоварение, а с появлением техники перегонки (не менее тысячи лет тому назад) – и более крепкие напитки, типа тутовой или кизиловой водки, тогда как у большинства других кавказских народов, даже тех, где сегодня доминирует пивоварение (как у осетин), ранее были популярны вино и брага-медовуха.

Кто бы ни господствовал в разные исторические эпохи на пространствах Большого Кавказа и прилегающих территорий, будь то хетты, киммерийцы, скифы, хазары, греки или римляне, во все времена армяне, находясь между ними и среди них, служили одновременно и передаточным звеном, и фоном, и ареной непрекращающегося противоборства. Даже будучи разделенными между враждующими и конкурирующими державами древности, Средневековья и Нового времени, армяне всегда умели сохранить сознание своего единства – единства языка, происхождения, культуры, веры и исторической судьбы.

Расхожая фраза армянской историографии «Хайоц ашхар цовиц цов», т.е. «армянский мир от моря и до моря», может быть истолкована в двояком смысле. Большой треугольник «армянского мира» вполне может рассматриваться как выходящий своими вершинами к большим морям – Черному, Средиземному, Каспийскому, но в более узком смысле малый треугольник «армянского мира» на протяжении ряда веков упирался в три внутренних «малых моря» Армянского Нагорья – в большие озера Ван, Севан и Урмия. Исконную этническую территорию армян возможно рассматривать, как некоторое пульсирующее пространство в рамках этих двух треу-

гольников, где второй вписан в первый, и почти в любом отдельно взятом его районе или исторической провинции армяне далеко не всегда находились хотя бы в относительном большинстве.

И на Южном Кавказе (так называемом Закавказье) и в Малой Азии, и в Северном Иране практически невозможно сказать, где в то или иное время проходила граница между ядром, или, употребляя более интернациональный термин, нуклеусом «армянской родины» и «отщепенями» его диаспоры.

АРМЯНСКИЕ АВТОРЫ СТО И БОЛЕЕ ЛЕТ ТОМУ НАЗАД ЧАЩЕ УПОТРЕБЛЯЛИ ТЕРМИНЫ МЕТРОПОЛИЯ И КОЛОНИИ, НО НЫНЕ, КАК И В ТЕКСТАХ НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ, ОНИ ИСПОЛЬЗУЮТСЯ В ИНОМ, ЧИСТО ПОЛИТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ. ДИАСПОРА В ТОМ ИЛИ ИНОМ ВИДЕ СУЩЕСТВОВАЛА ЕЩЕ С РУБЕЖА ХРИСТИАНСКОЙ ЭРЫ, НАЧИНАЯ С ЗАВОЕВАНИЙ ТИГРАНА ВЕЛИКОГО И ПРОДОЛЖАЯ МАССОВЫМИ ВЫНУЖДЕННЫМИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯМИ ВНУТРИ ИРАНА И ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. НА ПРОТЯЖЕНИИ ВСЕЙ ИСТОРИИ, ВПЛОТЬ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ТИФЛИССКОЙ И ЭРИВАНСКОЙ ГУБЕРНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, НЕВОЗМОЖНО БЫЛО СКАЗАТЬ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ «ГРУЗИЯ» И НАЧИНАЕТСЯ «АРМЕНИЯ». ПОЭТОМУ, В ЧАСТНОСТИ, ТАК БЕССМЫСЛЕННЫ НЕСКОНЧАЕМЫЕ СПОРЫ О ТОМ, ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ТОТ ИЛИ ИНОЙ ЗАМКОВЫЙ ИЛИ ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС, ПАМЯТНИКОМ ГРУЗИНСКОЙ ИЛИ АРМЯНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ.

АРМЯНСКУЮ ЭПИГРАФИКУ РАЗНОГО ВРЕМЕНИ МОЖНО НАЙТИ НА БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ТЕРРИТОРИИ ГРУЗИИ, РАВНО КАК И ГРУЗИНСКУЮ ВО МНОЖЕСТВЕ МЕСТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРНОЙ АРМЕНИИ. И ХОТЯ КИЛИКИЙСКОЕ ЦАРСТВО НИКАК НЕ ВХОДИТ В РАМКИ ПОНЯТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ АРМЕНИИ, И ТЕМ БОЛЕЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОТНЕСЕНО К НУКЛЕУСУ АРМЯНСКОГО ЭТНИКОСА, ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ЯЗЫК НЕ ПОВОРАЧИВАЕТСЯ НАЗВАТЬ ЕГО АРМЯНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ДИАСПОРОЙ..

В то же самое время и диаспора, как бы ее ни понимать, находилась в состоянии такой же перманентной пульсации. Отдельные ее составляющие части то увеличивались в размерах, то вновь уменьшались вплоть до полного исчезновения, меняли свой статус в странах пребывания, приобретали в каких-то сферах общественной жизни лидирующую роль или, напротив, теряли ее. В любом случае, основные точки роста армянского этнокультурного достояния, особенно после утраты последних остатков национальной государственности, находились не в ядерной (нуклеарной) части этникоса, а как раз в диаспорных ответвлениях, от Константинополя и Венеции, до Калькутты и Мадраса. Все это делает исследование армянской этнической истории и генезиса общеармянской национальной культуры чрезвычайно сложным предприятием.

Еще более сложной представляется проблема армянского этногенеза. Как уже говорилось, армянский язык относится к индоевропейской семье, занимая в ней обоим положение. Фонетический облик слов армянской речи претерпел больше изменений и дальше отошел от исходного источника нежели в любом другом языке данной семьи.

Проблема прародины носителей индоевропейского праязыка продолжает оставаться дискуссионной, но в самом общем смысле многообразие точек зрения сво-

дится к двум альтернативам: Северное Причерноморье от Дуная до Дона, либо Южное Причерноморье от Босфора до Чороха. Впрочем, возможен, хотя и маловероятен и циркумпонтийский вариант, в котором это противоположение снимается. В первом случае армяне появляются в Малой Азии извне через Балканский полуостров со стороны Босфора. Во втором случае выделение армянского языка и племенной этничности происходит внутри первичного индоевропейского ареала и, таким образом, армяне становятся единственным народом в индоевропейской семье, который сохранился на территории своего первичного формирования, хотя и мог претерпевать отдельные подвижки.

Это, естественно, никак не отменяет возможность и необходимость поиска в этногенезе и глоттогенезе армян субстратных или суперстратных компонентов. Так, наличие явных взаимодействий древнеармянского языка с раннекартвельскими диалектами, причем, в основном, в их западной мегрело-лазской части, несомненно. Этот, на первый взгляд кажущийся парадоксальным факт, свидетельствует в пользу локализации прародин армян в районе верховий Чороха, Куры и Карасу. Т.е., по-видимому, первоначальные этнические территории предков грузин и армян находились в тесном соседстве.

Сложнее вопрос о северокавказских, а более узко нахско-дагестанских, и еще более узко урарто-хурритских воздействиях. Топонимы Урарту, Арарат и Армения можно, с определенными ограничениями, рассматривать как синонимы. Но этнонимы урарты и армяне так рассматривать нельзя. Урарты как и хурриты растворились среди других народов и сошли с исторической сцены как обособленные целостности, но ассимиляция армянами других, более поздних народов нахско-дагестанского мира продолжалась и много позднее, а учитывая современное положение удин, можно сказать, что продолжается она и по сей день.

Что касается урартов, то в разных участках пространства и времени они могли выступать по отношению к армянам и в роли субстрата и в роли адстрата или суперстрата. Эти сложные языковые и культурные взаимоотношения в пределах Южного Кавказа и сопредельных областей с участием предков армян, грузин, ираноязычных племен и народов и многочисленных народов Северокавказской семьи, можно в какой-то мере сравнить со сложными конфигурациями межэтнических отношений романских, германских и кельтских компонентов в складывании современной этнолингвистической карты Западной Европы.

Надо сказать, что все вышеизложенное отнюдь не является исключительным достоянием профессиональной академической науки. Разные варианты представлений об этногенезе и древней истории армян от солидно научно обоснованных до совершенно произвольных и фантастических, но закамуфлированных под научность, имеют широчайшее хождение среди массовых читателей, профессиональных (и не очень) писателей и даже мало читающих обывателей, распространяясь через школьное преподавание, СМИ, научно-популярную, а нередко и откровенно антинаучную литературу, и формируют в целом определенную арменоцентрическую, глубоко и пристрастно заинтересованную в понимании и трактовке своей истории, ментальность.

Младший брат моего одноклассника, Рачика Айвазяна, мой давнишний приятель Сурик Айвазян, в бытность студентом геологоразведочного института вместе со мной и парочкой других студентов организовал в Москве, в начале 1950-х годов, неформальный кружок по изучению армянского языка и истории, которые мы, как

преимущественно русскоязычные уроженцы Тбилиси, знали весьма поверхностно. Окончив институт, Сурик уехал работать в Армению и за свои труды в области ее геологии даже удостоился премии имени Ленинского Комсомола. Однако позже он разочаровался в геологии, занялся дилетантской историей и даже опубликовал ряд получивших большую популярность книг. В одной из них, в частности, он доказывал с помощью разных фантастических построений исконное родство армян, русских и этрусков, указывая, например, что слово этруск и по-русски означает «это русские» и по-армянски «эд руск» означает то же самое. Многочисленные труды Сурика издавались достаточно большим тиражом и среди малообразованных армянских читателей имели огромную популярность.

Мы встретились в Ереване в начале 2000-х годов спустя сорок лет после нашего расставания. Мы радостно приветствовали друг друга, но когда пришедший на мою лекцию седобородый Сурик убедился, что я весьма критически отношусь к его этногенетическим построениям, он вместе с группой своих почитателей тихо удалился и более мы не встречались. Очень жаль, что это звучит как скверный анекдот, но действительность такова, что очень большое количество гиперпатриотически настроенных по отношению к своей истории армян, реальным научным знаниям предпочитают подобные лженаучные измышления.

Другой и чрезвычайно значимой гранью исторической ментальности армян является ее виктимный аспект. В мире нет народа, который в какие-то моменты своей истории не становился бы жертвой злополучных событий – междоусобиц, иноземных нашествий, проявлений религиозного фанатизма, природных катаклизмов. Однако, история армян может считаться, наряду с историей еврейства, особенно многострадальной на этом общем фоне. Самыми мучительными были те века, когда практически вся историческая Армения находилась под гнетом Османской империи.

Многие века страданий и унижений сфокусировались в народном сознании в одном страшном событии – геноциде 1915 г. Собственно говоря, это был больше чем геноцид, а скорее нечто подобное предтече Холокоста, так как помимо массовых убийств, унесших по разным оценкам жизни от полумиллиона до полутора миллионов человек, при общей численности армянского населения в этом регионе тогда около двух миллионов человек (!), резня сопровождалась осквернением святынь, уничтожением памятников культуры, разгулом сексуального насилия, жестоким обращением уцелевших в иную веру и прочими издевательствами. Поэтому, наверное, нет ни одного армянина, даже в тех группах и общинах, которые находились далеко от основного ареала кровавых событий и непосредственно от них не пострадали, у которого в душе не было бы кровоточащей раны или хотя бы ноющего шрама, оставленного этой, уже довольно давней, более чем столетней, но никак не поддающейся забвению трагической катастрофой.

Современная Республика Армения занимает едва одну десятую всей территории исторической Армении, а ее население (не более трех миллионов) составляет менее трети общего числа всех армян мира. Но можно надеяться, что пусть и в таком урезанном масштабе, Армения наконец обрела окончательную и гарантированную международным сообществом независимость и более или менее успешно продвигается по пути построения и совершенствования своей, еще очень молодой государственности.

У армянского национального государства много трудных проблем. Его географическое положение не вполне благоприятно. Со всех сторон оно окружено госу-

дарствами, которые относятся, как правило, к Армении не очень дружелюбно, а порой и неприкрыто враждебно. Транспортные коммуникации с внешним миром затруднены и недостаточно надежны. Армения бедна ресурсами, здесь очень мало полезных ископаемых, совсем нет природных энергоносителей – угля, нефти и газа, почвы относительно мало плодородны и каменисты, леса в большинстве районов отсутствуют, климат суровый и засушливый, источники воды, помимо нуждающегося в восстановлении нормального уровня озера Севан, почти везде в дефиците. Единственный действительно неисчерпаемый ресурс Армении это трудолюбие, стойкость, талант и высокий культурный уровень ее народа.

Война могил

Из разных разделов социальной антропологии психологическая антропология, или, как еще обозначают эту дисциплину – этническая психология, является, пожалуй, самым спорным и вызывающим наибольшие разногласия, предметом.

Мы знаем, что в так называемом национальном характере между японцами и филиппинцами есть существенные черты сходства, но вряд ли можно оспаривать, что японцы бережливее филиппинцев. Более высокая бережливость японцев может быть доказана статистически, процентом финансовых средств, откладываемых гражданами страны относительно своих доходов на накопительные счета банков. С другой стороны, японцы нередко тратят отнюдь не меньшие, чем филиппинцы, суммы на престижное потребление, например, на угощение несуразно большого, с западной точки зрения, количества гостей при организации свадеб, торжественных приемов и других знаковых сборищ. Так же вряд ли можно оспаривать, что среди японцев найдется немало мотов, способных превзойти в расточительности самых щедрых филиппинцев. Да и среди филиппинцев найдется «скупой рыцарь», и не один. Так вправе ли мы вообще объективно говорить о существовании национальных черт характера?

Из каких источников мы черпаем сведения об этом, столь неоднозначном предмете?

Конечно, о бережливости мы можем судить по статистике накопительных счетов, хотя какая статистика возможна для тех бережливых, что хранят деньги под матрасом? Для филиппинцев это вполне приемлемый способ хранения, японцу же и в голову не придет, что деньги могут храниться где либо, кроме банка.

Допустим, мы сравним уровень чистоплотности у живущих рядом где-нибудь в Юго-Восточной Азии или на Антильских островах голландцев и индийцев по расходам воды и мыла. Чистоплотность голландцев, которые моют мыльной водой полы, крыльцо, ступени и даже участок тротуара перед входом, вошла в поговорку. Правда, наблюдая поведение голландских хозяек по утрам в Амстердаме, я мог заметить, что вода, используемая для мытья дорожек и ступенек, это не специально заготовленная мыльная пена, а уже использованная мыльная вода, оставшаяся после стирки. Голландцы пользуются водой из водопровода, платят за нее и стараются расходовать наиболее экономно.

Индийцы же для мытья тела используют арычную воду, которая тратится в немереных количествах, часами намыливая и расчесывая как волосы на голове и бо-роду, так и все тело, притом не снимая набедренной повязки. Что касается ступенек

крыльца и пола веранды, то их для защиты от насекомых и всяких загрязнений периодически как белят, так и еще чаще обмазывают смесью коровьего навоза с мелкорубленной соломой и, впрочем, индусы такого же мнения о самих голландцах и прочих европейцах, которые, например, могут зайти на чисто подметенный каменный пол жилища и даже залезть на тахту в той же обуви, в которой ходили по улице.

Участвуя в исследованиях населения Индии по физико-антропологическим программам, я могу засвидетельствовать безупречно чистое состояние кожных покровов у всех слоев населения, включая беднейшие. Но кучки засохших нечистот можно видеть и посреди прекрасных песчаных пляжей, и по обочинам дорог, и под стенами домов, и на их плоских крышах.

Такая трудно определяемая вещь, как национальная черта характера, чаще всего и выпуклее всего отражается в анекдотах, бывальщинах, поговорках и других типах оформления стереотипических и автостереотипических обывательских представлений, и в этом смысле рассуждения о характерном для грузин мотовстве и армянской бережливости, состоятельны не более, чем такие же рассуждения о различиях между филиппинцами и японцами.

Однако, не пытаясь дать конкретный ответ на вопрос существуют ли реальные и объективные различия в национальном характере между грузинами или армянами, японцами и филиппинцами, поляками и евреями, китайцами и индийцами, голландцами и малайцами, или же эти различия являются мифическими и фантомными, зыбкими и ускользающими от рационального толкования представлениями, мы попытаемся рассказать, используя, в основном, свой достаточно субъективный опыт и довольно обрывочные и случайные, сформированные в значительной мере зигзагами собственной жизни наблюдения, о том, как эти представления формируют вполне реальные обстоятельства жизни отдельных людей и больших людских сообществ, и заставляют их порой с оружием в руках оказаться по одну и ту же, или, напротив, по разные стороны баррикад.

Я РОДИЛСЯ, ВЫРОС И ПОВЗРОСЛЕЛ В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ГОРОДЕ ТБИЛИСИ, КОТОРЫЙ В ГОДЫ МОЕГО ДЕТСТВА ЕЩЕ НАЗЫВАЛСЯ ТИФЛИС, ГДЕ СРЕДИ ТРИДЦАТИ МАЛЬЧИШЕК ОДНОГО КЛАССА РУССКОЯЗЫЧНОЙ ШКОЛЫ ИМЕЛИСЬ И АРМЯНЕ, И ГРУЗИНЫ, И РУССКИЕ, И ЕВРЕИ (ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ ТРЕХ РАЗНЫХ СОРТОВ: АШКЕНАЗИ, ГРУЗИНСКИЕ, САМЫЕ ДРЕВНИЕ ИЗ ВСЕХ, И Т.Н. ГОРСКИЕ).

Более половины мальчиков были детьми от смешанных браков, в том числе армянско-русских, грузинско-армянских, грузинско-греческого, еврейско-осетинского, польско-армянского, датско-грузинского, русско-грузинского, и, кажется, каких-то еще, о которых с точностью и вспомнить трудно.

Класс наш был очень дружным, в нем не было и намека на проявление антисемитизма или ксенофобии, хотя вспоминается, что частым объектом для буллинга был мальчик с еврейской фамилией, сын довольно щедедушного мастера слесарных работ и огромной и очень агрессивной казачки – уроженки кубанской станицы. Помню, как мы сочувствовали в 1949-м году выпускнику класса, бывшего на год старше нас, который, будучи совершенно гениальным математиком, именно из-за пресловутого пятого пункта не смог поступить ни в один столичный университет, хотя все-таки поступил в университет в Воронеже и, кажется, сделал в дальнейшем неплохую научно-математическую карьеру.

Мы были взрослыми мальчиками и все несправедливости социализма сталинского разлива, в том числе и привилегии и дискриминацию по национальным основаниям, осознавали очень четко и готовились в полной мере столкнуться с ними по окончании школы. Понимал это и я, и прекрасно зная, что востоковедческий факультет Тбилисского Университета для меня закрыт, а единственный доступный – это историко-филологический факультет Тбилисского русского пединститута имени Пушкина, я, используя право медалиста, ухитрился поступить в Московский Институт Востоковедения.

Некоторые, неблагоприятные анкетные обстоятельства (наличие родственников за границей, их принадлежность к дворянскому сословию, причастность иных к белогвардейскому движению или бывших в немецком плену и окружении) мне пришлось утаить, но без этого риска мои жизненные планы состояться не могли.

Надо сказать, что, во всяком случае в тех кругах, в которых мне и моим родным приходилось вращаться, серьезных проявлений ксенофобии, антисемитизма или антиармянизма (явления очень похожие друг на друга) заметно не было. Люди встречались, дружили семьями, участвовали в различных совместных мероприятиях, казалось, не придавая существенного значения этнической принадлежности друг друга.

У меня лично было как бы два круга родственников и их знакомых. Один – это были мои армянские родственники, вполне приобщенные к общероссийской культуре, пожалуй для них она в те годы, до начала ВОВ еще не успела преобразиться в советскую. Слова «совок» или какого-либо похожего выражения тогда не существовало, но отношение к сформировавшемуся «советскому образу жизни» было, мягко говоря, амбивалентным. Это был довольно обширный круг родственных между собою Арутюновых, Багдасаровых, Сааковых и множества их знакомых, друзей и свойственников. Это были армяне, но практически все грузиноязычные, социально до революции принадлежавшие к среднему и мелкому купечеству с зажиточно крестьянскими корнями, как правило успевшие получить образование в гимназиях или реальных училищах, и полностью приобщенные к основам русской культуры и литературы. В своем кругу они говорили преимущественно по-грузински, русским владели очень хорошо, а армянским, напротив, почти не владели, и с высокой армянской культурой, скажем с творчеством Туманяна, Раффи и Исаакяна, были знакомы в основном по переводам на русский язык.

Друзья и подруги мамы и бабушки почти все социально принадлежали к бывшему дворянскому сословию, и их вкусы и ценности сформировались еще до революции. Простое перечисление их фамилий – Астаховы, Потаповы, Денфферы, Эссены, Корнельсены, Кохаси, Барнавели, Твалчрелидзе, Хорава – уже показывает, что это были в социальном плане сохранявшиеся пережитки еще имперской России, ее не слишком знатной, но все же преимущественно потомственно дворянской, чиновно-служивой, довольно космополитической русско-польско-немецко-грузинской прослойки, как правило хорошо владевшей не только русским, но и одним-двумя из соответствующих их этничности языков, а также, безусловно, французским (но не английским). Практически мне не припоминается ни одной еврейской фамилии и лишь очень мало армян, по настоящему вхожих в этот круг. Но и моя мать и обе ее сестры были замужем за армянами (старшая сестра Татьяна первым браком за грузином).

Среди населения Тбилиси той поры были люди разной языковой компетенции, чьи дети обучались в грузинских, армянских и в двух, имевшихся в городе азербайд-

жанских школах. Не только сами эти дети, но и их родители более или менее понимали по-русски, в отличие от жителей близлежащих сел, но это были люди совершенно иного культурного уровня и их русский язык скорее можно было назвать своего рода местным пиджином, это был совсем другой культурный круг, мало пересекавшийся с кругом образованных горожан. А среди образованных горожан основным языком был, безусловно, язык Пушкина и Толстого, а основным аккаунтом литературного тезауруса были другие Толстые, а также Чехов, Булгаков, Блок, Есенин и далее по основному списку.

Кроме собственно грузин, не так уж много людей хорошо знало грузинскую литературу и вообще грузинскую словесность XIX–XX века, а лучшие произведения современной для того времени армянской литературы, от Абовяна до Ширван-Заде, были знакомы, пусть и довольно многим, но почти всецело через русские переводы. В общем, русская культура в восприятии образованной публики практически всего Закавказья, которое до 1936 года не случайно политически было оформлено как ЗСФСР, решительно доминировала.

Конечно, какие-то отголоски представлений о примате грузинских «дворянских» ценностей над армянскими «буржуазными», какая-то отрывка дореволюционного антисемитизма и даже какие-то намеки на потаенную антисоветскую фронду при интуитивном ассоциировании «советского» с «новорусским» имели место. И все же, общее настроение интернационализма не только в предвоенные, но и, в значительной мере, в военные и послевоенные годы было гораздо сильнее, чем то, начавшееся уже в 20-е годы, и все более и более набиравшее в дальнейшем обороты противостояние местного русскому, которое так открыто проявлялось в Украине, Татарстане, республиках Средней Азии, не говоря уже о несмешивающихся, как вода и масло, русско-советских и туземных аспектах культуры в Прибалтике, проявившихся еще до ее, так называемой, советизации. Несколько уходя в сторону от основной темы нашего обсуждения, должен сказать, что в преимущественно интернационалистической атмосфере довоенного Закавказья не было сколько-нибудь существенного привкуса, хоть чем то похожего на американский жесткий расовый дуализм или дуальную и даже множественную отчужденность венгров и румын, немцев, поляков и евреев, японцев и корейцев, вьетнамцев и китайцев, индусов и мусульман, какие приходилось наблюдать практически во всех странах, где мне довелось изучать межэтнические отношения.

В дореволюционной России формально, перед крестившимся иудеем открывались решительно все двери. Однако поговорка: «Жид крещеный – вор прощенный», ярче, чем что либо иное, рисует глубину юдофобских настроений, в той или иной мере сохраняющихся в подсознании иного российского обывателя и по сей день. Очень сходные индикаторы можно найти и в отношении татар, не говоря уже о прочих мусульманских народах России, и в отношении немцев, так и не дождавшихся восстановления своей автономии, и тех народов, которые обладают более или менее выраженными монголоидными чертами.

В послевоенной Грузии существенной помехой для карьеры могла быть армянская или русская фамилия. Греческая или абхазская воспринимались, скорее, как вариант грузинской, а смена фамилии на бесспорно грузинскую, в особенности для детей смешанного происхождения, вообще снимала какие бы то ни было проблемы.

В русском языке суффикс «ИЯ» практически универсально увязывает название области или страны с преобладающим в ней этносом – Калмыкия, Киргизия, Испания, Греция и т.д. вплоть до таких журналистских новообразований как Казакия, Помория, Юагирия и т.д. В грузинском языке такую же роль играет суффикс «ЕТ», опять таки наращиваемый суффиксом «ИЯ» в переложении на русский: Осетия, Сванетия, Имеретия, Кахетия и пр., и только грузинское слово, означающее Грузия, этому правилу не подчиняется. Грузины по-грузински – картвели, а Грузия – Сакартвело, буквально «для грузин». В случае с армянами в грузинском языке избран своего рода гибридный путь: армянин по-грузински – сомехи, а Армения – Сасомхети.

Конечно, можно только радоваться, что разногласия между грузинами и армянами, если они и есть, не принимают таких уродливых форм, как армянско – азербайджанские, где даже символические жесты порою безо всяких дополнительных усилий перерастают в пулеметные очереди и залпы «Градов», где продолжают взрываться мины на пастбищах и виноградниках, и люди погибают, будучи заложниками неизвестно чего и неизвестно ради чего. Напомню, что такая ситуация продолжается не год, не два, а уже ровно тридцать лет, начиная с провозглашения отделения Нагорного Карабаха, при разных лидерах, разных режимах и в разной глобальной геополитической обстановке. Но на фронте символов, за барьерами незримых баррикад страсти продолжают вскипать то там то тут, и по другим линиям разлома: в Абхазии и в «Южной Осетии», она же Шида Картли, она же Самачабло, она же Цхинвальский регион, (и, наверное еще ряд топонимов, один политкорректнее другого,) так или иначе вооруженный конфликт подспудно тлеет еще дольше.

Я не помню какие были первые выученные мною буквы, но хорошо помню, что уже в возрасте трех-четырёх лет я вполне был в состоянии прочесть надпись как минимум на четырех алфавитах – грузинском, армянском, русском и латинизированном тюркском (азербайджанском). Потом к ним добавился немецкий готический, еврейский квадратный, позже еще несколько, но это уже было за пределами Кавказа. Лишь арабицу, к большому сожалению, постичь мне так и не удалось, несмотря на многократные попытки, поскольку Советская власть ее искореняла особенно усердно. Впрочем, как оказалось, перед объединенными силами исламского подполья, в конечном счете, все эти усилия, по крайней мере в Дагестане, были вполне безуспешны. Но соотношение этих алфавитов в окружавшем меня письменном пространстве менялось. Последний раз, пребывая на грузинской территории, на международной конференции в Батуми в 2011 году, я не сразу понял, как беспомощны были мои польские, венгерские, австрийские коллеги за пределами стен университета: все вывески, надписи, указатели, даже граффити, все были сделаны на грузинском языке. Впрочем, надписи церковного и религиозного содержания не так то легко прочесть и коренным грузинам, поскольку грузинский язык в этих случаях использует особые, восходящие к VI веку алфавиты, а современный гражданский алфавит, которым пишется и печатается 98% процентов текстов, существует только с X – XI века.

Художественную, а также учебную и научную литературу, газеты, журналы я читал, главным образом, по-русски. Кое что по-французски или по-немецки. Азербайджанские и армянские тексты прочесть было не трудно, но далеко не всегда они были понятны, не считая самых простых, на начальном школьном уровне, при этом огромное количество грузинских и армянских текстов, впрочем, как и русских, я читал на могильных плитах. Даже в городе, в парках, садах, скверах, тут и там по-

падались памятники, стелы, плиты, мемориальные доски и тому подобные тексты на всех этих языках. В революционное и раннее послереволюционное время люди гораздо больше заботились об увековечении памяти усопших и погибших, чем в более поздние времена. Да и на протяжении всего XIX века созданию всякого рода мемориальных надписей, запечатленных когда на мраморе, а когда и на довольно неприязнательном металлическом листе, уделялось, как многим покажется нынче, непропорционально много внимания. При этом тогда еще никому или почти никому не приходило в голову объявлять увековеченные на могилах имена, именами классовых врагов, социально чуждых элементов или просто нежелательных персонажей.

Тем не менее, множество памятников, которые я видел и хорошо запомнил в 5-6-летнем возрасте, исчезли, причем не всегда могу сказать когда, куда и почему. Конечно, зигзаги генеральной линии партии, вместе с которыми колебалось и обывательское сознание, сыграли немалую роль в бесследном исчезновении персонажей и имен, но все-таки проваливающихся в небытие негрузин было явно больше, чем грузин и постепенно, хотя бы в наименовании улиц и переулков процент грузинских имен и фамилий все более нарастал. Большинство этих имен, принадлежавших не слишком значимым большевикам и мелким партийным деятелям очень мало кому были знакомы. В конце концов таковых было не так уж много, а улочек и переулков, да и других, требовавших переименования объектов, как в больших городах, так и в населенных пунктах поменьше имелось огромное число.

Но помимо увековечения тривиальных мелких революционеров, попадались и действительно неординарные случаи. Думаю, что только в Тбилиси имелась улица явно опального историка Куфтина, весьма достойного, но мало где, помимо Грузии, известного ученого Мари Броссе, и вряд ли где либо еще в СССР имелась улица имени великого французского скульптора Огюста Родена. Потому что когда горсовет вознамерился увековечить имя прекрасного скульптора Якова Николадзе, то сам скульптор потребовал, чтобы сначала воздали должное имени его покойного французского учителя.

Я родился и вырос на Орбелиановской улице. Она называлась так, надо полагать, еще с XVIII века, ибо там располагалось подворье армяно-грузинского (изначально грузинского, но потом ставшего в большей мере армянским) княжеского рода Орбели/Орбелиани/Орбелянов. В потоке переименований дореволюционное название Орбелиановская поменяли на улицу Орбеляна, но через год или два городские власти спохватились и заменили ее табличкой «ул. Г. Орбелиани» в честь не самого выдающегося писателя-представителя этого рода, но дело в том, что улица Сулхан-Саба Орбелиани, великого ученого-лексикографа XVIII века уже существовала в совсем другом районе города. Через какое-то время моя улица стала просто улицей Орбелиани, а другая просто улицей Сулхан-Саба.

Наверное, про перипетии судеб микротопонимов Грузии можно было бы написать отдельную, большую и увлекательную книгу. Особыми главами в ней были бы истории топонимов Абхазии и Южной Осетии, многие из которых изменялись многократно, но это совершенно особая тема. Могу лишь сказать, что с ходом времени русские и армянские по своим основам топонимы становились все малочисленнее, а нынче их, кажется и вовсе не осталось, кроме разве что Пушкинской улицы. Главная же площадь города попеременно была до установления российского владычества Караван-Сарайской, затем, после преобразования Эриванского ханства в одноимен-

ную губернию Российской Империи, стала Эриванской, затем на короткое время площадью Свободы, далее площадью Республики, потом на довольно длительный срок площадью Л.П. Берия, после развенчания или, если угодно, «разоблачения» какового, она стала называться площадью Ленина, а с провозглашением независимости Грузии вновь площадью Свободы и никто не поручится, что ее в будущем не ждет еще несколько очередных звучных имен. Такие примеры можно было бы умножать едва ли не до бесконечности.

Дореволюционный Тифлис был в гораздо большей степени, чем Ереван или равноценный ему в те времена по значению Александрополь (позднее Ленинакан, а ныне Гюмри), очагом армянской культурной жизни, и в многонациональном населении города, армяне были многочисленнее всех других, даже «титульной нации». Но культурный круг моих родителей, их близких и друзей, бесспорно был по преимуществу русским. Поэтому, будучи благодаря им неплохо знаком как с классической русской так и с западноевропейской – английской, немецкой, французской литературой и культурой, – я до 12-ти лет сравнительно мало соприкасался с грузинской и, тем более, армянской словесностью. Правда, был источник, который в какой-то мере восполнял этот пробел. Источник этот был эпиграфическим. Жаркие летние месяцы в довоенные и предвоенные годы детские и подростковые компоненты, как нашей большой семьи, так и семей наших знакомых, проводили в дачных и сельских местностях Грузии: в Кахетии, Джавахетии, в Абхазии, Аджарии и в более близких окрестностях Тифлиса, и специфика этих мест была такова, что более всего игры и прогулки младшего поколения сосредотачивались в районе старых, по большей части даже заброшенных кладбищ. Они состояли не столько из собственно могил, сколько из старых, полузабытых, нередко наполовину вросших в землю, но почти всегда покрытых наивной, чисто народной резьбой и многословными резными надписями надгробных плит разной величины и формы. Надписи эти были еще видны достаточно отчетливо, а читать я умел на всех, употребляемых в годы их создания, языках. Конечно, это было довольно однообразное по тематике чтение, но от этого не менее интересное, а времени разбирать эти письмена у меня было более чем достаточно. Шумные и подвижные игры, преимущественно с более старшими детьми меня не очень привлекали.

Склонность к чтению кладбищенской эпиграфики сохранилась у меня и позже, и я охотно занимался им, пока сохранял достаточную подвижность, вплоть до начала XXI столетия. Я старался удовлетворить эту сторону моего любопытства и во Франции, и в США, и в Японии, и в Черногории, но более всего, конечно, на кладбищах сел и малых городов Армении и Грузии, и многие места мне удавалось посетить неоднократно со значительными интервалами во времени. Не буду утомлять читателя подробностями об интереснейших наблюдениях, которые мне удалось почерпнуть во время этих увлекательных экскурсий. Многие кладбища в холмистых и гористых районах размещаются на достаточно крутых склонах и, как человеческая деятельность, так и природные процессы ведут со временем к их существенному преобразованию и разрушению. При этом в Грузии я замечал, что на протяжении примерно 60-ти лет, вплоть до начала 2000-х годов в ходе этих, скорее природных, чем антропогенных разрушений, более всего страдали и даже полностью исчезали преимущественно надгробия с русской и армянской эпиграфикой, а грузино-язычные памятники все более умножались. Это вполне понятно и отражало параллельно

шедший процесс увеличения доли грузинского компонента среди ныне живущего населения больших и малых городов и сел Центральной и Восточной Грузии, в том числе и самого Тбилиси. Но, кроме этих, более или менее естественных процессов и изменений немалую роль в исчезновении старых, притом не грузинских по своей маркировке могил играла и целенаправленная, не побоюсь этого слова, кладбищенская политика. И в детстве и в юности, и вплоть до ухода из жизни моего отца (1983 г.) любимым местом проведения моего досуга в Тбилиси был великолепный ботанический сад. В силу специфики топографии города он находится совсем недалеко от официального центра, но отделен от города небольшим и легко преодолимым как по шоссе, так и по пронзающему его тоннелю Сололакским хребтом. С 1950-х годов хребет венчает как бы осеняющая город и хорошо видная со многих мест в центре города огромная фигура Матери-Грузии, и, левее ее, развалины цитадели Нарикала, а за хребтом расположился сам ботанический сад, с протекающей по нему речкой Легвта-Хеви. За речкой территория сада переходила в пустырь, частично занятый мусульманским (в основном азербайджанским) кладбищем, а у подножия развалин Нарикалы размещался населенный преимущественно азербайджанцами «Банный квартал» и шиитская мечеть. Кладбище было очень живописным и особое обаяние ему придавали несколько небольших, но изящно декорированных кирпичных мавзолеев и ряд больших могильных плит, покрытых затейливыми арабесками и надписями арабской вязью. Поскольку арабицу я читать не умею, то о содержании этих надписей мог только догадываться, и заходил на кладбище лишь изредка. Но в пределах самого сада, недалеко от выхода в сторону мечети была одна могила, которую я посещал почти каждый раз, когда приходил в сад.

Это была невысокая, чуть больше метра, усеченная пирамида, образованная четырьмя мраморными плитами. Впервые я увидел ее еще подростком в 12-ти летнем возрасте и до сих пор клянусь за то, что в свое время не скопировал этих надписей и даже не запомнил имени погребенного под нею человека. Могу сказать только, что это были обычные, очень типичные для азербайджанца имя, отчество и фамилия. Но надпись на четырех плитах, и соответственно на четырех языках – русском, грузинском, армянском и (арабицей) азербайджанском – я запомнил очень хорошо. «Дорогому (имярек), павшему жертвой гнусной провокации (... числа) 1905 года от его сотоварищей по цеху мясников».

Надо сказать, что до начала 1930-х годов большинство ремесленников и мелких торговцев и предпринимателей Тбилиси (тогда еще Тифлиса) были организованы в многочисленные цеха: пекарей, кузнецов, гончаров, ковроткачей, сапожников, портных, мельников и т.д. Среди мясников преобладали азербайджанцы, среди кузнецов армяне, но в целом это были вполне интернациональные по своему духу организации, восходящие по времени образования к средневековью, и сохранявшие многие средневековые атрибуты – свои цеховые праздники, мифических святых покровителей (невзирая на поликонфессиональный состав любого цеха), цеховые знамена и тому подобное. Наверное, мне было года 2-3, но я еще смутно помню проходивший в Александровском саду, наверное, последний цеховой праздник, очевидно посвященный самороспуску цеха, хотя я уже не могу сказать какого именно. Эти цеха в 1930-е годы были преобразованы в артели или какие-то иные, соответствующие советскому укладу жизни организации и быстро стерлись из памяти горожан. Но могила в ботаническом саду оставалась замечательным памятником реальной друж-

бе народов, настоящему интернационализму и гуманизму трудящегося населения Тбилиси. Оставалась до какого-то момента, когда, наверное в 1950 каком-то году, придя в ботанический сад в очередной мой приезд в Тбилиси (уже будучи студентом в Москве), с ужасом я не увидел ее на своем месте. Она была просто стерта с лица земли и ничто, кроме неуместно расширяющейся садовой дорожки, не напоминало о ее многолетнем существовании. Куда делись мраморные плиты, озабочился ли кто-нибудь об их сохранении где-то в подвале, или они просто были разбиты и выброшены в речку, я не знаю.

Сначала я подумал: «Какой же дурак не сделал из этой могилы пропагандистского пособия по пролетарскому интернационализму». Но потом сообразил, что интернационализм получился бы не столько пролетарский, сколько мелкобуржуазный, а кроме того, это шло бы вразрез с оформившимся в послевоенные годы и с тех пор только набиравшим силу мелкотравчатым грузинским шовинизмом, пока наконец Тбилиси, некогда бывший центром всего многонационального Кавказа, не превратился в прекрасный, но сугубо именно грузинский и только грузинский город.

Следующие этапы этой грузинизации кладбищ Грузии я мог наблюдать в течение ряда лет все в том же ботаническом саду. Сначала были разрушены и поглощены весенним морем маков непритязательные, но полные своего очарования маленькие мусульманские мавзолеи, затем куда-то исчезли массивные, почти черные базальтовые плиты-надгробия. Кому-то пришлось с ними изрядно повозиться, я нашел их в дальнем углу сада в тенистом, постоянно влажном уголке рядом с водопадом и переброшенным через него мостом. Там они были сложены штабелем и слегка присыпаны землей. Но еще через пару лет их и там уже не оказалось, наверное, они все-таки где-то кому-тогодились. Осталась и, полагаю до сих пор пребывает нетронутой лишь маленькая площадка, заполненная надгробиями семьи Ахундовых, в центре которой, среди вросших в землю плит высилась, и, может быть высится и по сей день примерно полутораметровая вертикаль, увенчанная бюстом Мирзы Фатали Ахундова – ведущего среди прогрессивно-либеральных демократов Азербайджана XIX века. Ввиду большого исторического значения этой личности, площадка, занятая могилами его клана, смогла уцелеть, но была окружена уродливой железной оградой, в принципе совершенно не свойственной мусульманским кладбищам и заросла молодыми деревцами. Можно предположить, что столь соблазнительное место на горе будет очень востребовано для бурно развивающихся новостроек Тбилиси.

Я рассказал здесь лишь о маленьких локальных эпизодах той грандиозной войны могил, которая развернулась по всему Кавказу еще с момента зарождения своих национальных буржуазий в XIX веке, с вхождением Кавказа и Закавказья в гигантский, начинающий развиваться механизм имперской капиталистической экономики с неизбежно свойственными раннему капитализму националистическими и шовинистическими тенденциями. Объектами агрессии становятся захоронения любой национальной принадлежности, кроме господствующей в данном ареале.

Пожалуй, менее всего истребляющая враждебность направлена как раз против мусульманских могил, но это в немалой степени потому, что пиетет по отношению к рядовым могилам вообще мало присущ исламу, простые могилы зачастую никак не маркируются и исчезают сами по себе. Исключения составляют захоронения выдающихся своей святостью и общественным значением людей, но в этих случаях

сооружаются либо мавзолеи либо на месте захоронения возникает так называемый зиярат – обширные и имеющие сложную структуру места поклонения.

В Грузии и Армении мавзолеи имелись и отчасти сохраняются, хотя многие из них были разрушены в соответствии с советской установкой борьбы с религиозными сооружениями, но зияратов я нигде не встречал. На Северном Кавказе зияраты есть практически в каждой республике, но более всего в Ингушетии, Чечне и Дагестане. Надо учесть, что традиции сооружения погребальных склепов, которые не всегда можно отграничить от мавзолеев, уходят на Северном Кавказе своими корнями еще в языческую доисламскую эпоху, а в форме дольменов едва ли не в эпоху неолита. Случаев вандализма по отношению к ним известно немало, но, как правило, националистической подоплеки они не имеют.

Армяне, напротив, с момента своего появления на исторической сцене, т.е. с V века до н.э., да и их трудно определяемые предполагаемые предшественники или прото-предки отличались ярко выраженным стремлением отмечать все значимые места и в особенности захоронения изощренными и разнообразно изукрашенными резными каменными фигурами. С христианизацией Армении, официально провозглашенной в 301 году, излюбленной формой таких памятников стал хачкар, буквально крест-камень. В самой Армении хачкары встречаются на каждом шагу, геологическая структура Армении, изобилующая мягким, легко режущимся камнем, таким как туф разных оттенков и фактур, конечно, немало этому способствовала. Хотя в различных районах Армении могли и могут быть популярны иные формы резных каменных надгробий, хачкары встречаются тут повсеместно. Иногда это просто каменные глыбы с безыскусно прорезанными на них крестами, но гораздо чаще это тщательно отесанные стелы, с одной стороны украшенные сложнофигурным, т.н. процветшим крестом, иногда с надписью или датой, и, как правило, покрывающим всю крестonosную поверхность стелы причудливым орнаментом, нередко превращающимся в высокохудожественное каменное кружево. Но если собственно в Армении никто на их целостность не посягает, то за пределами страны они сплошь и рядом становятся излюбленными объектами вандализма. Наиболее показателен в этом плане Азербайджан.

Нахичеванский край, то есть протянувшаяся по левому берегу Аракса плодородная долина в прошлом безусловно был заселенной преимущественно армянами территорией, но и его благодатные природные условия, и выгодное положение на пересечении важнейших торговых путей этой части Юго-Восточного Закавказья, делали его ценным объектом вожелений правителей и завоевателей самого разного происхождения. В конце XIX – начале XX веков азербайджанцы составляли около половины его населения, до 40% здесь было армян, плюс небольшие включения других, занятых преимущественно в торговле этносов: персов, анатолийских турок, ассирийцев. Важнейшим торговым центром была здесь Новая Джульфа (Нор-Джуга), более чем наполовину населенная армянами. Именно здесь на протяжении XVI века, если не ранее, и до конца XIX века образовалось самое большое скопление хачкаров, служивших, в основном, надгробными памятниками. Подробные, хотя и неоднозначные сведения об их формировании и судьбе можно найти в Интернете, я укажу только, что общее их предполагаемое число варьирует от нескольких тысяч до десятка и более тысяч, но 6 тысяч на конец XIX века наиболее правдоподобная оценка. 700 с лишним изображений наиболее художественно ценных из них опубликованы в прекрасно изданном альбоме, а несколько десятков были вывезены в другие ме-

ста, более всего в Эчмиадзин и сейчас доступны для обозрения. Но многие сотни, если не тысячи других хачкаров, не вошедших ни в какие публикации, в не меньшей степени представляли собой шедевры филигранной, изысканной каменной резьбы. Не считая небольшого числа вывезенных в другие места для включения в художественные экспозиции стел, вплоть до распада СССР, джюльфинское поле хачкаров не подвергалось каким-либо переделкам и, тем более, намеренному осквернению.

Положение изменилось с провозглашением независимости Азербайджана и самостоятельного автономного статуса Нахичеванской республики. Первоначально появился ряд псевдонаучных публикаций, в которых они объявлялись культурным наследием якобы древнетюркского в своей основе, населения края, в дальнейшем вошедшего в состав формировавшейся азербайджанской нации. При этом христианская символика так или иначе имеющаяся на любом хачкаре, хотя бы в виде центрального изображения креста, объявлялась лишь преходящим этапом в ходе развития, этого якобы албанского, по своим этническим корням, населения. Однако, потом эта, не выдерживающая никакой критики концепция, была отброшена, и возобладала установка на полную облитерацию каких-либо следов немусульманского и тюркского присутствия на территории Нахичеванского Края. В ходе реализации этой концепции, в конце XX и в первые годы XXI века в несколько приемов все хачкары джюльфинского поля памятников были выкорчеваны, разбиты на три и более частей каждый и либо вывезены в неизвестном направлении, либо просто сброшены в реку Аракс, а освободившаяся территория была занята подразделениями армии Азербайджана под стрельбищный полигон, и доступ на нее посторонним был перекрыт. Протесты мировой научной общественности на уровне ООН и Юнеско имели место, но остались беспардонно проигнорированы.

Имеются сведения об уничтожении армянских христианских памятников, в том числе и надмогильных, и из других территорий, принадлежащих Азербайджану, но в сегодняшней политической обстановке никакая проверка этих слухов невозможна. Что касается уничтожения джюльфинского комплекса памятников, то он хотя бы частично документирован фотосъемкой, сделанной рядом частных лиц, проводившейся с правого берега Аракса, являющегося иранской территорией. За пределами Азербайджана мне достоверно известен только один случай подрыва недавно установленного хачкара в селе Гайкадзор на территории Краснодарского края. По непроверенным данным этот подрыв был совершен группой суперрадикалов – националистов, якобы связанной с какой-то из самозванных, псевдо-казачьих организаций, но официального расследования, насколько мне известно, не производилось.

С другой стороны, при посещении армянской церкви во Владикавказе я мог видеть несколько весьма художественно ценных новых хачкаров, воздвигнутых по случаю столетия геноцида армян в султанской Турции в 1915 году.

На территории Грузии многие из старых армянских захоронений, и далеко не только армянских, исчезли в результате оползней, в ходе освоения заброшенных или реконструируемых кладбищ под новую застройку. Деятельность такого рода была особенно активна в 30-е годы XX века, и шла в русле общесоветской практики антирелигиозных мероприятий. Крупнейшим из таких мероприятий можно считать снос Ванского армянского собора в Тбилиси в 1938 году. Снос был осуществлен официально как входящий в план реконструкции квартала, расположенного между Колхозной площадью и улицей Бараташвили, переходящей в Мухранский мост через реку Куру.

Этот район в прошедшем и нынешнем веках вообще подвергся существенной реконструкции и реставрации. Так, Круглая башня на Курной улице, замыкающая орбелиановское подворье с юго-восточной стороны, пострадала от разрушительного действия времени почти на две трети своей высоты и была восстановлена по принципу частичного новодела более чем на эти две трети. Одну сторону улицы Бараташвили украсил многоэтажный, весьма эффектный жилой дом, сочетающий в своей архитектуре грузинские и общеурбанистические мотивы, построенный в конце 1940-х годов. Противоположная сторона улицы значительно позже была облагорожена путем сноса ветхих строений XIX века и на 80-90% восстановлена новодельной реставрацией крепостных стен XVII – XVIII веков.

Ванкский собор, крупнейшая армянская церковь в дореволюционной Грузии, был построен на средства армянского купечества Тифлиса в XIX веке и был одним из важнейших религиозных памятников мировой армянской общественности того времени. Особое значение ему придавало обширное кладбище при соборе, на котором были похоронены поэт и писатель Ованес Туманян, писатель романист Раффи, драматург Габриэл Сундукян и многие другие выдающиеся деятели армянской литературы и культуры, проживавшие, творившие и скончавшиеся в Тифлисе в конце XIX начале XX века. Хотя снос собора происходил в 1938 году, в разгар репрессивной деятельности Л.П. Берия, тем не менее, он вызвал активный и массовый протест армянского населения и, прежде всего, интеллектуальной общественности города. Чтобы как-то успокоить этот протест, было объявлено, что на освободившейся территории будет построена крупнейшая в городе армянская школа. Надо сказать, что она функционирует и по сей день, хотя большинство других армянских школ в Тбилиси преобразованы в грузинские, то есть с преподаванием на грузинском языке.

Что касается захоронений на кладбище при Ванкском соборе, то большинство из них было перенесено на противоположный берег Куры на Ходживанкское кладбище, расположенное на холме Элиа над историческим армянским кварталом Авлабар. Там нашли свое пристанище, как оказалось недолгое, десятки могил деятелей армянской культуры, но, в независимой Грузии в 90-х годах XX века район Элиа вновь стал местом грандиозного строительства грузинского православного Троицкого собора, которое вместе с другими церковными объектами поглотило практически всю территорию района Элиа вместе с Ходживанкским кладбищем и другими армянскими культовыми объектами. Достоверной информацией о том, куда были перенесены в очередной раз или просто вывезены со строительным мусором могильные памятники как XX так и ряда предшествующих веков, а так же хачкары и другие элементы Ходживанкского комплекса, я не обладаю, хотя в Интернете такие тексты есть.

Конкретные случаи уничтожения памятников, в том числе и надгробных, или попытки такого уничтожения, в Грузии отнюдь не редкость, хотя, конечно, по своим масштабам они не идут ни в какое сравнение с массовой кампанией по уничтожению следов армянского присутствия, проводимой в Азербайджане. Эти мероприятия, зачастую официально санкционированные местными властями, касаются не только и даже не столько армянских памятников, сколько вообще исторических артефактов советского и досоветского времени. Весьма интересные и даже художественно ценные документальные фильмы, равно как и устные фольклорные бывальщины, касаются, например, борьбы за снос и восстановление, релокацию и прочие операции, проводящиеся в отношении целого ряда памятников В.И. Ленину, И.В. Ста-

лину и другим большевистским деятелям. Иногда такого рода кампании приобретают совершенно гротескный характер: несколько лет тому назад нашлась группа ультранационалистов, которые потребовали демонтировать гробницу и памятник А.С. Грибоедова, открывающие вход на Пантеон, расположенный на склоне горы Мтацминда. Памятник этот был сооружен стараниями его безутешной вдовы княжны Нино Чавчавадзе. К счастью, протесты общественности довольно скоро похоронили эту нелепую инициативу, но в других, менее громких и не привлекающих общественное внимание случаях подобные выпады в наше беспокойное время, надо думать, будут снова иметь свои рецидивы.

S.A. Arutunov. My Diaspora.

The material published above is mainly devoted to the author's personal observations in the mid- and late twentieth century on the situation of the Armenian population in different regions of the Caucasus and the attitude of the surrounding majority, as well as the administration towards Armenians, both to the population itself and to the memory of its presence.

Key words: *Armenian Diaspora, khachkar, cemeteries, burial.*

ФИЗИЧЕСКАЯ (БИОЛОГИЧЕСКАЯ) АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 569.96(4/5):004.65

© Г.Г. Кравченко, Д.Г. Кравченко, М.П. Рыкун,
К.Н. Солодовников, А.А. Хохлов

**ОПЫТ СОЗДАНИЯ БАЗЫ ДАННЫХ ПО
ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ
ПОПУЛЯЦИЙ КРУГА ЯМНОЙ И
АФАНАСЬЕВСКОЙ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА
ЕВРАЗИИ – РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ***

В статье изложены концептуальные подходы к проектированию и особенности разработки базы данных по палеоантропологическим материалам популяций круга ямной и афанасьевской культур эпохи раннего металла Евразии. Работа разделена на две части: первая предусматривала создание схемы базы данных и средств для ее наполнения, вторая рассматривается как предстоящая работа и будет включать создание средств для работы антропологов с данными. Работы по первой части в основном завершены. Разрабатываемая база данных рассматривается как единое хранилище для структурированной по единым правилам и наиболее значимой информации о вышеуказанных материалах. Такое хранилище, в отличие от печатных вариантов, может естественным образом пополняться и изменяться, оставаясь таким образом всегда в актуальном состоянии. После выполнения второй части работы у пользователей появится возможность систематизировать и использовать материалы в зависимости от своих задач.

Ключевые слова: палеоантропология, ямная культура, афанасьевская культура, краниологические данные, остеологические данные, фотофиксация, модель данных, база данных

Кравченко Геннадий Григорьевич – кандидат физико-математических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета. Эл. почта: ggk_07@mail.ru.

Кравченко Дмитрий Геннадьевич – инженер-программист, kd2@mail.ru.

Рыкун Марина Петровна – кандидат исторических наук, заведующая кабинетом антропологии Национального исследовательского Томского государственного университета. Эл. почта: m_rykun@mail.ru

Солодовников Константин Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института проблем освоения Севера, Тюменского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук, Федерального исследовательского центра. Эл. почта: solodk@list.ru.

Хохлов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор Самарского государственного социально-педагогического университета. Эл. почта: khokhlov_aa@mail.ru.

* Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018-2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № № 0371-2018-0034, и при поддержке грантов РФФИ № 18-09-00779 и № 18-09-00309.

В любой науке необходимым условием объективности выдвигаемых доказательств, предположений и гипотез, совершенствования ее методов познания и развития в целом является целенаправленный сбор, качественное хранение, систематизация и периодическая инвентаризация фактического материала. На современном этапе исследований существуют разные формы кодирования и доведения первоисточников до широкого круга ученых – от специализированных бланков, публикационной и отчетной информации до электронных баз данных. Среди них электронная фиксация данных имеет преимущество в быстром и доступном публичном распространении, максимально качественной их подаче, включая различные иллюстративные оформления источника.

В антропологии многие исследователи имеют собственные базы данных, сформированные, как правило, на основе «MS Excel», но они предназначены для личного пользования и фактически представляют наборы электронных таблиц.

Инициатива создания компьютерного каталога и баз данных антропологических коллекций в России принадлежит сотрудникам Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Чистов, Титов 2003: 119–127). Созданная (начиная с 1992 г.) к настоящему времени в этой организации база данных представляет одну таблицу MS Excel. Она содержит данные об измерениях 3139 черепов (2209 мужских и 930 женских), представляющих 16 этнических групп. Материалы происходят из различных районов Восточной и Северо-Восточной Европы, в том числе России, Финляндии, Эстонии, Латвии и Белоруссии. Датировка большинства материалов укладывается в период с 17 по начало 20 вв. Помимо собственно измерений, таблица содержит 11 полей с информацией о черепе и авторах измерений, здесь же находятся специальные элементы управления, необходимые для сортировки и применения фильтра при работе с данными. Эта таблица представляет собой и пользовательский интерфейс, что не всегда удобно (*Широбоков и др.* 2017). В этой же работе содержится краткий обзор подобных баз данных, созданных за рубежом.

Среди существующих в России электронных баз данных по палеоантропологии, существует специально спроектированная и разработанная для КА ТГУ (*Рыкун и др.* 2011: 126–134). В основе этой БД лежит фиксация палеоантропологических материалов конкретного адресного фонда, в данном случае Томского университета, со сложившейся системой регистрации и учета объектов хранения. Эта БД содержит, в том числе, подробные сведения об условиях поступления материалов, фиксирует несколько вариантов измерений одного и того же объекта и т.д.

При проектировании и разработке настоящей базы данных была учтена необходимость хранения в ней сведений, которые могут быть полезны с любой исследовательской точки зрения. Для этого материал должен иметь четкую географическую и историческую привязку; информацию о научных публикациях и отчетах, где он прежде был представлен; его морфологические (краниологические и остеометрические) характеристики, иллюстрации. Последний аспект учета необходим не только в связи с требованиями классического хранения первоисточника, документированного фотофиксацией. Визуальное восприятие конкретной палеоантропологической находки позволяет удостовериться в ранее опубликованной для нее оценке, или же, напротив, усомниться. В случае суммарных внутригрупповых и межгрупповых сопоставлений, общее зрительное восприятие, к примеру, краниологических выборок может быть весьма полезным для сравнения с результатами, полученными формальными методами многомерной статистики (классификации, кластеризации).

Как вариант, для создаваемой нами базы данных рассматривалось программное обеспечение, разработанное для БнД КА ТГУ (*Рыкун и др.* 2011: 126-134). Несмотря на то, что в обоих случаях речь идет об одних и тех же наборах данных, в основе создаваемой базы данных и созданной для КА ТГУ лежат разные концептуальные подходы. Для банка данных КА ТГУ моделируемой предметной областью являются фонды КА ТГУ, со сложившейся в них системой учета объектов хранения. Соответственно, важную роль в этом случае является учетно-хранительская информация и появляется сущность «объект учета».

Создаваемая база данных в основном моделирует множество палеоантропологических объектов, имеющих определенную культурно-историческую идентификацию. Храниться они могут в различных учреждениях с отличающимися условиями учета хранимых материалов. Фактически, база данных КА ТГУ имеет некоторые избыточные данные с точки зрения создаваемой БД (например, условия поступления материалов, статус хранимых объектов и др.). При этом, с точки необходимости поддерживать по-возможности широкий круг задач антропологов, база данных КА ТГУ не содержит некоторых необходимых данных, таких как углеводородное датирование, ссылки на публикации и др. Все это явилось основанием для постановки задачи на проектирование и разработку новой базы данных.

Основная функция создаваемой базы данных – предоставление единого хранилища для структурированной по единым правилам и наиболее значимой информации, относящейся к палеоантропологии популяций, связанных с кругом ямной и афанасьевской культур. То есть, рассматриваются данные как предшествующих ямной культур добронзовой эпохи, так и последующих – полтавкинской, тамаруткульской, криволукской, а также культур средней бронзы. Носители афанасьевской культуры представлены материалами Горного Алтая (включая арагольский, куротинский и улитинский типы погребения), а также Минусинской котловины и прилегающих регионов.

Адекватная картина расогенеза носителей этих культур возможна лишь при наличии репрезентативных краниологических, остеологических, одонтологических данных с максимальным пространственным и временным диапазоном. В связи с этим большое значение имеет единый подход к систематизации и атрибутации палеоантропологических материалов, находящихся в фондах различных учреждений (музеи, университеты, академические институты).

Степень детализации информации в создаваемой нами базе данных не должна быть избыточной (иначе не удастся преодолеть различия в представлении информации разных учреждений), но вместе с тем достаточной для решения основных задач.

Среди таких задач, в первую очередь, нужно назвать междисциплинарные исследования миграционных процессов на основе индивидуальных и средних значений по конкретным группам населения. Для изучения пространственно-временных изменений в базе должны содержаться географические координаты мест сбора палеоантропологических материалов, а также результаты их датировки. Как отмечено выше, обязательным требованием к данной базе является то, что в ней, наряду с цифровой и текстовой информацией, должны храниться фотоизображения палеоантропологических объектов. Также в этой базе должны быть ссылки на археологические отчеты и публикации (последние или наиболее значимые) как на первоисточники используемой информации. Так как создание в базе данных подсистемы

для хранения данных библиографических описаний публикаций в соответствии с принятыми сейчас стандартами (как в электронных библиотеках) является достаточно сложной задачей, то принято решение хранить ссылки в текстовом виде. Здесь же можно добавлять электронный адрес публикации. Поскольку большинство публикаций сейчас издается сразу в электронном виде (изданные ранее интенсивно оцифровываются), то по этому адресу сразу можно получить доступ к нужной публикации.

Основной сущностью в модели создаваемой базы данных является скелет. Описанные выше требования к БД приводят к необходимости использования более сложной модели предметной области, чем в (Широбоков и др. 2017), так как база данных на основе универсального отношения в данном случае становится неэффективной. Поэтому возникает необходимость разработки реляционной базы данных.

Как сказано выше, палеоантропологические материалы для создаваемой базы данных происходят с территорий Волго-Уралья (ямная, полтавкинская, тамаруткульская и другие археологические культуры), Горного Алтая, Минусинской котловины (афанасьевская культура) и сопредельных территорий. Хронологически они относятся к энеолиту – средней бронзе. В Волго-Уралье насчитывается значительное число археологических памятников, давших не менее 135 скелетов, относящихся к ямной, полтавкинской, тамаруткульской, криволукской культурам (Хахлов 2017). Если сюда добавить материалы Нижней Волги (Балабанова 2016: 72–94), Калмыкии и других регионов, а также материалы добронзовой эпохи и средней бронзы, то количество скелетов возрастет в несколько раз. В последнем и наиболее полном своде памятников афанасьевской культуры приведены сведения о 215 археологических памятниках, хотя они и не все дали антропологические материалы (Вадецкая и др. 2014). Исходя из этих оценок, объем записей в базе данных можно оценить в 400–500.

Так как основной сущностью создаваемой базы данных является скелет, то его атрибутика должна быть полной, хотя и не избыточной. Соответствующая принятому в данном случае «оптимуму» модель данных предметной области в виде ER-модели (модель «сущность-связь») показана на рис. 1.

Основными структурами в ER-модели являются множества сущностей и множества связей между сущностями. Для описания логической структуры данной предметной области были использованы нотации диаграмм, поддерживаемые в системе ERWIN. Эти нотации приняты в модели IDEF1x – модификации классической ER-модели. Каждое выявленное множество сущностей изображено на ER-диаграмме в виде прямоугольника, над которым указано название множества. Названия атрибутов каждого множества сущностей перечислены внутри соответствующего прямоугольника. Каждый прямоугольник разделен прямой линией на две части – в верхней указываются атрибуты, входящие в первичный ключ сущности, в нижней – все остальные ее атрибуты. Множества связей обозначены линиями, соединяющими соответствующие множества сущностей. В использовавшейся модели IDEF1x связи могут быть только бинарными – между двумя сущностями. Также в рамках этой модели поддерживается два типа множеств сущностей: независимые и зависимые. Первые, экземпляры которых могут быть уникальным образом идентифицированы без определения связи с сущностями из других множеств, изображены на ER-диаграмме прямоугольником с острыми углами. Вторые, экземпляры которых не могут быть уникальным образом идентифицированы без определения связи с сущностями из других множеств, показаны прямоугольником с закругленными углами. Со-

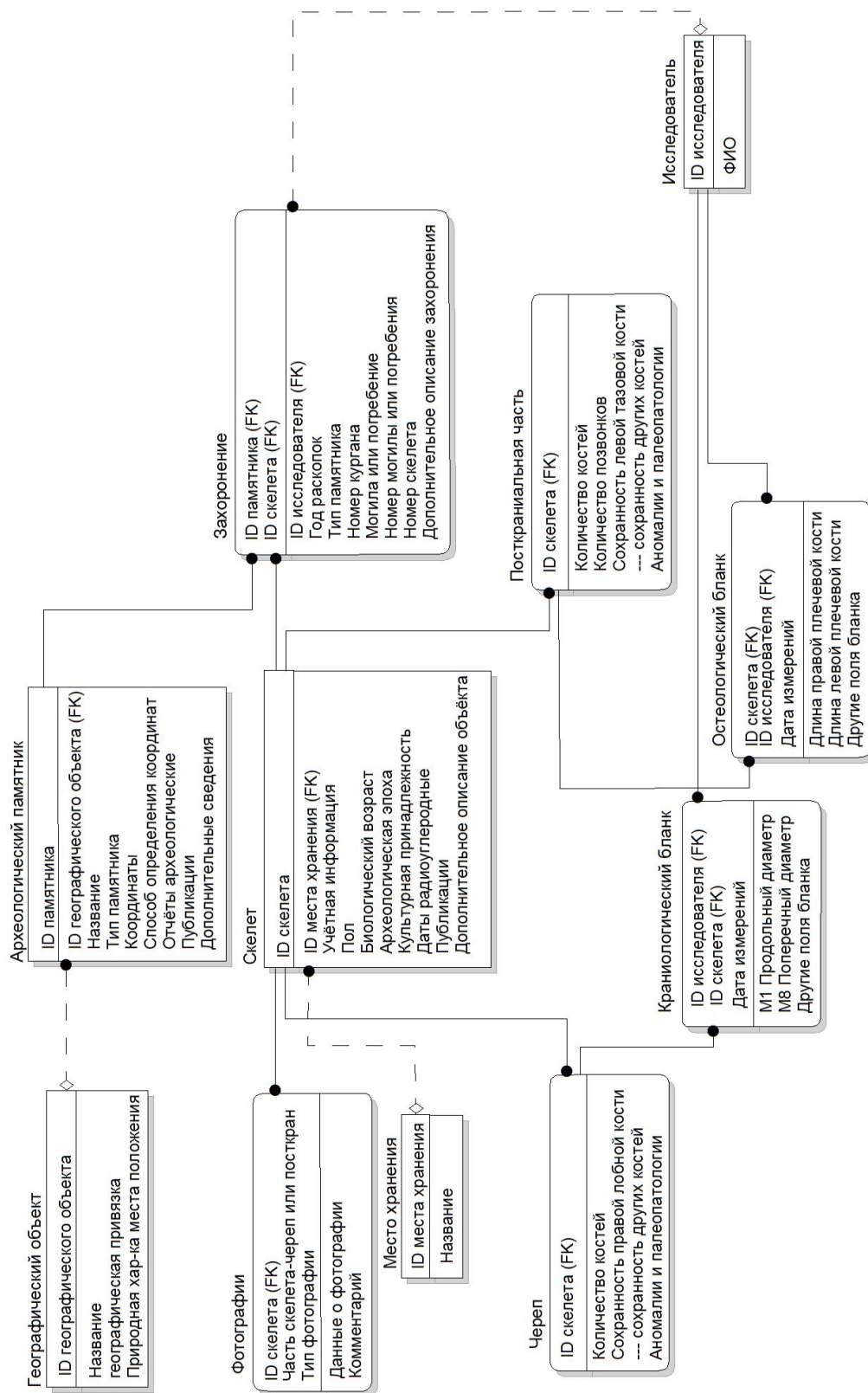

Рис. 1. ER-модель данных рассматриваемой предметной области.

ответственно множества связей между зависимыми и независимыми сущностями (идентифицирующих связей) показаны сплошными линиями, а множества связей между независимыми друг от друга сущностями (неидентифицирующих связей) – пунктирными линиями. Кардинальность связи обозначает отношения числа экземпляров одной сущности к числу экземпляров другой. Точка на конце линии у прямоугольника служит для обозначения кардинальности связи, указывая, что несколько сущностей из соответствующего множества могут быть ассоциированы с одной и той же сущностью из множества на другом конце связи. Если это верно для обоих множеств, сущности которых участвуют в связи, то говорят, что соответствующие связи имеют тип «многие-ко-многим». Примером связи «многие-ко-многим» в данном случае является связь «археологический памятник» – «исследователь», а связи «один ко многим» – «археологический памятник» – «скелет».

Как показал опыт разработки БнД КА ТГУ, в данном случае также целесообразно сразу предусмотреть два жизненных цикла. При наполнении банка данных КА ТГУ исходное информационное обеспечение было достаточно хорошо подготовлено для загрузки в базу данных в виде записей так называемых «инвентарных книгах», а также на стандартных бланках измерений. В данном случае дополнительным фактором в пользу того, чтобы заранее запланировать два жизненных цикла базы данных является и то, что исходные материалы получены в разное время разными авторами и хранятся в разных учреждениях. Сбор этой информации и приведение ее к стандартам разрабатываемой базы данных является самостоятельной и достаточно трудоемкой задачей. Как известно, такие данные являются плохо формализованными. Поэтому следует предусматривать, что по мере поступления информации из разных источников возможны изменения как в реляционной схеме базы данных, так и в интерфейсных формах. Соответственно, интерфейс для доступа к данным в этом случае получается наиболее простым и при необходимости может быть легко изменен. То есть, фактически на данном этапе необходима настольная информационная система управления базами данных (СУБД). В этом случае достаточно использовать СУБД MS Access. Из построенной ER-модели предметной области была спроектирована реляционная модель базы данных, на основе которой, в свою очередь, была создана сама база данных. Последняя, как часть информационной системы, выполняет функцию структурированного информационного хранилища. Схема БД в настоящее время состоит из 26 таблиц, часть из которых являются справочниками – простыми справочными таблицами с 2 столбцами. Данные фотографий черепов в этом цикле хранятся не в БД, а в виде отдельных файлов на жестком диске. Относительный путь к этим файлам вместе с метаданными фотографий (год, автор и др.) хранится в БД в специальной таблице CRAN_PHOTOS. Впоследствии, в следующем цикле, данные фотографий могут быть загружены для хранения непосредственно в БД, как это было сделано для базы данных КА ТГУ.

Программный интерфейс для загрузки данных в БД базируется на единственной главной экранной форме, которая запускается при старте и отображает все основные атрибуты костяка одного индивидуума. Для удобства и в соответствии со сложившейся практикой, эти атрибуты разделены (только на экранной форме!) на следующие группы: «паспортные данные», «идентификация скелета», «морфология скелета». В самом низу формы расположены стандартные кнопки для навигации по записям, относящимся к различным индивидуумам. Также внизу расположены

кнопки для открытия связанных дочерних форм. Эти кнопки делятся на 2 похожих набора: для данных о черепе и для данных о посткраниальной части. В каждом наборе присутствуют кнопки для открытия следующих форм:

- состав и сохранность объекта,
- бланк измерений (краниологический или остеологический),
- фотоматериалы.

Что касается фотоизображений черепа, то предусмотрено по четыре фотографии (в фас, в профиль, вид сверху и вид сзади) и любое число фотографий для аномалий, патологий и фрагментов. Для них могут быть добавлены текстовые комментарии.

Здесь же могут быть добавлены кнопки для других систем признаков (краниоскопия, одонтология, данные генетических анализов и т. п.), при условии, что в базе данных созданы соответствующие подсхемы.

На главной форме есть кнопка для открытия в разделе «паспортные данные» формы «Археологические памятники» в табличном режиме, в котором можно выбрать ассоциированный с текущим скелетом археологический памятник, если последний уже есть в базе данных, или добавить новый археологический памятник. Из таблицы археологических памятников можно открыть для выбранного памятника в более полном режиме форму «Археологические памятники» для ввода и редактирования его атрибутов.

Также на главной форме есть кнопка для открытия обзорной формы, которая отображает в табличном виде основные данные об имеющихся в БД объектах костяков индивидуумов с возможностью сортировки по какому-либо атрибуту (столбцу). Эта форма предназначена для ускорения поиска нужной записи в БД, с возможностью обратного перехода на главную форму и открытия в ней выбранной в обзорной форме записи.

Поскольку работы, относящиеся к первому циклу в значительной мере завершены, то по итогам можно сказать, что принятый подход разделения работы на два цикла себя полностью оправдал. В процессе наполнения базы данных действительно пришлось вносить изменения как в схему БД, так и в интерфейсную форму.

Второй жизненный цикл предусматривает работу с БД пользователей для научных целей (что не исключает добавление новых записей или редактирование уже существующих). Для этого созданная БД может быть переведена в другую СУБД, более отвечающую требованиям этого цикла (например, многопользовательский режим, удаленный доступ и др.), и разработан соответствующий пользовательский интерфейс. В случае с БД КА ТГУ в качестве такой СУБД была выбрана Microsoft SQL Server. Как показывают приведенные выше оценки количества палеоантропологических материалов, число записей в БД может исчисляться несколькими сотнями. Общий объем информации, даже с учетом создания в будущем новых подсхем, едва ли будет превышать 1 Гбайт. Также следует иметь в виду, что после загрузки в БД основных объемов информации, последующие дополнения и изменения едва ли будут интенсивными. Количество пользователей у этой базы данных также не будет большим, не будет и особых требований к скорости доступа. То есть, каких-либо особых требований к СУБД в данном случае нет. Поэтому при переходе на новую СУБД, помимо обязательного требования возможности модификации, основными требованиями могут стать ее доступность и простота в сопровождении.

Кроме базы данных, существенной частью банка является клиентское приложение для доступа к данным. В банке данных КА ТГУ для его разработки был использован язык Visual Basic.NET с технологией доступа к данным ADO.NET. Клиентское приложение этого банка данных представляет собой обычное Windows-приложение с меню и набором окон-страниц с возможностью переключаться с помощью закладок (Рыкун и др. 2011: 126–134).

При разработке клиентского приложения для второго жизненного цикла следует иметь в виду ряд требований, которые перечислены ниже. Эти требования пока рассматриваются как проектные и могут быть изменены или уточнены в процессе их обсуждения со специалистами-антропологами.

Общие требования к банку данных:

- обеспечение быстрого поиска материалов по совокупности заданных условий (путем использования режима «фильтр», сортировок по выбранным полям, а также использования как предопределенных запросов, так и создания динамических запросов и др.);

- отслеживание связей между данными, в том числе различных категорий;

Частные требования (именно к этому банку данных):

- реализация функции автоматического формирования стандартных отчетов для офисных продуктов Microsoft Word и Microsoft Excel, а также экспорта данных для анализа в специализированных пакетах статистической обработки;

- расширение базы данных путем создания подсхем для других систем признаков (одонтология, краниоскопия, данные генетических анализов и др.) с точной привязкой их к объектам хранения;

- возможность работать как в режиме «форма» (работа с одним объектом), так и в режиме «таблица» (работа по всем наборам данных или с набором однотипных объектов); во втором случае пользователь должен иметь возможность скрыть неактуальные для него записи (строки таблицы) и столбцы и работать только с выбранным набором данных – именно такие наборы могут сохраняться антропологом в виде его краниологических серий;

- гибкое формирование серий (с возможностью сохранения их любым пользователем для своей дальнейшей работы), как по учетно-хранительским данным, так и по результатам измерений или иным наборам признаков, в том числе выделение таксономических уровней, на которых может проводиться междисциплинарное сопоставление с данными других наук;

- реализация аналога режима «галерея» для совместного просмотра фотографий, относящихся к различным индивидуумам;

- фиксирование пространственной привязки выделенных признаков с возможностью управлять визуализацией при анализе в зависимости от их значений (различные виды условных знаков, диаграмм);

- построение сплошных поверхностей (покрытий) исследуемых признаков с использованием интерполяции и экстраполяции, а также с возможностью управлять способами визуализации этих поверхностей (изолинии, «цветовая шкала», «отмывка»);

- построение ареалов распространения выделенных признаков или их комплексов;

- совместный анализ ареалов распространения выделенных признаков с сопоставимыми данными других дисциплин (археология, генетика, лингвистика и др.),

а также с физико-географическими особенностями среды обитания (реконструируемой на соответствующий исторический период);

– формирование обобщенных карт по наборам признаков и формирование антропологического покрова исследуемой территории.

По поводу пространственного анализа данных следует иметь в виду следующее. Использование интерполяции и экстраполяции при построении сплошных поверхностей значений какого-либо признака может давать данные, не соответствующие исторической действительности там, где исходные данные по какой-либо причине отсутствуют. В связи с этим, такие поверхности должны дополняться картами изученности территории полевыми методами. Эта ситуация типична для всех дисциплин, получающих исходные данные в полевых условиях (*Кравченко* 2006: 62–67). Наиболее хорошо она отработана в геологии (*Кравченко* 1998: 284–295). Совместный с данными других дисциплин анализ географического распределения антропологических признаков наиболее эффективен с использованием геоинформационных технологий. В связи с этим, желательно предусмотреть для второго цикла СУБД, данные которой могли бы быть использованы в наиболее распространенных геоинформационных системах. Или, как альтернатива, должен быть предусмотрен экспорт из базы данных таблиц со значениями анализируемых признаков вместе со значениями координат. Далее стандартными средствами геоинформационных систем могут быть построены соответствующие картографические слои (покрытия), которые и могут анализироваться в какой-либо геоинформационной системе совместно с другими картографическими слоями (*Кравченко и др.* 2013: 38–42; *Рыкун и др.* 2016: 164–168).

Заключение

В работе представлены концептуальный подход и опыт создания базы данных по палеоантропологическим материалам, относящимся к определенным культурно-историческим группам населения. Такая база данных может рассматриваться как электронный «свод» наиболее значимых данных по рассматриваемым палеопопуляциям. В отличие от печатных сводов (*Вадецкая и др.* 2014), электронный вариант, по мере появления новых данных и уточнения существующих, всегда может быть в актуальном состоянии. Такой «свод» может использоваться не только для обеспечения справочного режима, но и служить вспомогательным средством при проведении научных исследований.

Работа по созданию базы данных изначально разделена на два жизненных цикла. Первый цикл связан с наполнением базы данных, на втором планируется создание программных средств для поддержки пользователей при проведении научных исследований с помощью созданной базы данных.

Работы, предусмотренные первым циклом, в значительной степени выполнены. Создана реляционная схема базы данных, разработан удобный интерфейс для заполнения базы данных. В базу занесены данные о скелетах, относящихся к ямной (собственно ямная и полтавкинская) и афанасьевской (Алтай, Монголия, Казахстан) культурам Евразии раннебронзового века. По мере дальнейшего наполнения базы данных как территориальные, так и хронологические границы используемых материалов могут быть расширены.

Что касается работ, предусмотренных на втором цикле, то их еще предстоит выполнить. Перед началом этих работ должны быть окончательно уточнены и согласованы требования конечных пользователей, вариант которых приведен выше в тексте статьи.

Представленный в работе опыт может быть полезен тем, кто планирует разработку собственных баз данных по палеоантропологии, а также в других гуманитарных областях.

Список сокращений

БД – база данных

БнД – банк данных

СУБД – система управления базами данных

КА ТГУ – кабинет антропологии Томского государственного университета

Литература

- Балабанова 2016 – Балабанова М.А. К антропологии населения энеолита – ранней бронзы (по материалам могильников Волгоградской области). Нижневолжский археологический вестник, 2016. Т. 15. № 1. С. 72–94.
- Вадецкая и др. 2014 – Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. отв. ред. В. И. Молодин. Барнаул: АЗБУКА, 2014.
- Кравченко 1998 – Кравченко Г.Г. Геоинформационные технологии в геологоразведочной отрасли. В сборнике: Геоинформатика. Теория и практика, Томск, 1998. С. 284–295.
- Кравченко 2006 – Кравченко Г.Г. Применение ГИС-технологий в гуманитарных исследованиях (археография). Человек – текст – эпоха. Сборник научных статей и материалов. Томск, 2006. С. 62–67.
- Кравченко и др. 2013 – Кравченко Г.Г., Рыкун М.П., Фукс А.Л. Реконструкция палеоклиматических условий в эпоху раннего железного века Верхнего Приобья (на территории распространения каменной культуры). Вестник Томского государственного университета. История, 2013. № 3. (23). С. 38–42.
- Рыкун и др. 2011 – Рыкун М.П., Кравченко Г.Г., Кравченко Д.Г. Междисциплинарные исследования этнокультурных процессов в Северной Евразии (на основе антропологических данных и геоинформационных технологий). Вестник археологии, антропологии и этнографии, 2011. № 1. С. 126–134.
- Рыкун, Кравченко 2016 – Рыкун М.П., Кравченко Г.Г. Новые подходы в изучении морфологической изменчивости древних скотоводов Алтая (на примере каменной культуры скифского времени).. Вестник Томского государственного университета. История, 2016. № 5 (43). С. 164–168.
- Хохлов 2017 – Хохлов А.А. Морфогенетические процессы в Волго-Уралье в эпоху раннего голоцена (по краниологическим материалам мезолита – бронзового века). Самара: СГСПУ, 2017.
- Чистов, Титов 2003 – Чистов Ю.К., Титов А.М. Компьютерный каталог и базы данных коллекций отдела антропологии МАЭ. Горизонты антропологии: Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. М.: Наука, 2003. С.119–127.
- Широбоков и др. 2017 – Широбоков И.Г., Моисеев В.Г., Козинцев А.Г., Хартанович В.И., Чистов Ю.К., Громов А.В. Индивидуальные краниометрические данные близких к современности групп населения Восточной и Северо-Восточной Европы. Отв. ред. А.А. Казарницкий. СПб.: МАЭ РАН, 2017. URL: (<https://kunstkamera.academia.edu/IvanShirobokov>).

References

- Balabanova M.A. K antropologii naseleniia eneolita – rannei bronzy (po materialam mogil'nikov Volgogradskoi oblasti).. Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik, 2016. Vol. 15. No. 1. Pp. 72–94.

- Chistov Iu.K., Titov A.M.* Komp'yuternyi katalog i bazy dannykh kolleksii otdela antropologii MAE. Gorizonty antropologii: Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati akademika V.P. Alekseeva. Moscow: Nauka, 2003. Pp.119–127.
- Khokhlov A.A.* Morfogeneticheskie protsessy v Volgo-Ural'e v epokhu rannego golotsena (po kraniologicheskim materialam mezolita – bronzo-vogo veka): monografiia. Samara: SGSPU, 2017.
- Kravchenko G.G.* Geoinformatsionnye tekhnologii v geologorazvedochnoi otrasli.. V sbornike: Geoinformatika. Teoriia i praktika, Tomsk, 1998. Pp. 284–295.
- Kravchenko G.G.* Primenenie GIS-tekhnologii v humanitarnykh issledovaniakh (arkheografiia).. Chelovek – tekst – epokha. Sbornik nauchnykh statei i materialov. Tomsk, 2006. Pp. 62–67.
- Kravchenko G.G., Rykun M.P., Fuks A.L.* Rekonstruktsiia paleoklimaticheskikh uslovii v epokhu rannego zhelezного veka Verkhnego Priob'ia (na territorii rasprostraneniia kamenskoii kul'tury).. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, 2013. No. 3 (23). Pp. 38–42.
- Rykun M.P., Kravchenko G.G.* Novye podkhody v izuchenii morfologicheskoi izmenchivosti drevnykh skotovodov Altaia (na primere kamenskoii kul'tury skifskogo vremeni). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, 2016. No. 5 (43). Pp. 164–168.
- Rykun M.P., Kravchenko G.G., Kravchenko D.G.* Mezhdistsiplinarnye issledovaniia etnokul'turnykh protsessov v Severnoi Evrazii (na osnove antropologicheskikh dannykh i geoinformatsionnykh tekhnologii).. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 2011. No 1. Pp. 126–134.
- Shirobokov I.G., Moiseev V.G., Kozintsev A.G., Khartanovich V.I., Chistov Iu.K., Gromov A.V.* Individual'nye kraniometricheskie dannye blizkikh k sovremennosti grupp naseleniia Vostochnoi i Severo-Vostochnoi Evropy. Otv. red. A.A. Kazarnitskii. St. Petersburg: MAE RAN, 2017. URL: (<https://kunstkamera.academia.edu/IvanShirobokov>).
- Vadetskaia E.B., Poliakov A.V., Stepanova N.F.* Svod pamiatnikov afanas'evskoi kul'tury. Otv.red. V. I. Molodin. Barnaul: AZBUKA, 2014.

G.G. Kravchenko, D.G. Kravchenko, M.P. Rykun., K.N. Solodovnikov, A.A. Khokhlov. The creation experience of a database on paleoanthropological materials of the populations of Yamnaya and Afanasyevo related culture group of the Early Metal Age of Eurasia – results and prospects.

The article presents conceptual approaches to design and development specifics for a database on paleoanthropological materials of the populations of Yamnaya and Afanasyevo related culture group of the Early Metal Age of Eurasia. The work is divided into two parts: the first comprises the creation of the database schema and means for filling it, the second is reviewed as an upcoming work and will involve the creation of tools for the work of anthropologists with data. The work on the first part is basically completed. The database being developed is considered as a united repository for the most significant information about the above-mentioned materials structured according to uniform rules. Such a storage, unlike printed versions, can be easily populated and changed, thus remaining always up to date. After completing the second part of the work, users will have an opportunity to systematize and use materials depending on their tasks.

Key words: paleoanthropology, Yamnaya culture, Afanasyevo culture, craniological data, osteological data, photographic fixation, data model, database.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО АНТРОПОЛОГИИ СВЯЖСКА (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ)

В работе представлены новые палеоантропологические материалы из раскопок на территории Успенского мужского монастыря о.-г. Свяжск. Материалы относятся к приходскому некрополю и датируются последней четвертью XIX – первой четвертью XX века. В статье приводятся некоторые палеодемографические характеристики серии, результаты внутригруппового и межгруппового анализов краниологической изменчивости.

Исследуемое население отличается высокой продолжительностью жизни. Дети умирали в единичных случаях (7,4%). Среди взрослого населения около 40% доживало до старческого возраста. Эти показатели позволяют нам говорить о высоком качестве медицинского обслуживания и хорошем уровне жизни исследуемого населения.

Внутригрупповой краниологический анализ показал, что население относится к низколицему брахикранному европеоидному типу. Анализ показателей изменчивости выявил неоднородность серии, которую мы связываем с малочисленностью и механической смешанностью выборки. Значения коэффициентов полового диморфизма проиллюстрировали некоторую массивность женских черепов по сравнению с мужскими, несмотря на принадлежность и тех и других одному краниологическому комплексу.

Сравнение мужских черепов из разных некрополей Свяжска показало, что на территории Успенского монастыря на протяжении 4-х веков хоронило своих усопших одно и то же население, которое по своим антропологическим характеристикам отличалось от посадского населения Свяжска. Незначительные различия, которые мы фиксировали при сравнении монастырских серий, обусловлены мобильностью городского населения, которая постепенно привело к изменению антропологического типа жителей Свяжска.

Ключевые слова: *палеоантропология, краниология, городское население, Свяжск, Среднее Поволжье, конец XIX – начало XX века.*

Введение

В 2015 г. в ходе охранно-спасательных археологических работ на территории Успенского мужского монастыря был выявлен православный некрополь последней

Макарова Екатерина Михайловна – научный сотрудник Казанского (Приволжского) федерального университета, НИЛ «Междисциплинарных инновационных научно-практических археологических и этнологических исследований» Института международных отношений, истории и востоковедения и Института археологии им. А.Х. Халикова Академии наук РТ, Отдела археобиологии и информационных технологий. Эл. почта: ekaterina.m.makarova@gmail.com.

четверти XIX – первой четверти XX века. Раскоп был заложен в 70 м к северо – северо-западу от Успенского собора рядом с монастырской стеной на месте будущего строительства котельной. В ходе археологических работ было вскрыто 75 погребений. В большинстве случаев зафиксированы останки гроба в виде прослойки древесного тлена. Погребения ориентированы головой на юго-запад. Костяки лежали на спине, лицом вверх. Руки, как правило, скрещены на животе или груди. В единичных случаях встречены варианты: правая рука вдоль туловища, левая на животе; правая рука на нижней части груди, левая на животе; правая рука на живот, левая на грудь. В каждом погребении в районе правого плеча зафиксированы стеклянные бутылочки. Других артефактов, в том числе нательных крестиков выявлено не было.

Несмотря на то, что по своим датировкам некрополь близок к современности, данные материалы представляют большой интерес для истории о.-г. Свияжска, т.к. позволяют проследить формирование антропологического типа жителей острова-града от момента возникновения первой русской крепости до нового времени.

Материалы и методы

Материалом для данной работы послужили костные человеческие останки из 75 погребений, а также подъемный материал.

Определение пола и возраста проводилось по принятой в отечественной палеоантропологии методике на основе разработанных шкал по облитерации черепных швов и степени стертости зубов (Герасимов 1955; Добряк 1960), а также по костям скелета (Пащикова, Резников 1978; Алексеев 1966).

Пол индивидуумов определялся на основании морфологии черепа и посткраниального скелета, в первую очередь таза. Возраст определялся по трем системам признаков: степень зарастания швов на черепе, оценка стертости жевательной поверхности зубов и оценка возрастных изменений на костях посткраниального скелета. В случае если состояние швов черепа и костей посткраниального скелета было подвержено влиянию патологических процессов, в определении возраста ведущим признаком выступала стертость зубов.

В работе была использована подробная схема определения биологического возраста на палеоантропологическом материале, предложенная Д.В. Пежемским (2003): *Natus* (новорожденные), *Lacteus* (до 1 года), *Infantilis prim.* (до 3-лет), *Infantilis I* (до 6-7 лет), *Infantilis II* (до 12-13 лет), *Juvenilis I* (до 18-20 лет), *Juvenilis II* (до 25 лет), *Adultus* (25-35 лет), *Maturus I* (35-45 лет), *Maturus II* (45-55 лет), *Senilis* (старше 55 лет). Проводилось составление таблиц процентных соотношений различных половозрастных групп.

Черепы измерялись по стандартной краниометрической программе в рамках краниологического бланка Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР образца 1965 г. (Алексеев, Дебец 1964). При морфологическом описании серий использованы таблицы краниометрических констант (Алексеев, Дебец 1964), а также некоторые рубрики Р. Мартина (1928) и П. Брока (1886).

При внутригрупповом анализе серий вычислялись среднеарифметические показатели признаков и их квадратические отклонения с последующим сопоставлением их со стандартами по однородным группам (Алексеев, Дебец 1964). Для сопоставления серий на межгрупповом уровне был применен парный t-критерий Стьюдента.

Средние показатели серии, а также значения t-критерия Стьюдента высчитывались в программе Microsoft Excel 2007.

Результаты и их обсуждение

К настоящему моменту мы не обладаем информацией о полноте археологической изученности могильника. В связи с этим мы не вправе проводить палеодемографическое исследование, в противном случае мы нарушаем одно из первых требований палеодемографического анализа – случайность выборки (Алексеев 1972:3). Но мы посчитали возможным представить некоторые палеодемографические характеристики, которое позволят нам составить представление об особенностях серии.

Общая численность исследуемого материала составила 122 индивида, из них 81 принадлежали мужчинам, 32 женщинам и 9 детям. Средний возраст смерти с учетом детской смертности составил 45,3 лет и 48,4 лет – без детей, что значительно ниже по сравнению с другими городами Среднего Поволжья (таблица 1). Низкий возраст смерти объясняется как малым количеством умерших детей (7,4 % от всей выборки), так и большим процентом людей доживших до старческого возраста (38,% от всей выборки).

В детской части выборки помимо малого количества умерших детей обращает на себя внимание распределение детей по возрастным когортам (таблица 3, рис. 1). Пик смертности в детской части выборки приходится на подростковый возраст, а средний возраст смерти среди детей не превысил 8 лет.

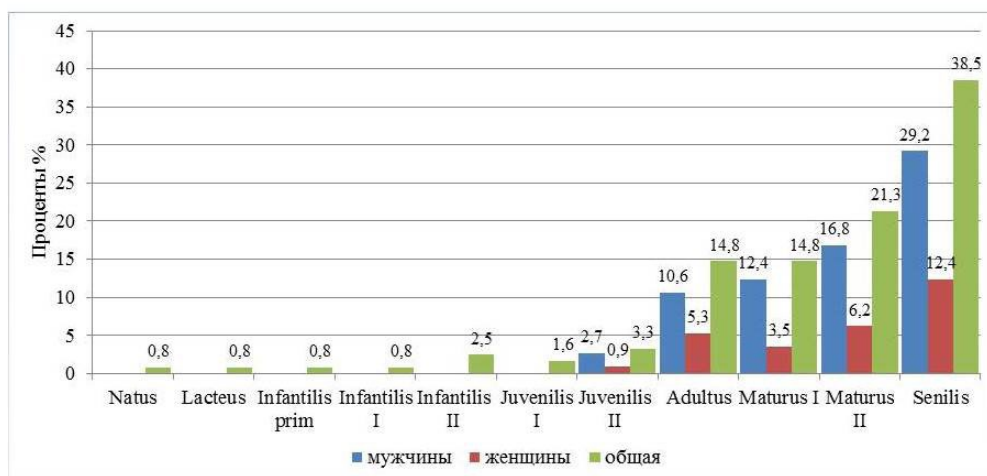

Рис. 1. Поло-возрастная структура населения погребенного на территории Успенского монастыря.

В мужской и в женской частях выборки средний возраст смерти одинаков – чуть более 48 лет (мужчины – 48,3, женщины – 48,5), что в первую очередь связано, как уже говорилось, с большим количеством людей доживших до старческого возраста (таблица 3, рис. 1). Обращает на себя внимание большое количество умерших мужчин, чье количество практически в три раза превышает количество женщин. При этом пик смертности как в мужской так и в женской частях выборки приходится на старческий возраст.

Примечательно, что при сопоставлении исследуемого населения с жителями других городов Среднего Поволжья как в синхронном, так и в диахронном срезе, мы не встретим больше нигде подобных палеодемографических показателей (таблица 1, таблица 2). Мы находим несколько объяснений полученным цифрам:

1. скорее всего, большая продолжительность жизни и низкая детская смертность связаны с хорошим уровнем жизни и качественным медицинским обслуживанием той части населения Свияжска, кому было разрешено хоронить своих усопших на территории Успенского монастыря;
2. возможно, на данном некрополе помимо приходского населения было принято хоронить монахов-стариков и стариц, обслуживавших монастырь;
3. не исключено, что мы имеем дело с частью некрополя, где в силу планиграфических особенностей хоронили только взрослое население. Дальнейшее изучение этого вопроса требует детального ознакомления с письменными источниками по истории, как самого монастыря, так и острова в целом.

Таблица 1

Сравнительные данные по возрастам смерти в некоторых палеопопуляциях

Название памятника	Возраст смерти		
	Всей группы с учетом детей	Мужчин	Женщин
Свияжск конец XIX – начало XX века	45,3	48,3	48,5
Свияжск, сборная приходских некрополей XVI – XVII в.	26,5	31,4	30,8
Казанский Кремль, кладбище в районе Дворцовой церкви, XVI–XVII вв.	28,4	40,0	36,9
Чебоксары, православный некрополь XVI–XVII вв.	31,6	33,3	31,3
Йошкар–Ола, Входеоерусалимский некрополь, конец XVI – конец XVIII века	24,7	38,3	37,1
Йошкар–Ола, Тихвинский некрополь, конец XVIII – начало XX века	26,9	38,6	36,1
Пермь, Православный некрополь второй половины XVIII века	24,7	48,6	44,0

Таблица 2

Процентное соотношение детей и взрослых

Название памятника	Дети (%)	Взрослые (%)
Свияжск («Котельная»), исследуемая серия	7,4	92,6
Казанский Кремль, кладбище в районе Дворцовой церкви, XVI-XVII вв.	30,0	70,0
Йошкар-Ола, Входоиерусалимский некрополь, конец XVI- конец XVIII вв.	41,3	58,7
Йошкар-Ола, Тихвинский некрополь, к конец XVIII-н. XX вв.	41,6	58,4
Пермь, Православный некрополь второй половины XVIII в.	49,1	50,9
Казань, церковь Параскевы Пятницы, XVII в.	31,7	68,3

Таблица 3

Половозрастная структура населения, погребенного на территории Успенского монастыря о. Свияжск

Возрастные когорты	Численность общая	%	Численность мужчины	%	Численность женщины	%
Natus (новорожденный)	1	0,8				
Lacteus (до 1 года лет)	1	0,8				
Infantilis prim (до 3 лет лет)	1	0,8				
Infantilis I (до 6-7 лет лет)	1	0,8				
Infantilis II (до 12-13 лет)	3	2,5				
Juvenilis I (до 18-20 лет)	2	1,6	0	0,0	0	0,0
Juvenilis II (до 25 лет)	4	3,3	3	2,7	1	0,9
Adultus (25-35 лет)	18	14,8	12	10,6	6	5,3
Maturus I (35-45 лет)	18	14,8	14	12,4	4	3,5
Maturus II (45-55 лет)	26	21,3	19	16,8	7	6,2
Senilis (более 55 лет)	47	38,5	33	29,2	14	12,4
Итого:	122	100,0	81	71,7	32	28,3

Краниологический анализ. Краниологическая серия насчитывала 46 черепов из них 30 мужских и 16 женских (таблицы 4, 5).

Мужская выборка в среднем брахикранна (таблица 4). Размеры черепной коробки средние, за исключением низкого свода черепа и малых значений длины оснований черепа и лица. Лицевой скелет среднеширокий, по высотным размерам низкий, т.е. мы говорим как о малой высоте самого лица, так и низких орбитах и низком носе. Лицо ортогнатное хорошо профилировано как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости. В целом, мужские черепа можно отнести к низколицему брахикранному европеоидному типу.

Величины коэффициента квадратического отклонения говорят нам о неоднородности серии по некоторым расово-диагностическим признакам. Однако при проведении внутригруппового статистического анализа контрастных комплексов выделено не было. Мы находим этому факту объяснение в механической смешанности выборки, что характерно для городского населения.

Таблица 4

Краниометрическая характеристика выборки мужских черепов

Признаки по Мартину	N	X	S	min	max
1. Продольный диаметр	30	177,0	11,5	160	190
8. Поперечный диаметр	30	143,0	3,8	129	150
17. Высотный диаметр	30	131,1	3,3	117,5	142
5. Длина основания черепа	30	99,3	3,9	90	104
9. Наименьшая ширина лба	30	95,9	3,8	89	103
10. Наибольшая ширина лба	30	120,5	4,0	110	126
11. Ширина основания черепа	30	125,6	3,8	113	133
12. Ширина затылка	30	109,9	2,7	98	114
45. Скуловой диаметр	29	131,5	6,5	119	141
40. Длина основания черепа	23	96,7	2,2	86,5	97
48. Верхняя высота лица	23	70,7	7,4	60	79
47. Полная высота лица	10	121,3	3,5	111	134
43. Верхняя ширина лица	29	103,8	3,5	95	111
46. Средняя ширина лица	29	94,1	2,2	79	102
55. Высота носа	29	50,5	4,4	45	56
54. Ширина носа	29	24,5	1,0	20,6	25,2
51. Ширина орбиты от мф.	30	41,3	1,7	37,7	44,9
52. Высота орбиты	30	32,9	1,1	28,9	34,6
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	30	25,3	2,3	19,0	28,8
Высота изгиба затылка	29	27,1	3,9	20,7	31,4
20. Ушная высота	29	115,2	4,9	106	124
77. Назо-малаярный угол	30	139,4	2,5	132,1	140,8

Таблица 4 (продолжение)

Признаки по Мартину	N	X	S	min	max
ZM. Зигма-максиллярный угол	28	127,8	5,1	115,4	137,6
SC. Симотическая ширина	30	8,7	2,8	3,7	12,1
SS. Симотическая высота	30	4,3	1,4	2,1	6,0
DC. Дакриальная ширина	30	20,6	1,5	17,2	23,0
DS. Дакриальная высота	30	11,5	0,7	9,3	12,7
FC. Глубина клыковой ямки	29	5,3	2,4	2,0	9,1
Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	29	11,9	2,5	7,7	14,6
Ширина скуловой кости (по Ву)	29	53,4	4,0	46,2	55,9
32. Угол профиля лба от n.	29	83,1	4,7	74	92
GM/FH. Угол.проф.лба от gl.	29	76,0	3,6	63	84
72. Общий лицевой угол	23	87,0	4,9	79	93
73. Средний лицевой угол	23	88,0	5,1	81	95
74. Угол альвеолярной части	23	80,8	7,4	68	87
75(1). Угол выступания носа	22	29,0	5,6	8	36
8:1. Черепной указатель	30	80,9	5,4	71,8	88,8
17:1. Высотно-продольный указатель	30	74,2	4,2	67,5	83,3
17:8. Высотно-поперечный указатель	30	91,8	3,7	81,0	98,6
9:8. Лобно-поперечный указатель	30	67,1	2,4	62,1	71,5
40:5. Указатель выступания лица	24	93,3	2,1	91,6	96,8
48:45. Верхне-лицевой указатель	23	51,7	5,4	47,2	60,8
54:55. Носовой указатель	29	48,7	4,3	37,6	53,8
52:51. Орбитный указатель от mf.	30	79,7	5,4	69,8	84,6
SS:SC. Симатический указатель	30	50,1	15,0	24,7	73,7
DS:DC. Дакриальный указатель	30	56,3	3,8	41,3	58,5

Суммарная женская краниологическая серия характеризуется средними размерами черепной коробки (таблица 5). По соотношению этих размеров черепа относятся к брахиокранным, ортокранным и тапейнокранным формам. Лицевой скелет средних размеров. Нос низкий, среднеширокий. Переносье высокое, средней ширины. Угол выступания носовых костей – средний. Орбиты средней ширины, низкие. Лицо ортогнатное по углам вертикальной профилировки. В горизонтальной плоскости лицо мезогнатное с тенденцией к прогнатизму как на верхнем, так и на нижнем уровне. Данный краниологический тип характеризуется низколицым брахиокранным европеоидным комплексом.

Анализ показателей изменчивости выявил неоднородность серии по размерам ширины затылка, ширине и высоте переносья и угла выступания носовых костей. Однако при проведении внутригруппового статистического анализа контрастных комплексов выделено не было. Как и в случае с мужскими черепами данный факт объясняется механической смешанностью выборки.

Таблица 5

Краниометрическая характеристика выборки женских черепов

Признаки по Мартину	N	X	S	min	max
1. Продольный диаметр	16	172,6	4,6	168	179
8. Поперечный диаметр	16	139,5	4,4	136	146
17. Высотный диаметр	14	127,1	4,9	123	135
5. Длина основания черепа	14	96,2	4,0	90	101
9. Наименьшая ширина лба	16	93,5	4,0	91	100
10. Наибольшая ширина лба	16	116,4	4,0	114	122
11. Ширина основания черепа	16	122,8	4,6	117	131
12. Ширина затылка	16	108,7	5,9	106	122
45. Скуловой диаметр	15	126,0	5,1	123	134
40. Длина основания черепа	10	93,3	3,2	90	99
48. Верхняя высота лица	12	66,2	3,0	63	71
47. Полная высота лица	7	110,1	3,8	111	115
43. Верхняя ширина лица	16	101,0	3,5	101	106
46. Средняя ширина лица	15	91,1	3,5	86	97
55. Высота носа	16	47,8	2,6	44	53
54. Ширина носа	15	24,5	1,4	22,9	26,9
51. Ширина орбиты от мф.	16	40,7	1,5	39,3	42,7
52. Высота орбиты	16	32,7	2,1	32,1	35,2
Sub.Nβ. Высота изгиба лба	16	25,0	2,9	20,7	31,9
Высота изгиба затылка	13	26,3	2,7	24,5	30,1
20. Ушная высота	15	111,2	3,1	109,5	118
77. Назо-маллярный угол	16	139,7	4,5	137,8	151,1
ZM. Зигма-максиллярный угол	15	128,6	4,2	128,5	135,6
SC. Симотическая ширина	13	9,2	2,1	7,3	13,0
SS. Симотическая высота	13	3,8	1,1	3,3	6,0
DC. Дакриальная ширина	13	20,5	2,3	20,5	25,5
DS. Дакриальная высота	13	10,1	2,0	9,1	13,0
FC. Глубина клыковой ямки	16	4,9	1,7	2,9	7,8
Высота изгиба скуловой кости (по Ву)	15	10,2	1,6	9,4	14,2
Ширина скуловой кости (по Ву)	15	50,1	2,5	47,9	54,6
32. Угол профиля лба от n.	15	85,9	3,2	83	93
GM/FH. Угол.проф.лба от gl.	15	81,1	3,1	78	87
72. Общий лицевой угол	12	85,0	2,8	80	89
73. Средний лицевой угол	12	87,3	2,8	86	91
74. Угол альвеолярной части	12	76,3	5,9	64	85
75(1). Угол выступания носа	9	21,3	5,9	11	30
8:1. Черепной указатель	16	80,9	2,9	76,4	85,0

Таблица 5 (продолжение)

Признаки по Мартину	N	X	S	min	max
17:1. Высотно-продольный указатель	14	73,8	2,5	70,3	78,0
17:8. Высотно-поперечный указатель	14	91,1	4,1	87,9	98,5
9:8. Лобно-поперечный указатель	16	67,0	2,2	65,7	71,3
40:5. Указатель выступания лица	10	97,3	3,1	94,1	103,4
48:45. Верхне-лицевой указатель	11	52,9	2,8	48,1	56,8
54:55. Носовой указатель	15	51,2	3,2	49,6	56,0
52:51. Орбитный указатель от mf.	16	80,2	4,0	77,2	87,8
SS:SC. Симатический указатель	13	41,4	11,2	33,7	69,0
DS:DC. Дакриальный указатель	13	49,4	10,1	43,8	63,1

Сопоставление мужских и женских черепов могильника с помощью коэффициента полового диморфизма показало, несмотря на принадлежность одному и тому же краниологическому комплексу женские черепа несколько более массивные по сравнению с мужскими.

Таблица 6

**Сравнение мужских и женских черепов
при помощи коэффициентов полового диморфизма**

Признаки по Мартину	Kst	X(м)	X(ж) * Kst	Пределы значений
1. Продольный диаметр	1,049	177,0	181,1	180,2-181,9
8. Поперечный диаметр	1,037	143,0	144,7	144,0-145,4
17. Высотный диаметр	1,047	131,1	133,1	132,6-133,6
9. Наименьшая ширина лба	1,032	95,9	96,5	95,9-97,1
45. Скуловой диаметр	1,072	131,5	135,1	134,4-135,7
48. Верхняя высота лица	1,076	70,7	71,2	70,7-71,7
55. Высота носа	1,061	50,5	50,7	50,4-51,1
54. Ширина носа	1,041	24,5	25,5	25,2-25,7
51. Ширина орбиты	1,041	41,3	42,4	42,1-42,7
52. Высота орбиты	1,005	32,9	32,8	32,6-33,0

Межгрупповой анализ. С целью выяснения генетических связей изучаемой серии был применен парный t-критерий Стьюдента (таблица 7). Для сопоставления были привлечены диахронные серии из различных некрополей о.-г. Свяжска, а именно: сборная серия православных некрополей острова XVI–XVII вв. (Макарова 2011) и две серии с территории Успенского монастыря (приходское кладбище конца XVI – начала XVII вв. и братская могила первой половины XX в. (неопубликованные материалы того же автора)). Поскольку необходимым условием при вычислении критерия является численность серии не меньше 30-ти, мы сделали поправку в численности серий XVI–XVII вв. (N=30). Таким образом, мы имеем дело с несколько более завышенными показателями t-критерия, что будет акцентировать различия между сериями, если они есть, и в то же время подтвердит принадлежность обеих серий к одной генеральной совокупности, если достоверные различия не будут найдены.

Таблица 7

Сравнительная краниологическая характеристика серий о.-г. Свияжск

Признаки по Мартину	1	2	3	4	t _{st} -1-2	t _{st} 1-3	t _{st} 1-4	t _{st} 2-3	t _{st} 2-4	t _{st} 2-5	t _{st} 3-4
1. Продольный диаметр	177,0	177,8	180,9	173,0	0,358	1,724	1,773	2,307**	3,746***	2,351*	6,737***
8. Поперечный диаметр	143,0	142,9	142,0	138,8	0,000	0,879	3,112**	0,613	2,524*	1,09	2,206**
17. Высотный диаметр	131,1	135,3	133,2	132,6	0,000	1,354	1,401	1,256	2,168*	1,116	0,358
9. Наименьшая ширина лба	95,9	97,6	96,2	95,1	0,000	0,531	1,001	1,784	3,084**	4,153***	2,570**
45. Скуловой диаметр	131,5	133,8	129,5	130,7	0,633	1,524	0,522	3,837***	2,308	0,633	1,185
48. Верхняя высота лица	70,7	68,4	71,0	69,0	4,125***	0,193	0,994	2,462**	0,53	8,470***	1,925
55. Высота носа	50,5	49,9	49,9	49,5	0,994	0,69	1,113	0,046	0,531	5,560***	0,791
54. Ширина носа	24,5	25,2	23,9	23,6	2,770**	3,345***	2,621*	4,262***	3,761***	0,121	1,057
51. Ширина орбиты	41,3	41,3	41,0	41,3	0,000	0,784	0,113	0,771	0,077	2,887**	0,909
52. Высота орбиты	32,9	31,9	32,6	32,6	0,000	0,773	0,928	1,602	1,592	7,481***	0,084
77. Назо-молярный угол	139,4	139,1	137,4	141,7	0,000	2,109*	2,006	1,508	2,043*	1,126	3,188**
ZM. Зито-максильный угол	127,8	129,0	124,8	129,9	1,402	2,923**	-1,573	3,733***	-0,646	4,697***	-5,308***
75(1). Угол выступания носа	29,0	28,1	32,4	28,5	4,875***	-2,124*	0,412	-2,816**	-0,302	-1,126	3,329**

Примечание: 1 – Успенский собор, могильник 2/2 XIX – нач. XX в.; 2 – Успенский собор, могильник 2/2 – XVI–XVII вв.; 3 – Успенский собор, братская могила первая половина XX в.; 4 – сборная приходская серия 2/2 XVI–XVIII вв. из раскопок 2010-2014 гг.

Уровни значимости t-критерия Стьюдента

* - достоверно при $p < 0,05$

** - достоверно при $p < 0,01$

*** - достоверно при $p < 0,001$

При сопоставлении серий с территории Успенского монастыря мы отмечаем незначительные отличия в строении лица между материалами могильника XVI–XVII вв. и могильника XIX–XX вв. Так в серии XVI–XVII вв. чуть ниже высота лица и относительно больше высота носа. На наш взгляд, эти отличия обусловлены малым количеством черепов в серии XVI–XVII вв. и смешанным происхождением обеих выборок. При сравнении серии XVI–XVII вв. и серии из братской могилы отмечены различия по большинству признаков. Напротив, сопоставление черепов из братской могилы с черепами XIX–XX вв. показало схожесть между указанными группами по всем признакам, за исключением углов горизонтальной профилировки, по значениям которых черепа из Братской могилы более профилированы.

Сопоставление серий с территории Успенского монастыря с ранее изученными материалами Свияжска выявило существенные различия. Разница между сборной приходской серией и синхронной серией с территории Успенского монастыря, на наш взгляд, находит три объяснения:

- малая численность приходской серий;
- сборное происхождение приходской серии;
- и, можем предположить, что на территории монастыря хоронили своих усопших определенные слои населения острова, которые отличались по своему антропологическому типу от остальных жителей города.

Заключение

Таким образом, в результате проведенной работы по изучению населения о.-г. Свияжск конца XIX – начала XX вв. захороненного на территории Успенского монастыря мы пришли к следующим выводам:

1. Исследуемую группу населения отличает большая продолжительность жизни, низкий процент детской смертности и большое число людей доживших до старческого возраста. Дать ответ на вопрос, чем объясняются такие палеодемографические показатели, мы сможем только после тщательного изучения письменных источников.
2. Изучаемое население относится к низколицему брахикранному европеоидному типу, при этом женская выборка чуть более массивнее, чем мужская. Внутригрупповой анализ выявил морфологическую неоднородность, как в мужской, так и в женской сериях, которая, на наш взгляд, связана с механической смешанностью выборки.
3. Сравнение краниологических типов населения Свияжска, захороненного на территории Успенского монастыря, трех хронологических периодов (конца XVI – начала XVII вв., конца XIX – начала XX вв., первой половины XX в.) не выявило существенных различий между указанными группами. Мы вправе предполагать, что на территории Успенского монастыря хоронили своих усопших определенные слои населения, которые отличались по своему антропологическому типу от остальных жителей города.

Литература

- Алексеев 1966 – Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966.
- Алексеев 1972 – Алексеев В.П. Палеодемография СССР // Советская археология, 1972. № 1. С. 3–20.
- Алексеев, Дебец 1966 – Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.
- Герасимов 1955 – Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу: (современный и ископаемый человек) // Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. 28. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Добряк 1960 – Добряк В.И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1960.
- Макарова 2011 – Макарова Е.М. Первые поселенцы острова-города Свияжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология: Материалы конференции молодых ученых. Москва, 16–17 декабря 2010. М.: ИЭА РАН, 2011.
- Пашкова, Резников 1978 – Пашкова В.И., Резников Б.Д. Судебно-медицинское отождествление личности по костным останкам. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.
- Пежемский 2003 – Пежемский Д.В. Определение биологического возраста в палеоантропологии и проблема возрастных интервалов // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докл. Омск, 2003. С. 255.
- Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Bd. 2. Jena, 1928.

References

- Alekseev V.P. Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovani. Moscow: Nauka, 1966.
- Alekseev V.P. Paleodemografiia SSSR // Sovetskaiia arkheologiiia. 1972. No. 1. Pp. 3–20.
- Alekseev V.P., Debets G.F. Kranimetriia. Metodika antropologicheskikh issledovani. Moscow: Nauka, 1964.
- Dobriak V.I. Sudebnomeditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa. Kiev: Gos. med. izd-vo USSR, 1960.
- Gerasimov M.M. Vosstanovlenie litsa po cherepu: (sovremennyi i iskopaemyi chelovek) // Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. Novaia seriia. Vol. 28. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1955.
- Makarova E.M. Pervye poselentsy ostrova-goroda Sviiazhska. K voprosu ob antropologicheskom sostave naseleniia // Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaia etnologiiia: Materialy konferentsii molodykh uchenykh. Moscow, 16-17 dekabria 2010. Moscow: IEA RAN, 2011.
- Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Bd. 2. Jena, 1928.
- Pashkova V.I., Reznikov B.D. Sudebno-meditsinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1978.
- Pezhenskii D.V. Opredelenie biologicheskogo vozrasta v paleoantropologii i problema voznrastnykh intervalov // V Kongress etnografov i antropologov Rossii : tez. dokl. Omsk, 2003. Pp. 255.

E.M. Makarova. New data on anthropology of Sviyazhsk (preliminary results).

This paper presents new paleoanthropological materials from the excavations held in the territory of the Dormition monastery of Sviyazhsk, Republic of Tatarstan, Russia. The materials belong to a parish necropolis of the last quarter of the 19th – first quarter 20th centuries. The paper presents the results of paleodemographic analysis as well as intragroup and intergroup analyses.

According to the studies conducted, the population of Sviyazhsk had a high life expectancy.

Namely, the cases of child deaths were few (7.4 per cent) with about 40 per cent adults were dying at comparatively old age. These indicators allow us to consider the quality of medical care and living standards of the Sviyazhsk population as high.

Intra-group craniological analysis showed that the population is attributed to low-faced brachicrannic Caucasoid type. The analysis of the second order deviation revealed the heterogeneity of the population related to the paucity and artificial heterogeneity of the sampling. The values of the coefficients of sexual dimorphism are illustrated by several massive female skulls comparing to male ones.

A comparative analysis of male skulls from different necropolis of Sviyazhsk indicated that the same population was burying their dead in the territory of the Dormition during four centuries. According to anthropological characteristics, this population was different from the urban population of Sviyazhsk. Minor differences were recorded during comparative analysis with monastic series. This was caused by the presence of mobility among the urban population, which gradually led to a change of physical type of the inhabitants of Sviyazhsk.

Key words: *anthropology, craniology, urban population, Sviyazhsk, Middle Volga region, late 19th-early 20th centuries.*

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39+ 001.891.55

© С.И. Рыжакова

ФИРАНГИ: ИНОСТРАНЦЫ, СТАВШИЕ ИНДИЙЦАМИ. ЖИЗНЬ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Множество различных мигрантов на Индийский субконтинент, прибывавших сюда как группами, так и индивидуально, составили своеобразный социо-культурный феномен – фиранги. Это иностранцы, как правило, жители стран Запада, укоренившиеся в Индии, адаптировавшиеся к местной кухне, климату, культуре повседневности, нашедшие себе здесь занятие и освоившиеся в социальной среде. Они вошли в разные социальные слои местного общества, как правящую элиту (что великолепно описано в историко-художественной работе Уильяма Далримпла «Белые моголы», 2002 г.), так и в низкие или маргинальные группы, примыкая к религиозным сообществам, становясь куртизанками, целителями, факирами (чему посвящена работа Джонатана Гила Харриса «Первые фиранги», 2015). Интереснейшая особенность этого статуса заключалась в его диффузной, гибридной идентичности: эти люди воспринимали многие местные черты, часто меняли свои имена и привычки, однако сохраняли «маркировку» как «иностранцы»; их называли фиранги или ангрези. Именно в этой среде формировались новаторские направления науки, художественной культуры, развития архитектуры, политики современной Индии. В их биографиях и контексте их жизни и деятельности можно обнаружить значительную долю «этнографических экспериментов», осознанно или случайно совершаемых ими при освоении и восприятии индийской социальной и культурной среды.

Ключевые слова: *фиранги, этнография Индии, идентичность, этнографическое поле, аккультурация, эксперимент*

«Я въехал в Индию. Однако, возможно, вернее было бы сказать – Индия въехала в меня»

(Harris, Jonathan Gil. *The First Firangis*. P. 20).

В сложном южноазиатском обществе, образованном из множества более и менее взаимосвязанных сообществ, этнических и религиозных групп, кастовых и племенных образований, сословных и статусных сегментов, можно выделить своеобразный феномен *фиранги*, или *фиринги*, *фаранги*¹ (*firangi*, *phirangi*, *firingi* и т.п.; от «франки») – «чужеземцы, иностранцы, португальцы» и т.п., осевшие в Индии. В отли-

Рыжакова Светлана Игоревна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: SRyzhakova@gmail.com.

чие от *ангрез* – еще одного совокупного обозначения иностранцев европейского происхождения, британцев прежде всего, но не только – слово *фиранги* ныне редко употребляется в живой индийской речи, и не имеет столь отрицательной коннотации «чужаков», «завоевателей», доминирующей инокультурной и иноязычной элиты, закрепившейся за определением *ангрез*.

Облик современной Индии немыслим без таких фигур как Алан Октавиан Хьюм², Анни Безант³, Мать Тереза⁴, и многих, многих, многих других. Но эти знаменитые люди находились в числе сотен других, направлявшихся в Индию с различными задачами – например, найти себе работу в структуре Ост-Индской компании, для служения в христианской миссии⁵, для поиска мужа⁶, в надежде на мистические прозрения или на обретение духовного учителя.

Статус и положение этих людей в каждую историческую эпоху, на каждой конкретной территории, со временем объединенных в «Индию» (могольскую, а затем британскую), различались. Биографии, исследованные и описанные историком культуры, и, между прочим, тоже ставшим одним из *фиранги*, Джонатаном Гилом Харрисом демонстрируют, как приезжие итальянцы, испанцы, португальцы, англичане становились здесь бандитами, писцами, врачами, йогами, куртизанками или женами в гаремах (Harris 2015). Довольно часто их оценка окружающими не была однозначной, особенно в эпоху укрепления здесь португальских, голландских, французских колоний, и особенно британского Раджа, когда за европейцами закрепилось представление об их формальном социальном превосходстве. Однако в брахманической картине мира они оказывались не только и не столько подобными «кшатриям», правителями и воинами, сколько «шудрам» и даже «неприкасаемым», поскольку могли не соблюдать правило ежедневного омовения и ели говядину.

Именно в среде мигрантов мы видим значительное число экспериментаторов во всех областях жизни, научной, технологической, художественной, духовной, политической. Португальский врач, Гарсия да Орта (1501–1568), написал революционный для своего времени трактат о тропической медицине, на основе своих наблюдений и разговоров с местными врачами. Английский священник Томас Стивенс (Thomas Stephens S.J.; 1549–1619), поселившийся в Гоа, сочинил поэму «Kristapurāṇa» на языке маратхи в духе индуистских *пуран*, о жизни Христа. Другие *фиранги* внесли значительный вклад в развитие фортификации, ювелирного дела, историографии и много, много чего еще (Harris 2015: 18–19).

Особую страницу истории «западно-восточных» взаимосвязей и своеобразного религиозного эксперимента составляет опыт жизни итальянского иезуита и миссионера Роберто Ди Нобили (1577–1656; см.: Interculturation of religion, 2007), применявшего метод *accommodation* для обращения верующих, а позднее французских католических священников Анри Ле Со, Жюль Моншанена и англичанина Беды Гриффитса. Биографии и судьбы последних детально проанализированы исследователем индийской религиозной культуры, литературы и языков Максимом Демченко. В книге «Путь Сатчитананды» он показал, как им удавалось находить точки соприкосновения между христианством и индийской философией веданты (Демченко 2008); делали же это они сугубо практически, путем полного преобразования своего стиля жизни, глубокого переосмысления языка молитв и проповеди. В результате сложилась своеобразная одновременно синкретическая по происхождению, но целостная по форме и содержанию религиозность, и поныне актуальная, практикуе-

мая, в частности, в ашраме Сатчитананды небольшой монашеской общиной в Шантиванаме, в южноиндийском штате Тамилнаду.

Ныне все больше и больше иностранцев со всех континентов прибывают в Индию. Отношение людей Запада ко всему увиденному в этой стране варьирует в чрезвычайно широком диапазоне, от полного неприятия до восторженной любви, за осознанием которой может следовать даже смена собственной идентичности. В самых экстремальных случаях это знаменуется торжественным сожжением своего паспорта; подобную картину я наблюдала однажды в священном городе Варанаси. Некоторые приезжают в Индию для того, чтобы здесь осесть, обрести здесь свой дом, профессию, войти в местную среду, сформировать новые привычки, а в некоторых случаях – стать центром притяжения других людей. Их жизненные истории различны: одни получают индийское гражданство, другие нет, одни перенимают навыки ношения индийской одежды, другие предпочитают европейский костюм, одни начинают свободно говорить на вернакулярных языках, другие довольствуются знанием английского. Тем не менее, каждый из них в свое время прошел определенный путь вхождения в микросреду своего круга общения и макросреду всего индийского общества.

В индийской этнографии феномен *фиранги* пока еще не имеет достойного описания и полноценного анализа. Однако появляются отдельные исследования, бросающие свет на тот или иной аспект, ту или иную форму бытования этого феномена. Например, это замечательное исследование юриста и государственного служащего, активного общественного деятеля и историка-любителя Клайва Вильямса «Навабы Беркшира» (Williams 2010). Речь идет о разбогатевших в Индии чиновников британской Ост-индской компании и других европейцев, по возвращении на родину, в Англию осевших во многом в области Беркшир и сформировавших там своеобразную «колонию» нуворишей. Живя подолгу в Индии, они «заразились» восточной роскошью, восприняли индийский уклад жизни, и отчасти перенесли, отчасти воссоздали некоторые его черты в своем английском быту. Некоторые из этих людей обвинялись в злоупотреблениях и были судимы; в целом, они до конца жизни оставались социально маргинальными обитателями своеобразного «индо-британского гетто».

Кроме того нужно отметить по меньшей мере две выдающиеся работы на эту тему: историко-библиографическое произведение, впервые опубликованное в 2002 г., известного шотландского писателя и исследователя истории и культуры Индии Уильяма Далримпла «Белые моголы. Любовь и предательство в Индии XVIII в.», (см. Dalrymple 2004), и книгу историка театра Джонатана Гил Харриса «Первые фиранги. Примечательные истории о героях, целителях, шарлатанах, куртизанках и других иностранцах, которые стали индийцами» (Harris 2015). Делийский журнал «Outlook» (www.outlookindia.com) посвятил теме иностранцев, обретших в Индии свой дом и отчасти «ставших индийцами», один из своих номеров в 2015 г. (см.: Joshi 2015).

Среди великого множества отдельных случаев все же можно увидеть несколько определенных моделей, по которым, как правило, развивалось обретение индийской идентичности, аккультурация. Это, прежде всего, «вхождение» **индивидуальное** (судьба одного, конкретного человека) или **коллективное** (переселение и обретение своего места в территориальном и социальном пространстве Индии целой группы).

Индивидуальное вхождение в определенную *сампрадаю*, традицию, расширенную семью, связанную профессиональными узами или религиозным направлением возможно посредством *гуру-шишия-парампары*, учительско-ученической передачи

знания как ремесла, с формированием тесных связей, близких к родственным. Довольно много таких случаев в истории религиозных движений и исполнительского искусства Индии, поскольку именно религиозная секта и театральная (музыкальная) труппа оказываются двумя наиболее гибкими и восприимчивыми социальными формами, предполагающими – при всем, другой раз, консерватизме – возможное «вхождение» «чужого».

Однако часто эти «чужие», воспринимая элементы индийской религиозности и художественного ремесла, экспериментируют, изобретают или существенно реформируют, своеобразно интерпретируют традиции, выводят их на иной социальный уровень. Так, интереснейшей личностью, принявшей и интересным образом взрастившей индийскую идентичность, была Рагини Деви (настоящее имя – Эстер Шерман, *Esther Sherman*, 1896–1982), американка, сыгравшая значительную роль в исследовании индийских танцев, и в формировании как идеи, так и формата «классических» танцев в Индии. Ее интерес к индийской культуре и к «ориентальному танцу» проявился в раннем детстве, а затем она вышла замуж за индийца Рамлала Баджапай, семья поселилась в Нью-Йорке. Эстер выступала с танцем под аккомпанемент музыкантов-индийцев, и в 1928 г. опубликовала первую, по сути дела, на английском языке небольшую работу «*Nritanjali: An Introduction to Hindu Dancing*» (*Ragini Devi* 1928). В 1930 году она впервые отправилась в Индию, где брала уроки танца, и снискала определенную славу, как среди индийцев, так и западной аудитории. Примечательно, что – вполне в духе ориентализма – ее интерес был обращен к «пан-индийскому» облику танца и к гипотетической идеализированной «индийской древности». Так, Рабиндранат Тагор пригласил Рагини Деви с ее труппой в Шантиникетан для выступления, и затем высоко оценил ее творчество; он писал: «Те среди нас, кто принадлежит к северной Индии и потеряли память о чистом классическом индийском танце, испытал дрожь наслаждения, наблюдая за танцем Рагини Деви»⁷ (*Ragini Devi* 1972: 237).

Принятие псевдонима у Рагини Деви сопровождалось и другими художественными фантазиями: она создала вокруг своей личности своеобразную легенду, говорящую о ее происхождении из горных северных земель Индии, где она и научилась искусству танца. Однако в реальности ее интерес распространялся на исполнительскую культуру не северной, а южной Индии. Она обратилась к изучению тогда еще малоизвестной традиции, поддержанной в 1930-е годы. Валлатолом Нараяна Менон и Рабиндранатом Тагором – мужской танцевальной драме, катхакали, и даже стала одной из первых европейских женщин, представившей ее на профессиональной сцене, и на Западе, в Париже и Лондоне, в 1938–1939 гг. С 1948 до 1978 гг. она жила в Индии, и при поддержке гранта *Rockefeller Foundation* собирала материал для будущей книги «*Dance Dialects of India*» (*Ragini Devi* 1972). Последние четыре года жизни она прожила в США. Танец стал главным делом ее дочери, Индраны Рахман, прославившейся также и как Мисс Индия 1952 года. Продолжает танцевальную традицию и внучка Рагини Деви, Сукания Рахман, автор биографической книги о необыкновенной судьбах своей бабушки и матери (*Rahman* 2001).

Шкала аккультурации и приспособления в Южной Азии весьма широка, и предполагает многие позиции, на которых человек иной культуры, иного социального пространства может находиться. Одни прибывают в Индию с помощью брака – удачного или неудачного; пожалуй, самой известной такой «невестки всей Индии», или,

точнее, семьи Неру-Ганди, стала Сони Ганди, имя которой со временем преобразовали в более привычное Sonia. Другие переезжают парами, как Карл (архитектор-реставратор) и Аннелиз Дамшен, обосновавшиеся в Керале уже более 35 лет назад. Одни отправляются в Индию, влекомые жаждой познания искусства или обретения религиозного учителя. Другим удастся удачно войти в социальную мозаику индийского общества, обрести хорошее материальное положение, обустроить свой дом, и даже войти в число правящей элиты. Англичанин, финансовый эксперт Эндрю Холланд уже более 18 лет живет в Мумбаи, его женой стала Сонар, одна из известнейших в Индии экспертов вин. Англичанин, журналист и писатель Марк Тулли из своих 80 лет 52 года живет в Индии и пишет замечательные заметки и впечатления о культуре этой страны (Tully 2008). Еще более известен и любим писатель Раскин Бонд, британец, родившийся в Индии, и живущий в Дехра Дуне. Другие довольствуются поддержкой своих местных друзей, их жизнь неустроенна, положение в Индии нестабильно. Некоторые *фиранги* даже занимаются бродяжничеством и находятся в маргинальной, иногда и криминализованной части социального мира Индии, что прекрасно описано в ставшем знаменитым романе Г.Д. Робертса «Шантарам», 2003 (Робертс 2013). Кое-кто решает получить индийское гражданство (как, например, известный американский танцор стиля *бхаратанатьям* Джастин Маккарти, живущий в Индии с 1980 года, ученик Лилы Самсон, или бельгиец, экономист Жан Дрезе, поселившийся в Ранчи), другие довольствовались видом на жительство или статусом PIO (Person of Indian Origin; как странно это ни звучит, но в ряде случаев он выдавался долго живущим в Индии иностранцам; ныне же он слился со статусом «Overseas Citizenship of India», OCI). Наконец, существуют и «иностранцы», которые только кажутся таковыми: это, например, дети людей западного происхождения, родившиеся и выросшие в Индии. Так, в деревне Маккласкигандж (McCluskieganj) на территории современного Джаркханда некогда жило около 400 англо-британцев; большая часть их давно покинуло Индию, но остается горсть людей, например, Китти Тексейра, ей 67 лет, ее муж, местный индиец, умер, а она сводит концы с концами, как продавщица фруктов и поденная работница (Kohli 2016). Писательница Ориоль Генри (Oriole Henry) – дочь англо-ирландской пары, рожденная в Мадурай, и называющая себя «голубоглазой блондинкой-тамилкой».

Индивидуальное вхождение в индийское социальное, климатическое, культурное пространство осуществляется во многом на телесном уровне. Приспособление к местной еде, лекарствам, одежде, жилью, транспорту, овладение местными гигиеническими и коммуникативными навыками, и, разумеется, языком оказывается важнейшей областью, помогающей «чужаку» постепенно стать «местным», «своим»; анализу телесной аккультурации как раз и посвящает большое внимание Джонатан Гил Харрис в своей работе о первых *фиранги* (Harris 2015).

В настоящее время все классические танцевальные стили Индии активно осваиваются иностранцами, юношами и девушками. Не все среди них глубоко и серьезно интегрируются в индийскую культуру, но, кажется, лучшие исполнители всё же культурно «мимикрируют», осваивают и присваивают определенные черты местного *этоса* и *хабитуса*. Вдохновенной и необычайной семьей артистов является пара Девиссаро (музыкант родом из Австралии) и Дакша Шетх (танцовщица), их дети Иша Шарвани и Тао Иссаро также активно продолжают художественное ремесло исполнительского искусства.

Собственное имя и карьеру в индийском танце удалось сделать нескольким иностранцам, многие годы живущим в Индии, например, Джастину Маккарти (танцевальный стиль *бхаратанатъям*) и Илиане Читаристи (*одисси*). Десятки других иностранцев обучаются индийскому танцу и довольно долго пребывают в Индии: Квинси Кендел Чарльз из Тринидата (*катхак*, ученик Прераны Шримали), Масако Оно (японка, изучает стиль *одисси*). Не осели в Индии, но посвятили свою жизнь изучению и преподаванию индийского танца Рамли Ибрахим (Малайзия), Дмитрий Змеев, Ирина Искоростенская, Екатерина Селиверстова, Татьяна Назарова и многие другие в России.

Не только танец, но и боевое искусство *каларипаятту* становится областью «вхождения» в многоплановую индийскую реальность. Так, постижением этой сложной дисциплины занимается молодая русская женщина, Ирина Даранова (Чандрика), ученица Ашана Санджана Гуруккала; в 2003 г. она создала в Санкт-Петербурге школу «Арджуна калари». Жизненные истории всех этих людей достойны отдельного описания, каждая наполнена большими и малыми экспериментами – как со своим телом, с одеждой, пищей, лекарствами, так и со своим образом мысли, в рамках своего творчества, художественного, исследовательского, в прикладной сфере деятельности.

Другую модель аккультурации представляет *коллективное вхождение*, примеров чему тоже немало, причем большинство этнических или конфессиональных сообществ со временем так или иначе встроились в варно-кастовую систему Индии. Более того, всю историю Южной Азии можно рассматривать в этом ключе, как взаимное приспособление более или менее различных между собой по языку, хозяйству, социальному устройству, верованиям и обрядам групп. Так, индийские мусульмане не представляют собой единства, но распадаются на множество локальных сообществ; среди них бохра Гуджарата и мапилла Кералы обнаруживают немало специфических, местных культурных черт, роднящих их с индусами.

Особый случай представляет этноконфессиональное сообщество *парсов* Индии. Небольшая группа беженцев из Персии, прибывшая, согласно преданию, около 720 г. (после падения династии Сасанидов и распространения ислама) к западному побережью Индии, нашла прибежище в южных землях территории современного штата Гуджарат.

История и культура индийских парсов получила отражение и в научной литературе, и в художественных произведениях, и в биографиях, мемуарах. Одной из интереснейших же областей исследования лежат в пространстве *культурной гибридизации*, ведь парсы оказались своего рода «сахаром в молоке», благим, хотя и небольшим «добавлением» в местное общество (*Dadab* 2008). Известная легенда гласит, что местный правитель Гуджарата отправил на корабль беженцев, просивших о пристанище, полный стакан молока, таким образом сообщая об отсутствии свободной земли и возможности принять их. Однако просящие не сдавались: они положили в молоко одну ложку сахара, который был взят ими с собой с родины, в дорогу, таким образом словно говоря: «много места мы не займем, и не испортим вкуса молока, но только улучшим его». Так и получилось; было подписано соглашение, по которому персидская мигранты, зороастрийцы, получали некоторую территорию для проживания, и возможность создания здесь мира своей религиозной культуры: строительства храмов огня, возведения дакхма (погребальных «башен молчания»).

Удвада и Навсари стали важнейшими центрами с религиозными и образовательными институтами. Со временем парсы восприняли местный язык, элементы одежды, некоторые повседневные обычаи. В традициях жилища и пищи гибридизация проявилась особенно ярко. Женская одежда, *гари*, гуджаратский вариант сари, оказалась интереснейшим феноменом, результатом вовлечения парсов в торговлю с Китаем: индийский шелк или атлас отвозили в Китай, где отдавали в ручную обработку, и обратно привозили с богатейшей вышивкой. Самые ценные экземпляры представляли собой сложные многофигурные картины, наполненные своего рода миниатюрами, растительным, геометрическим орнаментом и жанровыми сценами.

Консерватизм и закрытость религиозной культуры и семейной жизни парсов, правила строгой эндогамности, интересным образом сочетались с их большой деловой активностью, открытостью к переменам, к экспериментам; модернизация Индии во многом шла благодаря усилиям отдельным личностям и семьям из числа парсов. Парсы создали первую политическую партию Индии, участвовали в национально-освободительном движении, создали первую фондовую биржу, первый сталелитейный завод, основали крупнейшие торгово-промышленные концерны (Tata Group; Godrej) первый университет, первую общественную больницу, были в числе первых издателей газет, освоения печатной машины. Наконец, парсы были в числе создателей индийской киноиндустрии. Музыкант и певец, парс Фаррух Булсара прославился на весь мир под псевдонимом Фредди Меркьюри, как лидер рок-группы «Queen».

Парсы в Индии до сих пор находятся в особом, промежуточном культурном пространстве не вполне «чужих», но не совсем «своих». Это состояние может обернуться как позитивной, так и негативной стороной для конкретного случая, при конкретных обстоятельствах. Однако это – идеальное положение для следующего рассматриваемого нами пространства возможного эксперимента, а именно – *полевой этнографической работы в Индии*.

Полевое этнографическое исследование можно рассматривать как своего рода «эксперимент» – целесообразное действие, включающее манипуляцию субъектом над объектом, целью которого является подтвердить догадку, прояснить предположение, утвердить гипотезу, выявить скрытое. Так или иначе, к подобным экспериментам, в том числе к установлению более или менее временной семьи с представителями исследуемых сообществ, вступление в сексуальные, квази-родственные и свойственные отношения, прибегали многие этнографы и антропологи, например, Н.Н. Миклухо-Маклай, Маргарет Мид, Верриер Элвин. Однако, поскольку обстоятельствами здесь оказываются сама жизнь, повседневность, взаимоотношения между людьми, то едва ли возможно говорить о какой бы то ни было «чистоте», адекватном повторении и надежности верификации такого «экспериментирования».

Здесь можно вспомнить о тех различных ролях, которые в силу социального контекста разных эпох проходила индийская этнография / антропология. В эпоху британского Раджа антропологи были одновременно и чиновниками, между ними и их информантами лежала социальная, этническая и языковая пропасть. Они передвигались в основном от одной до другой почтовой станции, останавливаясь на ночлег в приличных комнатах почтовых бунгалов, отчего этот тип исследования получил условное обозначение «*dak bungalow anthropology*», «антропология почтовых станций». Информанты призывались с помощью посредников, знающих деревенских жителей, и всегда имелись один или несколько переводчиков, помогавших антропологу общаться

ся. Хорошо известно, что подобный способ сбора материала подчас вел к закреплению ошибок, субъективных интерпретаций, и созданию фантомных сущностей.

В 1920–1930-е годы в ряде европейских и американских университетов утвердилась и начала отрабатываться программа обучения по специальности социальной / культурной антропологии, куда обязательно входило изучение языка исследуемых сообществ. Так, в 1950-е годы, с распадом колониальной системы, формированием Республики Индия, появилась и новая модель антропологического исследования, которую можно, на мой взгляд, условно обозначить как «антрополог – добрый друг». Речь шла о молодых западных исследователях, получивших хорошее университетское образование по специальности антропология, приезжали в Индию работать на продолжительный полевой сезон (как правило, около года, но часто и дольше). Начали появляться и первые антропологи-индийцы, например, выдающийся исследователь, ученик Альфреда Рэдклиф-Брауна, М.Н. Шринивас (1916–1999). Как иностранцы, так и индийцы-антропологи этого типа были значительно более приближены к своим информантам, собеседникам, они говорили с ними на одном языке, жили по соседству, проводили значительное время вместе, что давало возможность не только опроса, но и длительного, неспешного наблюдения. 1950–1960-е годы были также и временем т.н. «деревенских исследований», когда вместо предыдущих концепций «касты», «индуизма» тому подобных обобщений на первый план выступила задача целостного понимания жизни и социального устройства конкретной деревни. Все же у этого поколения этнографов / антропологов была и определенная социокультурная дистанция с людьми исследуемых сообществ; в дальнейшем, вследствие нескольких причин, происходило ее сокращение.

Позиция «добраго друга» позволяет максимально реализоваться модели, о которой говорил и писал российский этнограф Ян Чеснов, когда высший смысл дисциплины заключается во взаимодействии и обоюдной рефлексии, когда этнограф помогает своему информанту постичь свою культуру.

Изменение научной парадигмы в 1980-е годы, начало систематического обучения иностранцев в Индии – как наукам, так и ремеслам, в том числе исполнительским искусствам, принесло с собой новую модель отношений, когда антрополог обучается «на месте», становится в позицию «вечного ученика», в том числе и по отношению к своим информантам, к сообществу, которое он наблюдает. Это нередко сопровождалось долгим, иногда многолетним проживанием среди изучаемого сообщества, освоение языка и культурных навыков. Помимо положительных результатов большого приближения, глубокого освоения материала данной культуры и данного сообщества, данная позиция несла и опасную черту излишней близости, погруженности, что в ряде случаев сопровождается потерей критического отношения, потерей (или недостаточным освоением) навыка перевода – как лингвистического, так и концептуального. В предельном случае сам исследователь может стать частью своего «поля», потеряв способность видеть, оценивать, описывать, обобщать.

Наконец, в 1990-е и особенно в «нулевые» годы антропологическую специальность начали осваивать все больше и больше индийских девушек и молодых женщин, значительная часть которых в силу семейных обстоятельств не могла проводить долгих полевых исследований в одиночестве, в чужом сообществе. Так, возникла модель, шутливо называемая «мисс» или «миссис степень» («Mrs. Degree»), что означало просто частью образования, повышало статус женщины, и было примерно

аналогично практике среди девушек средних и высоких социальных классов занятия танцем и даже устройства своего рода «экзамена», образцового, первого значительного сценического выступления (*арангетрам*), после чего они выходили замуж и оставляли искусство. Такие девушки занимались, как правило, исследованием какой-то конкретной, довольно узкой темы внутри своей общины, они не занимались «насыщенным описанием», в их работах редко содержалась критика и анализ.

С 1990-х годов в Индии все активнее и активнее развивается туризм, что стало основанием для появления и такого своеобразного явления как «этнографический туризм». Речь идет о наводнении этой страны множеством путешественников, часто это молодые люди, переживающие пору становления личности, жажды впечатлений, иногда – студенты, в том числе и гуманитарных специальностей, и нередко – журналисты, ищущие материал или сюжет. Многие из них занимаются поиском или исследованием в области близкой к этнографии. Особенностью «этнографического туриста» является крайне поверхностное знакомство с социальными и культурными особенностями страны, незнание серьезной научной литературы, субъективизм. Снижение качества образования при росте числа и удешевлении пассажирских авиаперелетов, при доступности фото и видеотехники, также сказываются на укреплении упрощенного отношения к полевому исследованию: экскурсии и ознакомительные поездки с элементами развлечения теперь нередко выдаются за «этнографические полевые исследования».

Эксперимент в этнографическом поле – если только можно говорить об эксперименте – отличается, на мой взгляд, следующими тремя качествами: *взаимностью, непредсказуемостью и возможностью отсроченной реакции*. Ведь не только профессиональный этнограф или человек, ощущающий себя этнографом, экспериментирует с тем, что называет своим «полем», но и «поле», совокупность живых людей, экспериментирует со своим исследователем/наблюдателем/ «чужаком». Каждая из сторон оказывается одновременно *и ресурсом, и пользователем*. Совершенно особая ситуация – повторная встреча с информантом и новые контакты, в новых обстоятельствах, или даже просто новый взгляд на события в прошлом. Так, антрополог Ли́ла Абу-Лугход, изучавшая культуру и поэзию арабов Египта, отмечает, как однажды прочитала одной женщине, своей собеседнице, стихотворение, записанное ею у нее несколько лет назад, и напечатанное в книге; в ответ последовала неожиданно отрицательная реакция и вопль «Ты нас оскандалила!» (*Abu-Lughod* 1991: 159).

Кем становится этнограф для своих информантов – администратором, «добрым другом» или врагом, помощником в решении проблем, гостем, ненужным нахлебником, потенциальным мужем / женой, посланником из иных миров? Каждый из этих статусов требует взаимности отношений. Несомненно, встает вопрос мотивации пребывания («что ты у нас делаешь?»), поскольку статус «только наблюдателя» предполагается не во всякой культуре и социуме, а в некоторых случаях даже едва возможен. Сценарий этнографического поведения нередко будет корректироваться на месте. Как кто этнограф «входит» в исследуемое сообщество? Опыт «этнографического знания» в современных обстоятельствах подробно анализируется в замечательном сборнике статей «Осознавать, как знать: полевые исследования и этнографическое настоящее» (*Halstead, Hirsch* 2008).

Наконец, существует такая вещь как *игры памяти и вариативность интерпретаций*: многие события и действия могут быть поставлены в различные контексты,

быть пере-интерпретированы, и соответственно по-разному оценены, часто – неожиданно. Так, по признанию Уве Скода, немецкого исследователя Ориссы, в частности, традиционных властных институтов, местных царских династий, семей и их культуры, среди некоторых его информантов прошел даже слух, что он, видимо, незаконнорожденный сын раджи, раз часто приезжает и общается с ним и членами его семьи. Память о работе и личности этнографа, интерпретация со стороны наблюдаемых – интереснейшая область, еще мало оцененная и описанная в антропологии.

Этнограф, работающий в поле, может определить свое положение на шкале координат «чужой – свой», где идеальным положением оказывается срединное, центральное между этими крайними полюсами. Другим существенным фактором оказывается *фактор времени*: как долго этнограф находился в поле, прожил ли он со своим исследуемым сообществом хотя бы один целый год, или только изредка бывает. Личный опыт не заменить никаким книжным знанием; так, если человек сам лично не пережил в Индии период муссона, нельзя сказать, что он освоил и знает эту страну.

Длительность пребывания помогает увидеть неявное, скрытое, столкнуться с конфликтами, существующими внутри данного общества, а также и спровоцировать своих информантов на разнообразные действия. Кроме того, сам этнограф неизбежно в ходе своей жизни и работы не раз переживает изменение собственного статуса. Например, когда и во что трансформируется едва ли не священный статус «гостя», которым прибывшего часто наделяют при первом появлении? Сколько прилично гостю быть гостем? Когда и как осуществляется переход? Что ждут от чужака, что сам этнограф может предложить своим хозяевам / информантам? Так, чрезвычайно непростой и тяжелый опыт полевой работы одной русской женщины, этнографа Кунсткамеры Варвары Кузнецовой среди чукчей в 1948–1951 гг., размышления над этими вопросами ярчайшим образом продемонстрированы в исследовании этнографа Елены Михайловой (Михайлова 2015).

Важным, хотя не всегда артикулируемым вопросом оказывается завершающая оценка этнографом своих действий, «правильных» и «неправильных», «удачных» и «неудачных». Как совершить *верификацию удачи или провала* этнографа в поле? Подчас имеет смысл особое внимание обратить на ошибки, совершенные исследователем (об изучаемом обществе узнаешь больше и ярче, когда нарушаешь его правила), и на последствия этих ошибок (как реагирует общество, какие действия предпринимает в ответ). Наконец, необходимо осознать, меняет ли что-то присутствие этнографа в самом «поле», и если да, то – что и как?

В целом же необходимыми качествами для всякого «экспериментирования» в этнографическом поле являются качественные и глубокие знания об исследуемом обществе и его культуре, осознанность своих действий и ответственность за них. Этнографию, как мне кажется, можно метафорически назвать «искусством постоянного возвращения»: только оглянувшись и вернувшись (физически и мысленно) через некоторое время в пространство своего исследования, можно найти ответы на так и не разрешенные вопросы и сомнения, и уточнить ценность собственной работы.

Примечания

¹ Понятие «фиранги» (перс. firangi, от араб. farenji – «франки», на самом деле, люди различного происхождения, мигранты из христианских земель) закрепилось и за европейским или сделанным в европейском стиле индийским оружием, и особенно – за длинноклиновым холодным оружием XVI–XVIII веков, представляющим собой европейский клинок палашей или

- шпаг португальского, испанского, французского, английского, гунуэзского, немецкого происхождения с эфесом, иногда выполненным в индийском стиле. См.: (Носов 2011; Стоун 2010).
- ² Allan Octavian Hume (1829–1912), британский чиновник и политический реформатор, один из основателей Индийского национального конгресса, ботаник и «отец индийской орнитологии».
- ³ Annie Besant (1847–1933) известный теософ, борец за независимость Индии, за права женщин, писатель и оратор, с 1917 г. – президент Индийского национального конгресса.
- ⁴ Агнес Гондже Бояджиу (1910–1997), основательница женской монашеской конгрегации «Сестры-миссионерки любви», занимающейся служением бедным и больным, лауреат Нобелевской премии мира, причисленная к лику святых как святая Тереза Калькуттская.
- ⁵ Как известный антрополог, по выражению Рамачандры Гухи, «an Englishman for India» (Guha 1999) Верриер Элвин (1902–1964), сын епископа в Сьерра-Леоне Эдмуна Генри Элвина. В 1927 г. он прибыл в Пуну, чтобы присоединиться к «Christian Service Society», однако вскоре увлекся идеями М.Г. Ганди, стал его близким соратником, членом Индийского национального конгресса, принял в 1935 г. индуизм. Он занялся самообразованием в области этнологии и антропологии, и проводил полевые исследования среди гондов центральных областей Индии, особенно – среди народов муриа и байга, и стал автором одной из лучших, классических антропологических работ, «Muria and their Ghotul» (1947), и ряда других. Позднее он работал и писал о племенных народах индийского Северо-востока; Джавахарлал Неру назначил его советником Правительства по вопросам племен Индии. В 1940 г. Элвин женился на девушке из племени радж гонд, однако развелся с ней в 1949 г.; его второй женой стала девушка из гондов пардхан. Примечательно, что, во всяком случае его первый брак был в определенной мере этнографическим экспериментом, и частью включенного наблюдения: Элвин делал заметки, описывая многие детали повседневности, включая интимные, сексуальные особенности, характерные для исследуемых им народов. Позднее, в своей автобиографии он многое переосмыслил, в том числе с этической стороны вопроса.
- ⁶ Пран Невиль, исследователь культуры и истории британского Раджа, красочно описывает это в изящной зарисовке «Memsahibs and the Indian Marriage Bazaar», в книге «Индия сахибов. Заметки об эпохе Раджа» (Neville 2010: 26).
- ⁷ «Those of us belonging to Northern India who have lost the memory of the pure Indian classical dance have experienced a thrill of delight at the exhibition of dancing given by Ragini Devi»

Литература

- Демченко 2008 – Демченко М.Б. Путь Сатчитананды. М.: Издательство «Ганга», 2008. 320 с.
- Михайлова 2015 – Михайлова Е.А. Скитания Варвары Кузнецовой. Чукотская экспедиция В.Г. Кузнецовой, 1948–1951 гг. СПб: МАЭ, 2015.
- Носов 2011 – Носов К.С. Клинковое оружие / Традиционное оружие Индии. М.: Эксмо, 2011. 384 с.
- Робертс 2013 – Робертс Грегори Дэвис. Шантарам. СПб: Азбука, 2013. 864 с.
- Стоун 2010 – Стоун Д.К. Большая энциклопедия оружия и доспехов. М.: Астрель: АСТ, 2010.
- Abu-Lughod 1991 – Abu-Lughod, Lila. Writing against Culture // Recapturing Anthropology: Working in the present. Ed. by Richard G. Fox. New Mexico: Schools of American Research Press, 1991. Pp.148–167.
- Dadab 2008 – Dadab, Bakhtiar K. Sugar in Milk: Lives of Eminent Parsis. New Delhi, Kolkata, Mumbai: Rupa, 2008.
- Dalrymple 2004 – Dalrymple, William. White Mughals. Love and Betrayal in Eighteenth-Century India. 3 ed. New Delhi: Penguin Books, 2004.
- Dixit 2016 – Dixit, Rekha. Becoming Indian, Being Indian // The week anniversary special. December, 25, 2016. Pp. 132–137.
- Elwin 1947 – Elwin, Verrier. Muria and their Ghotul. Bombay: Oxford University Press, 1947. 902 p.
- Elwin 1964 – Elwin, Verrier. The Tribal World of Verrier Elwin: an autobiography. Bombay: Oxford University Press, 1964.

- Guha 1999 – Guha, Ramachandra. *Savaging the Civilized: Verrier Elwin, His Tribals, and India*. Chicago: Oxford University Press, 1999.
- Halstead, Hirsch 2008 – *Knowing How to Know. Fieldwork and the Ethnographic Present* / Ed.by N. Halstead, E. Hirsch, J.Okely. New York, Oxford: Berghahn Books, 2008.
- Harris 2015 – Harris, Jonathan Gil. *The First Firangis. Remarkable Stories of Heroes, Healers, Charlatans, Courtesans and other Foreigners Who Become Indian*. New Delhi: Aleph Book Company, 2015.
- Interculturation of religion 2007 – *Interculturation of religion: critical perspectives on Robert de Nobili's mission in India*. De Nobili Research Centre, Madras. Bangalore: Asian Trading Corporation, 2007.
- Joshi 2015 – Joshi, Namrata. No such things Ghar Wapasi // *Outlook*. 2 February, 2015. Pp. 40–64.
- Kohli 2016 – Kohli, Namita. A Quiet Christmas at the Ganj // *Hindustan Times*. New Delhi. 25.12. 2016. P.17.
- Nevile 2010 – Nevile, Pran. *Sahib's India. Vignettes from the Raj*. New Delhi: Penguin Books, 2010.
- Ragini Devi 1972 – Ragini Devi. *Dance Dialects of India*. Delhi: Vikas Publications, 1972.
- Ragini Devi 1928 – Ragini Devi. *Nritanjali: An Introduction to Hindu Dancing*. New York: Hari G. Govil: 1928.
- Rahman 2001 – Rahman, Sukanya. *Dancing in the Family*. HarperCollins Publishers, 2001.
- Tully 2008 – Tully, Mark. *India's Unending Journey. Finding balance in a Time of Change*. London, Sydney, Auckland, Johannesburg: Rider, 2008.
- Williams 2010 – Williams, Clive. *The Nabobs of Berkshire*. Purley on Thames, Berkshire, UK: Goosecroft Publications, 2010.

References

- Demchenko M.B. Put' Satchitanandy. M.: Izdatel'stvo "Ganga", 2008.
- Mikhailova E.A. Skitaniiia Varvary Kuznetsovoi. Chukotskaia ekspeditsiia V.G. Kuznetsovoi, 1948–1951 gg. Sanct-Petersburgh: MAE, 2015.
- Nosov K.S. Klinkovoe oruzhie. Traditsionnoe oruzhie Indii. Moscow: Eksmo, 2011.
- Roberts Gregori Devis. Shantaram. Sanct-Peterburg: Azbuka, 2013.
- Stoun D.K. Bol'shaia entsiklopediia oruzhiia i dospekhov. Moscow: Astrel': AST, 2010.

S.I. Ryzhakova. Firangi: strangers, turned into Indians. Life as an ethnographical experiment.

Various groups of the migrants to Indian subcontinent, as well as individual travelers, who came and settle down here, constitutes a peculiar phenomenon of so called firangi. They are strangers, foreigners, mostly from Western world, who have adjusted themselves to the local cuisine, day-to-day life, climate, who have made their home here, who created social contacts and professional set-up. This people became a part of various social strata – elite (as it is nicely described by William Dalrymple in «White Mughals», 2002) and low and marginal groups. Some of them became healers, courtesans, mendicants etc (a subject of a book «The First Firangis» by J.Gill Harris, 2015). The specific feature of firangi as such is it's hybrid and fluid identity. While assuming many typical element of the local social and cultural ethos, changing their names and habits, still they remained alien. This was among firangi the most innovative changes happened; science, art, architecture, business, politics of today's India largely contributed by the activity of various firangis. Their biographies shows many instances of «ethnographic experimenting», happened while exploring and managing local social and cultural norms and outlook.

Key words: *firangi, Indian ethnography, identity, ethnographic fieldwork, acculturation, experiment*

УДК 39+ 001.891.55

© И.В. Чининов

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ НАУК В SETI («ПОИСК ВНЕЗЕМНОГО РАЗУМА»)

В последние десятилетия представители антропологических наук, используя обширный этнографический и антропологический материал, вносят значительный вклад в решение многих теоретических вопросов междисциплинарного научного направления SETI. Значительная их часть затрагивает важнейшие аспекты фундаментальной науки, философии и религии.

Ключевые слова: *внеземной разум, внеземная жизнь, социальная антропология, культурная эволюция, межкультурные контакты.*

Вопрос существования жизни и разума за пределами Земли волновал умы человечества не одно столетие, но только во второй половине XX века возник научный проект, целью которого было обнаружение признаков внеземных цивилизаций. Он получил название SETI – Search for Extraterrestrial Intelligence («Поиск внеземного разума») и первоначально включал представителей исключительно естественнонаучных и технических дисциплин. Поиск велся и ведется при помощи радиотелескопов для фиксации в космосе электромагнитных волн искусственного происхождения, которые бы напрямую свидетельствовали о существовании технологически развитых внеземных цивилизаций. Этот проект переживал тяжелые времена; в 60–70-х годах XX века большая часть ученых-биологов стояла на твердой позиции, что внеземной жизни и внеземных цивилизаций не существует, и, соответственно, ученые, занимающиеся подобной проблематикой, становились маргиналами. Например, Нобелевский лауреат, биохимик Жак Моно в своей книге «Случайность и необходимость» (1971 г.) писал: «Человек, наконец, узнал, что он один в бесчувственной необъятности Вселенной, из которой он появился только случайно». Он считал появление жизни на Земле настолько маловероятным событием, что оно никогда не повторится дважды даже в огромной Вселенной. Однако в 90-х годах прошлого столетия маятник стал клониться в другую сторону. Нобелевский лауреат, цитолог и биохимик Кристиан де Дюв был уверен, что жизнь возникает везде, где для этого сложились подходящие условия, поэтому в своей книге «Жизненная пыль» (1995 г.) назвал ее «космическим императивом» (Дэвис 2018: 178). На этот период приходится и обнаружение первых экзопланет (планет за пределами Солнечной системы – И. Ч.), в связи с чем, на проблему внеземной жизни и внеземного разума мир академической науки стал смотреть гораздо серьезнее, что привлекло к SETI много исследователей, включая и представителей антропологических наук. В настоящее время SETI уже сформировалось в отдельное междисциплинарное научное направление, в котором культурные/социальные и физические антропологи (преимущественно американ-

Чининов Игорь Викторович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. Эл. почта: chininov@mail.ru.

ские) играют важную роль в решении многих ключевых теоретических вопросов, что приводит иногда к совершенно новому пониманию проблематики внеземных цивилизаций в целом. Эти вопросы можно объединить в три основных направления:

1. Культурный контакт.
2. Межзвездные коммуникации.
3. Биологическая и культурная эволюция разумных внеземных форм жизни.

Культурный контакт

Какие изменения социального, экономического, политического и идеологического характера произойдут на Земле при гипотетическом столкновении человечества с высокоразвитой в техническом отношении внеземной цивилизацией (под цивилизацией мы здесь будем понимать общество, достигшее уровня научно-технического прогресса, при котором возможно установление межзвездных коммуникаций. Современное постиндустриальное общество Земли уже не одно десятилетие находится на такой стадии развития)? Несмотря на то, что прямой физический контакт с внеземными цивилизациями маловероятен, из-за огромных межзвездных расстояний и невозможности перемещения в пространстве быстрее скорости света, даже получение и дешифровка радиосообщения от высокоразвитой внеземной культуры уже может привести к серьезным социальным и культурным катаклизмам по всей Земле. Для рассмотрения этого вопроса целесообразно обратиться к нашей мировой истории, которая изобилует примерами столкновений культур, находящихся на различных стадиях технического, экономического и социального развития. Наиболее характерные из них – колониальные экспансии западноевропейских держав в Северную и Южную Америку, Океанию, Австралию и Тропическую Африку. Проживавшие там народы уступали европейцам в социально-экономическом и военно-техническом отношении, что в итоге отразилось на их дальнейшей судьбе. Тем не менее, взаимоотношения с могущественными захватчиками у многих народов складывались по совершенно разным сценариям, в зависимости от их культурно-идеологических особенностей и конкретных исторических обстоятельств. Например, если государство ацтеков погибло в результате испанского завоевания в течение двух лет, то чилийские арауканы (мапуче) (находившиеся на более низкой стадии общественного развития, нежели ацтеки) оказывали упорное сопротивление испанцам на протяжении более 300 лет. Другие общества не вступали в прямую военную конфронтацию с европейскими захватчиками, но со временем также оказывались от них в полной политической и экономической зависимости. Значительные потрясения происходили и в идеологическом пространстве, достаточно вспомнить многочисленные мессианистские и милленаристские движения в разных регионах Земли, например, культы карго в Меланезии, или пляска духов у индейцев прерий Северной Америки. Одни народы полностью исчезли в ходе колониальных захватов, иные, потеряв политическую независимость, сохранили свою этническую идентичность и часть культурных традиций. При всем многообразии сценариев межкультурных контактов, выделяется одна общая тенденция: любой народ испытывает значительные культурные, идеологические и социально-экономические изменения при воздействии на него технически и экономически более развитого общества. Все эти особенности необходимо учитывать при разработке гипотетических сценариев кон-

такта и их последствий между человечеством и технически передовой внеземной цивилизацией. Даже если допустить небольшую вероятность физического контакта человечества с более развитой внеземной цивилизацией, то последствия для людей могут быть катастрофическими во всех отношениях, даже при отсутствии экспансионистских намерений у представителей внеземной цивилизации. Но и при взаимодействии на расстоянии (посредством радиосообщений) человечество, как уже отмечалось, могут также ожидать весьма тяжелые последствия. Например, за обладание монополиями на информацию, полученную в ходе дешифровки радиопосланий от внеземной цивилизации, могут разгореться полномасштабные вооруженные конфликты между ведущими мировыми державами. Кроме того, сам факт обнаружения высокоразумной жизни за пределами Земли вызовет кризис некоторых религиозных систем, что автоматически повлечет за собой серьезные проблемы социального характера. Не исключено, что и содержащаяся в радиопередаче информация может представлять большую угрозу существованию, как человечества, так и земной жизни в целом. В этой связи становится актуальной выработка определенной стратегии по минимизации отрицательных последствий межзвездных коммуникаций, где история межэтнических и межкультурных взаимодействий на Земле представляет самую большую ценность.

Межзвездные коммуникации

Как уже говорилось выше, наиболее вероятным способом межзвездного контакта станет обмен радиосообщениями, вследствие чего возникнет главный вопрос относительно их дешифровок. Смогут ли люди вообще понять, какая информация может быть закодирована в подобном послании от внеземной цивилизации? В решении этого вопроса ключевую роль играет изучение систем письма различных древних земных культур. Культурный антрополог Бен Финни и историк Джерри Бентли в этой связи приводят два наиболее характерных примера из истории цивилизаций древних греков и древних майя (*Finney, Bentley 2014*).

Философия Древней Греции оказала колоссальное влияние на становление и развитие научной мысли в средневековой Западной Европе, после того как там стали доступны тексты античных авторов, благодаря стараниям арабских, еврейских и византийских переводчиков. Но тут важно понимать, что древнегреческие философы, их арабские, еврейские и византийские последователи, также как и западноевропейские ученые, были культурно родственны и способны понимать системы письма друг друга. Тогда как между людьми и разумными внеземными формами жизни будет лежать огромная биологическая и культурная пропасть. В связи с этим Финни и Бентли приводят второй пример, обращаясь к истории дешифровки иероглифической письменности древних майя, которые в культурном и лингвистическом отношении находились очень далеко от европейцев, а их общественное и культурное развитие проходило в полном отрыве от народов Старого Света. Дешифровка майянской системы письма затянулась на весьма длительное время, как из-за ошибочности ее понимания, так и из-за слабого использования живых майянских языков. Дешифровать эту систему письма удалось только отечественному историку и этнографу Ю.В. Кнорозову, установившему ее фонетический тип и доказавшему необходимость использования живых майянских языков для прочтения древних надписей.

Вместе с Б. Финни и Д. Бентли можно резюмировать, что пример с древними майя хорошо иллюстрирует невозможность перевода древних систем письма без знания языков, на которых они составлялись. Поэтому и возникает дискуссионный вопрос относительно способности людей расшифровать полученные от внеземной цивилизации радиосообщения. На сей счет в литературе по SETI существуют два распространенных предположения. 1) разумные внеземные виды, способные к контакту посредством радиосообщений, должны разделять с людьми одинаковые логические процессы, использовать математический аппарат и понимать законы физики так же, как люди; 2) развитые внеземные цивилизации при межзвездной радиосвязи будут сознательно избегать использования своего естественного языка, но изобретут искусственный язык, основанный на вероятно общих процессах рассуждений и научных знаниях. Однако среди некоторых антропологов существуют противоположные точки зрения. Например, что математика людей – это не более чем субпродукт особой вида психологической эволюции, усиленный особым (и исторически редким) видом культурной эволюции (*Narens 2006*). А некоторые исследования из области когнитивных наук приходят к выводу, что математика является своеобразным артефактом, полученным от специфической структуры человеческого воплощения (*Woolf 2006*). Вследствие этого, представляется весьма сомнительным, что эволюционировавшие на других небесных телах высокоразумные формы жизни будут иметь ту же структуру воплощения и ту же математическую систему, что и люди. И вся надежда на математику как на главный язык общения с внеземными цивилизациями может оказаться неуместной. Как бы то ни было, можно с определенной уверенностью заключить, что при дешифровке внеземных радиопосланий люди столкнутся с огромными трудностями и, скорее всего, целые области познаний останутся для них навсегда недоступными, да и сам процесс дешифровки может затянуться на долгие десятилетия (если не столетия).

Биологическая и культурная эволюция разумных внеземных форм жизни

Это наиболее разнообразная область исследований, затрагивающая ряд важнейших вопросов фундаментальной науки. Здесь на основе обширной эмпирической и теоретической базы представители антропологических наук выдвигают гипотезы о вероятности возникновения разумных биологических видов; предполагаемых особенностях их морфологии и типов мышления; становлении, развитии и продолжительности существования технологически развитых цивилизаций. Важный акцент делается на выявлении возможной универсальной социальной и культурной конвергенции. Кроме того, на основе этих данных проводится антропологический анализ уравнения Дрейка (оценка приблизительного количества технически развитых цивилизаций в нашей галактике Млечный Путь) и парадокса Ферми («Где они?»).

Главным принципом при разработке этих вопросов является полный отказ от позиции антропоцентризма. К сожалению, антропоцентристским подходом грешит большая часть научного сообщества, причем социальные/культурные и физические антропологи (включая тех, что работают в направлении SETI) далеко не всегда являются исключением. И антропоцентристские воззрения всегда будут в числе главных врагов научного метода и объективного познания окружающего мира. Одним из ярчайших проявлений таких воззрений является попытка некоторых ученых науч-

но обосновать неизбежность возникновения антропоморфного обличья у разумных внеземных форм жизни в ходе их биологической эволюции. Несмотря на полную несостоятельность подобных взглядов, они продолжают удерживаться в академической среде. Необходимо признать, что немаловажную роль в навязывании «гуманоидных стереотипов» обществу в целом и научному сообществу в частности играют научно-фантастический литературный жанр и голливудский кинематограф. С другой стороны, при решении этих вопросов нельзя впадать и в другую крайность, представляя морфологию внеземных биологических видов несовместимую с физическими законами. Что же касается биохимии, то, несмотря на большую вероятность существования внеземной жизни на иных, нежели вода, растворителях, и иных, нежели углерод, базовых элементах, разумная жизнь, скорее всего, сможет возникнуть только на водно-углеродной химической основе (но при этом, наборы аминокислот и нуклеотид могут быть совершенно другими, чем у земных биологических видов). Этой точки зрения в настоящее время придерживается большая часть научного сообщества. Практически все теоретические вопросы, касающиеся зарождения и эволюции разумных внеземных форм жизни, в той или иной мере связаны со знаменитым уравнением Дрейка, ставшим своеобразным символом междисциплинарных научных исследований в SETI.

В 1961 г. американский астроном Фрэнк Дрейк (фактический основатель проекта SETI) составил формулу для подсчета приблизительного количества способных к межзвездным коммуникациям внеземных цивилизаций в нашей галактике Млечный Путь:

$$N = R^* \cdot f_p \cdot n_e \cdot f_i \cdot f_c \cdot L.$$

Здесь N – количество способных к установлению межзвездных коммуникаций внеземных цивилизаций в Млечном Пути; R^* – частота ежегодного звездообразования в Млечном Пути; f_p – доля звезд с планетами; n_e – среднее количество пригодных для обитания планет у звезды с планетами; f_i – доля пригодных для обитания планет, на которых возникла и развилась жизнь; f_c – доля планет, на которых в ходе эволюции возникла разумная жизнь; L – предполагаемая продолжительность существования таких цивилизаций (Chick 2014: 203–204).

Эти факторы можно условно разбить на три группы: R^* , f_p , n_e – астрофизические (фактор n_e лежит также в поле деятельности астробиологов); f_p , f_i – биологические (фактор f_i находится в сфере интересов и физических антропологов); f_c , L – социальные (этнологические, исторические и др.).

На протяжении многих лет целой плеядой ученых (включая самого Ф. Дрейка) проводились многочисленные оценки каждого фактора этого уравнения, однако с учетом сложности такого процесса, величины этих факторов сильно варьируют, и в итоге вероятное количество развитых внеземных цивилизаций также колеблется в весьма широких диапазонах: от 1 (т.е., человечество фактически единственная технологически развитая цивилизация в Млечном Пути) до 1 000 000. Следует отметить, что с вовлечением в эти изыскания исследователей из области антропологических и исторических наук, без которых весьма затруднительно производить оценки последних трех факторов, скептицизм относительно гипотетически большого количества передовых внеземных цивилизаций еще более усиливается.

Можно кратко резюмировать основные выводы по этим факторам с позиций антропологических наук.

Говоря о разумных биологических видах (при анализе фактора f_i), необходимо учитывать, что на Земле некоторыми формами разума обладает целый ряд животных: человекообразные обезьяны (в особенности шимпанзе и бонобо), несколько видов дельфинов (главным образом, косатки и афалины) и птиц (например, новокаледонские вороны и дятловые древесные вьюрки), осьминоги и др. Существует так. наз. «большая пятерка» когнитивных областей, определяющих разумность биологического вида: самосознание, изготовление и использование орудий, культура, вычислительная способность и символическая коммуникация (Marino 2015: 103). Наблюдения и эксперименты, проводимые в этих областях над многими видами животных, выявили у некоторых из них весьма высокие показатели. Например, обитающие в Сенегале шимпанзе изготавливают копыя для охоты на мелких приматов семейства галаговые, а новокаледонские вороны изготавливают и используют прутья (держат их в клюве) для извлечения насекомых из древесных стволов. Но при этом за всю историю жизни на Земле только представители рода *Номо* овладели способностью изготавливать орудия при помощи других орудий, а один вид (*Номо sapiens*) в итоге достиг уровня технологического развития, позволяющего устанавливать межзвездные коммуникации. В современной науке по-прежнему нет единого мнения относительно того, как предки людей превзошли по своим когнитивным особенностям остальных представителей животного мира. За почти 4 млрд. лет существования жизни на Земле был только один пример возникновения высокого разума. Да и обладающие некоторыми формами разума животные составляют лишь ничтожно малую часть среди миллионов (по некоторым оценкам до 100 млн) современных биологических видов. Поэтому, несмотря на различные оптимистические прогнозы, распространенные в популярной литературе, можно с определенной долей уверенности предположить, что зарождение и эволюция высокого разума является чрезвычайно редким процессом во Вселенной. А согласно гипотезе уникальной Земли есть большая вероятность, что и развитие сложной многоклеточной жизни также может оказаться весьма малораспространенным явлением (Ward, Brownlee 2003). Кроме того, нет никаких оснований считать, что если процесс возникновения высокого разума и происходит на других планетах, то он будет иметь типологическое сходство с человеческим.

При анализе фактора f_c необходимо учитывать множество факторов природно-географического, генетического и историко-культурного характера. Например, невозможно ожидать появления технологически развитых цивилизаций на планетах полностью покрытыми океанами или с небольшими участками суши, где отсутствует необходимое сырье для производства сложных технологий. А из человеческой истории важно акцентировать внимание на так наз. «верхнепалеолитической культурной эволюции», когда около 40 тыс. лет назад культурное и технологическое (появление искусства, совершенствование орудий труда, усложнение социальной организации и др.) развитие вида *Номо sapiens* стало возрастать быстрыми темпами. Что именно стало причиной этого исторического события по-прежнему остается загадкой для ученых, но все более рассматривается гипотеза о возможных генетических изменениях у людей современного вида (Civilizations 2011). Не менее сложной задачей является выявление предпосылок возникновения научного мето-

да при познании окружающего мира, без которого невозможно развитие сложных технологий, необходимых для межзвездных коммуникаций. В этой связи следует отметить, что из всего многообразия культур и цивилизаций, существовавших на Земле за последние 10 000 лет, только единожды (в Западной Европе) произошел научно-технический прогресс, приведший в XX в. к использованию радиотелескопов. Сейчас довольно сложно выдвигать точки зрения относительно того, по какому пути пошла бы культурная эволюция различных народов, если бы их самостоятельное развитие не было прервано западноевропейской колонизацией. И смогли бы они со временем достичь соответствующего уровня научно-технического прогресса. Однако с учетом всех исторических обстоятельств, природно-географических характеристик и культурно-идеологических особенностей можно заключить, что этот процесс вовсе не является неизбежным в ходе культурной эволюции. Поэтому можно вполне ожидать, что появление технологически развитых обществ на других планетах будет не более частым явлением, чем зарождение и эволюция высокоразумных биологических видов.

Фактор *L* является, пожалуй, наиболее сложным для анализа. Из известных нам исторических примеров видно, что продолжительность существования цивилизаций варьирует в весьма широких диапазонах. При этом мы имеем только один пример технологически развитой цивилизации, которая продолжает свое развитие в настоящее время. Существуют так наз. экзистенциальные риски, преодоление которых является главной задачей для любой высокоразвитой цивилизации. Их можно разделять на внешние и внутренние, а последние, в свою очередь, на искусственные и природные. К внешним угрозам относятся астероидные и кометные удары, столкновения с блуждающими планетами, долговременные вспышки гамма-излучения, смерть материнской звезды. Из внутренних природных катаклизмов наибольшую опасность представляют извержения супервулканов и глобальная пандемия. Искусственные риски включают ядерный конфликт и враждебный искусственный интеллект. Важно понимать, что на нынешнем этапе технологического развития человечество не способно предотвратить или избежать ни одну и вышеописанных катастроф природного характера. Любая из них (за исключением глобальной пандемии) повлечет за собой не только уничтожение цивилизации, но и вымирание человечества как биологического вида. Однако эти события случаются крайне редко даже по геологическим временным масштабам, что может предоставить технологически развитой цивилизации достаточно времени для разработки различных способов по предотвращению некоторых из этих катастроф. Таким образом, наибольшую опасность в краткосрочной перспективе для передовой цивилизации могут представлять угрозы искусственного характера, в особенности мировой ядерный конфликт (как в случае с Землей). Учитывая довольно высокую его вероятность в современном мире, можно допустить, что с нечто подобным приходится сталкиваться и внеземным цивилизациям, и едва ли все из них в состоянии пройти этот своеобразный «фильтр».

Все эти обстоятельства подводят нас к еще одной интересной теме в рамках SETI: решению парадокса Ферми. В 1950 г. известный итальянский физик Энрико Ферми во время беседы со своими коллегами относительно вероятных посещений Земли представителями внеземных цивилизаций спросил: «Где же они все?» Этот вопрос и стал в дальнейшем известен как парадокс Ферми. Если в нашей Галактике такое изобилие звезд с планетами, пригодными для обитания, то где-то наверняка долж-

ны зарождаться цивилизации, которые со временем будут способны к межзвездным коммуникациям, то почему мы нигде не наблюдаем следов их присутствия? В настоящее время существует несколько десятков возможных решений этого парадокса от полностью абсурдных («пришельцы уже на Земле», «сценарий зоопарка» и др.) до строго научных (Webb 2015). Причем научные решения напрямую связаны с тремя последними факторами уравнения Дрейка. Итог может быть следующим: если зарождение и развитие передовых технологических цивилизаций является весьма редким явлением в наблюдаемой Вселенной (в нашей Галактике в частности), то такие общества могут располагаться на таких колоссальных дистанциях друг от друга, что даже возможности контактов посредством радиосообщений будут сведены к минимуму. Изучение обширного антропологического материала дает гораздо лучшее понимание сложности биологических, исторических и социокультурных процессов, способных привести к зарождению технологически высокоразвитого общества, а также особенностей его функционирования и движущих механизмов. Несмотря на сравнительное небольшое вовлечение представителей антропологических наук в SETI, они играют там весьма значительную роль, формируя даже отдельное направление условно обозначаемое «внеземная антропология». Можно надеяться, что со временем все больше физических и социальных/культурных антропологов будут принимать участие в этой перспективной научной отрасли, открывая новые исследовательские горизонты.

Литература

- Дэвис 2018 – Дэвис П.К. У. Космический императив: легко ли жизни начаться? // Одиноки ли мы во Вселенной? Ведущие ученые мира о поисках инопланетной жизни / ред. Д. Аль-Халили. Пер. с англ. М., 2018. С. 177–187.
- Chick 2014 – Chick G. Biocultural Prerequisites for the Development of Interstellar Communication. // *Archaeology, Anthropology, and Interstellar Communication* / Ed. by D.A. Vakoch. Washington: NASA, 2014. Pp. 203–226.
- Civilizations 2011 – *Civilizations Beyond Earth: Extraterrestrial Life and Society* / Ed. by D.A. Vakoch, A.A. Harrison. New York. 2011.
- Finney, Bentley 2014 – Finney B., Bentley J. A Tale of Two Analogues: Learning at a Distance from the Ancient Greeks and Maya and the Problem of Deciphering Extraterrestrial Radio Transmissions // *Archaeology, Anthropology, and Interstellar Communication* / Ed. D.A. Vakoch. Washington: NASA, 2014. Pp. 64 – 77.
- Marino 2015 – Marino L. The landscape of intelligence // *The Impact of Discovering Life Beyond Earth*. Ed. by S. J. Dick. Cambridge, 2015. Pp. 95–112 .
- Narens 2006 – Narens L. Mathematical Universals for Extraterrestrial Communication. Paper presented in the Session “Culture, Anthropology, and the Search for Extraterrestrial Intelligence (SETI).” // 105th Annual Meeting of the American Anthropological Association, San Jose, California, November 17, 2006.
- Ward, Brownlee 2003 – Ward P. D., Brownlee D. Rare Earth: Why Complex Life Is Uncommon in the Universe. New York. 2003.
- Webb 2015 – Webb S. If the Universe Is Teeming with Aliens... Where Is Everybody? Seventy-Five Solutions to the Fermi Paradox and the Problem of Extraterrestrial Life. 2nd edition. Springer. 2015.
- Woolf 2006 – Woolf S. L. Mathematics as a Human Artifact. Paper presented in the Session “Culture, Anthropology, and the Search for Extraterrestrial Intelligence (SETI).” // 105th Annual Meeting of the American Anthropological Association, San Jose, California, November 17, 2006.

References

Davis P.K. U. Kosmicheskiy imperativ: legko li zhizni nachat'sya? // Odinoki li my vo Vselennoy? Vedushchie uchenye mira o poiskah inoplanetnoy zhizni J. Al-Khalili (ed). Per. s angl. Moscow, 2018. Pp. 177–187.

I.V. Chininov. The main research directions of anthropological Science in SETI («Search for Extraterrestrial Intelligence»)

In recent decades, representatives of anthropological sciences, using extensive ethnographic and anthropological material, make a significant contribution to the solution of many theoretical issues of interdisciplinary scientific direction SETI. A significant part of them touches upon the most important aspects of fundamental science, philosophy and religion.

Key words: *extraterrestrial intelligence, extraterrestrial life, social anthropology, cultural evolution, cross-cultural contacts.*

«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ». И ВСТРЕТИЛИСЬ ДВЕ ЧЕРЕПАХИ...

Автор приводит свои критические суждения по отношению к одной из новейших и активно пропагандируемых идей – идеи «экспериментальной антропологии». По мнению автора, сам термин слишком претенциозен и неудачен, поскольку он диссонирует с естественными науками. А главное, «экспериментальная антропология» фактически не вносит ничего нового в методологию и методику этнологического антропологического исследований.

Ключевые слова: «экспериментальная антропология», преемственность этнологических исследований, новации в методологии и методике.

В последнее время в отечественной науке силами, главным образом, молодых ученых довольно активно продвигается новое направление, именуемое «экспериментальной антропологией». Новое, впрочем, именно для российской науки, поскольку за рубежом это явление, как водится, обнаружилось несколько раньше (см.: Игнатъев, Никитин 2017: 40). В «Вестнике антропологии» в прошлом году на этот счет тоже была опубликована статья – Р.Н. Игнатъева и М.А. Никитина «Экспериментальная антропология» (Игнатъев, Никитин 2017: 36–44). В рамках XII Конгресса антропологов и этнологов России (Ижевск, июль 2017 г.) даже работала секция «Экспериментальная антропология», а в мае этого года кафедра этнологии МГУ им. М.В. Ломоносова проводит конференцию «Эксперименты и экспериментальность в антропологии и междисциплинарных исследованиях».

В настоящем номере журнала, кроме выше перечисленного, опубликованы статьи С.И. Рыжаковой и И.В. Чининова, написанные, судя по некоторым ремаркам авторов, именно в русле данного направления. Сразу должен сказать, что обе статьи сами по себе мне понравились, а вот кое-что заметить по поводу самой «экспериментальной антропологии» считаю уместным. Тем более, что Роман Николаевич Игнатъев, главный, пожалуй, у нас энтузиаст этого направления пытался и меня подвигнуть на участие в раскрутке «экспериментальной антропологии». Не получилось – возможно, в силу «традиционности» или даже консервативности моих взглядов на этнологию, что я, кстати, наверное, и продемонстрировал в ходе небольшой дискуссии (Чешко 2017: 132–135) в связи со статьей А.Н. Кожановского, Е.В. Холлер, И.А. Кучеровой и Р.Н. Игнатъева (Кожановский и др. 2017: 106–131). При этом полагаю, что предоставление дискуссионного поля на страницах «Вестника антропологии» вполне полезно и необходимо. Конечно, не для того, чтобы дать возможность родиться некой истине, поскольку, как показывает практика, истина никогда и нигде не рождается, а для того, чтобы дать адептам непривычных идей высказаться, а коллегам познакомиться с новациями в науке.

Я сосредоточусь на упомянутой выше статье Р.Н. Игнатьева и М.А. Никитина. Она, на мой взгляд довольно хорошо отражает суть проблемы – это даже своего рода программный манифест, – я, честно говоря, «закрутился» и не нашел времени, чтобы оперативно отреагировать на эту статью. И еще надо отдать должное авторам, которые воспроизвели серьезную критику в адрес своей позиции со стороны О. Зыкиной. Сознаю, что и меня не очень вдохновляет энтузиазм по поводу «экспериментальной антропологии».

В рецензируемой статье дается обоснование предложения авторов создать в рамках Ассоциации антропологов и этнологов России специальной комиссии.

«1. Успех дисциплины зависит во многом от ее способности формировать повестку дня научного сообщества. При этом важную роль играет путь проб и ошибок, связанный со свободой действия и вниманием к возможным новым формам исследования. Создание комиссии по экспериментальной антропологии позволило бы единомышленникам реализовать отличные от академических норм проекты, но без отрыва от научного фундамента, закладывавшегося десятилетиями.

2. Задача активного продвижения нашей дисциплины в настоящее время представляется крайне важной. Принципиальным остается здесь внимание к человеку и его образам жизни, а также профессиональное общение, открытое миру...» (Игнатьев, Никитин 2017: 36).

Данная инициатива нашла поддержку со стороны некоей группы «молодых антропологов», которые высказались еще более ясно:

«...Хотя само название может быть и иным, слово “эксперимент” здесь является ключевым, так как цель создания новой комиссии заключается в организации площадки для обсуждения и апробации новых методов и инструментов в антропологии, реализации исследований нового типа.

В качестве примеров таких экспериментов можно привести активное использование профессиональной видеокамеры в этнологическом исследовании, использование антропологических методов для решения проблем корпоративного бизнеса и многое другое. Комиссия по экспериментальной антропологии даст возможность объединить креативные усилия ученых и направить поток новых идей антропологов и этнологов всей России в единое конструктивное русло...» (Там же: 37).

В упомянутом мною ответе О. Зыкиной содержится многое из того, что мне самому приходило на ум, когда я читал статью и осмысливал другие материалы, связанные с идеей «экспериментальной антропологии». Поэтому я приведу несколько выдержек из текста О. Зыкиной.

«Дело в том, что “эксперимент” для меня входит в довольно определенную категорию понятий и обозначает вполне конкретную форму и методологию научной деятельности. В частности, я бы предполагала в связи с этим словом, во-первых, какое-то практическое взаимодействие ученого с его объектом исследования, но этого мало, поэтому будет во-вторых, которое включает предварительное построение теоретической модели и создание идеальных контролируемых условий для проведения эксперимента. Наверное, еще одним значимым параметром “эксперимента” как метода я бы назвала возможность его повторения, т.к. в противном случае он не сможет выступать подтверждением теории или гипотезы...

Одним из критериев эксперимента я назвала создание контролируемых условий. Это вызывает сложности, но, однако успешно решается, когда мы говорим о есте-

ственных и даже технических науках, даже специально для этого создаются вспомогательные науки, например, метрология. Однако для исследователя-гуманитария, который по сути своей является в некоторой степени частью изучаемого им объекта, вопрос о контроле стоит во многом парадоксально. Кроме того, и сами участники эксперимента очевидно будут личности с самостоятельным сознанием, свободной волей, выбором, а также индивидуальным культурным и социальным опытом. Присчитать весь комплекс влияющих факторов, которые необходимо учесть при моделировании социальных систем, кажется мне невыполнимой задачей даже для группы ученых в рамках масштабного проекта. В связи с этим возникает вопрос, что считать контролем за экспериментом в условиях гуманитарной науки» (Там же: 38).

Авторы статьи ответили на эту критику, но, на мой взгляд, гораздо менее понятно, конкретно и убедительно, нежели оппонент.

«Антропология экспериментальна. Экспериментальная антропология – не направление, но площадка взаимодействия представителей различных отраслей дисциплины, характеризующаяся горизонтальностью, высоким уровнем доверия и разнообразием интересов ее участников. Перед нами форма профессионального общения, а содержание его определяется актуальностью и личным интересом участника.

Принятие экспериментальности антропологии позволяет нам приблизить новый поворот в отечественной дисциплине, связанный с социальным планированием, или планированием будущего. Если в изменившихся общественно-политических условиях конца 1980-х годов состоялась «мобилизация» этнографического знания, то в настоящее время наблюдаются признаки его «демобилизации» во имя стабильности. Актуальным для антропологов стал вопрос самоорганизации. Крайне нужны коллективы (рабочие группы, школы), между которыми только и возможна здоровая конкуренция, способствующая формированию формальных критериев научной работы и раскрытию индивидуальности исследователя...

В ответ на критику О. Зыкиной мы скажем, что работа в группе внутри антропологического сообщества по конкретной проблеме вполне обеспечивает создание контролируемых условий и возможность повторения эксперимента с антропологами, методами, читателями, этикой. Возможно и нужно экспериментировать внутри дисциплины, отвечая на социальный запрос. Не следует бояться рассказывать обществу, каким предстает оно из нашего опыта, разрабатывать и воплощать в жизнь совместно с людьми идеи, обязанные своим появлением антропологическому опыту. Условие успеха здесь – контакт...» (с. 40).

Итак, в чем же, как можно понять Р.Н. Игнатьева и М.А. Никитина, заключается «экспериментальность»? Если вкратце, то это разворачивание дискуссий о путях дальнейшего развития науки, привлечение молодых исследователей, поскольку молодежи свойственны поиски нового, выдвижение нетрадиционных идей, создание неформальных творческих коллективов, использование новых методик в связи с изменением самого исследовательского поля, продвижение междисциплинарности. Тут абсолютно нечего возразить – все правильно. Но что во всем этом такого, что не признавалось и не делалось бы в рамках «традиционной» этнологии/антропологии? Другое дело, что наша наука в XXI веке столкнулась с методологическими проблемами, обусловленными процессами глобальной модернизации, и эти проблемы пока что выглядят труднопреодолимыми. Разумеется, надо искать, но вовсе не подменять, решения софистикой. А в риторике, пропагандирующей «экспериментальную антропологию», мне видится как раз больше софистики, чем позитивных, конструктивных, действительно новых идей.

Термин «экспериментальная антропология», конечно, режет слух, поскольку неизбежно возникают ассоциации с классическими экспериментами в естественных науках. Такие эксперименты в науках, изучающих общество, невозможны, а если попытаться их ставить, то можно принести больше вреда, чем пользы. Вспомним хотя бы историю нашей страны прошлого века.

Знаменитая столыпинская реформа была, безусловно, гигантским экспериментом над обществом. В результате она, по справедливому определению В.И. Ленина, оказалась «последним клапаном», лишь на время выпустившим пар социально-экономических проблем, но заодно резко обострились отношения с казахстанской степью. И в результате (добавилась еще война) случилось восстание Амангельды Иманова, которое положило начало сложным турбулентным процессам во всем Туркестане.

Попытка построить в СССР то, что называли «социализмом», национально-государственное размежевание в Средней Азии, политика коренизации – это все тоже были своего рода эксперименты с весьма неоднозначными последствиями. И к этим экспериментам, надо признать, приложили руку и ученые. А в 1990-е годы в России проводился опыт по построению чего-то вроде вчерашнего или даже позавчерашнего капитализма на базе классического первоначального накопления капитала – но посредством ограбления не колоний, а собственной страны. И здесь научные сотрудники тоже погуляли!

Другая сторона вопроса. При желании этнологию можно условно и с натяжкой назвать экспериментальной наукой (да, наверное, и любую другую научную дисциплину), если иметь в виду ее предметную область. Собственно, сама периодизация истории человечества построена на изобретениях, когда-то сделанных в результате произведенных экспериментов нашими далекими предками. Каменная индустрия представляла собой непрерывный, длившийся миллионы лет эксперимент с того момента, когда какой-то неведомый *эректус* попробовал делать на камне сколы, и до тех пор, пока каменные орудия ни достигли своего совершенства. Изобретение лука, колеса, гончарного круга и прочее и прочее тоже состоялось благодаря когда-то кем-то проведенным опытам.

Внедрение социологических методов исследования в этнологию, о которых пишут Р.Н. Игнатьев и М.А. Никитин, становление этнологических субдисциплин (полвека назад!), разработка теоретических концепций в зарубежной и отечественной науке – это, конечно, тоже поначалу были эксперименты. И вся научная деятельность имеет в каком-то смысле экспериментальный характер. Исследователь экспериментирует в поле, собирая материал с помощью определенной методики, потом систематизирует и интерпретирует его, и это тоже несет налет предположительности, экспериментальности. Экспериментирует над собой, помещая свои наработки в какое-то концептуальное русло, потом – над читателем (как поймут и воспримут его сочинение), да и над издателем – пропустит-не пропустит.

И что из всего этого следует? Я ведь выше говорил о вполне тривиальных вещах, лишь подпустив «экспериментальную» терминологию. Полагаю, следует то, что не надо чрезмерно увлекаться грюндерством в науке и терминологическими изысками, а лучше осмысливать то, что было сделано предшественниками и то, что ими не было сделано. Я писал об этом неоднократно (см., напр.: Чешико 2016), но приходится констатировать, что в современной отечественной науке, в среде молодежи, сложилась устойчивая тенденция изобретать то, что давно существует, а чаще – заимствовать из-за рубежа якобы что-то новое, доселе невиданное.

Надеюсь, мои суждения выглядят не очень ретроградными. Конечно, наука должна быть в постоянном движении, совершенствуя свои методы, осмысливая вновь и вновь свою концептуальную базу, поскольку сам мир, изучаемый ею, меняется и меняется обычно быстрее, нежели наука. В статье С.А. Арутюнова «Куда ты, черепаха?», в которой вообще-то содержится критика многих положений статьи А.Н. Кожановского и соавторов, приводится известная апория Зенона Элейского и дается ее понятное толкование: «И уклад жизни, и соответствующее ему самосознание меняются, хотя и постепенно, но все же с определенной прерывистостью или скачкообразностью. Нам, антропологам, заинтересованным в их изучении, не угнаться за ними, как в известной апории Зенона о черепахе. И мы, подобно Ахиллесу, можем лишь бесконечно приближаться к их постижению» (Арутюнов 2017: 3–4).

Наверное, это как раз говорит в пользу рассуждений об ограниченности возможностей науки, фрустраций и саморефлексии, которые преодолевают исследователя, хотя сам С.А. Арутюнов в своей статье не на этом делает акцент. А мне вот симпатична другая черепаха – из бразильского фольклора.

«Было это во время сильного голода. Только одно-единственное дерево во всем лесу стояло усыпанное спелыми плодами. Ходят звери вокруг да около, а есть не решаются: не знают, что за плоды и какое им название. Вот собрались звери все вместе и отправили посланца на небо – спросить у бога, как зовутся плоды. Сказал бог название плода, и зверек, чтобы не забыть, пошел, напевая:

Мусса, мусса, мусса,
Муссангамбира, муссауэ.

Поблизости жила старая колдунья. Когда зверек проходил мимо дома старухи, она спросила его, какими он здесь судьбами и что делает. Зверек рассказал ей, в чем дело. Ведьма, которая была очень злой, запела:

Мунга, селенга, ингамбела,
Вина, кивина, вининим...

Зверек сбился и забыл название, которое узнал на небе. Отправился к богу другой зверек, и с ним случилось то же, что и с первым. Такая же участь постигла и многих других, отправлявшихся на небо, чтоб узнать название плода, – старуха запевала их своей песней, и они забывали название. Наконец настал черед черепахи. Бог сказал ей название плода, и она не спеша двинулась в обратный путь, напевая:

Мусса, мусса, мусса,
Муссангамбира, муссауэ.

Проходит она мимо дома колдуньи, а та уже тут как тут. Спрашивает:

– Куда идешь, черепаха?

А черепаха знай себе поет свою песню и никакого внимания на старуху не обращает. Колдунья снова к ней:

– Куда идешь, черепаха?
А черепаха продолжает петь. Старуха запела:
Мунга, селенга, ингамбела,
Вина, кивина, вининим...

А черепаха и ухом не повела. Не сбивается, ползет себе и поет имя плода. Рассердилась старуха. Схватила черепаху и изо всех сил швырнула ее спиной оземь. Черепаха перевернулась и сказала:

– Прочь отсюда!

И продолжала свой путь, не забыв названия плода. Еще много раз швыряла черепаху старуха, но, видя, что ничего у нее не получается, ушла, чуть не лопнув от ярости. Пришла черепаха в лес и сказала зверям, как называется плод. Обрадовались звери и очень благодарили черепаху за услугу, которую она им оказала...».

Вот эта, бразильская черепаха, совершенно лишенная каких-либо рефлексий, может, наверное, служить в контексте наших рассуждений символом стабильности, позитивного знания, безразличия к сопутствующим влиянием во имя поставленной цели. А цель у нас как была так и есть – познавать окружающий мир (и себя тоже), насколько это возможно. И лучше в тандеме обеих этих рептилий.

Литература

- Арутюнов 2017 – Арутюнов С.А. Куда ты, черепаха? // Вестник антропологии. Новая серия, 2017. № 3(39). С. 153–159.
- Кожановский и др. 2016 – Кожановский А.Н., Кучерова И.А., Холлер Е.В. Игнат'ев Р.Н. Перестройка идентичности и трансформация традиционного уклада жизни в странах Европы на рубеже XX – XXI вв.: уроки одного исследования // Вестник антропологии. Новая серия, 2016. № 4 (36). С. 106–131.
- Игнат'ев, Никитин 2017 – Игнат'ев Р.Н., Никитин М.А. Экспериментальная антропология // Вестник антропологии. Новая серия, 2017. № 2(38). С. 36–44.
- Черепаха и плод – Черепаха и плод / Бразильские сказки и легенды. Перевод В. Житкова. URL: https://www.indiansworld.org/Nonmeso/brazilian_tales28.html#.WqOlkGrFLcs.
- Чешко 2016 – Чешко С.В. Чем больше знаешь, тем меньше понимаешь... // Вестник антропологии. Новая серия, 2016. № 3(36). С. 132–135.

References

- Arutjunov S.A. Kuda ty, cherepakha? Vestnik antropologii. Novaia seriia, 2017. No. 3(39). Pp. 153–159.
- Kozhanovskii A.N., Kucherova I.A., Kholler E.V. Ignat'ev R.N. Perestroika identichnosti i transformatsiia traditsionnogo ukhoda zhizni v stranakh Evropy na rubezhe XX – XXI vv.: uroki odnogo issledovaniia // Vestnik antropologii. Novaia seriia, 2016. No. 4(36). Pp. 106–131.
- Ignat'ev R.N., Nikitin M.A. Eksperimental'naia antropologiia. Vestnik antropologii. Novaia seriia, 2017. No. 2(38). Pp. 36–44.
- Cherepakha i plod / Brazil'skie skazki i legendy. Perevod V. Zhitkova. URL: https://www.indiansworld.org/Nonmeso/brazilian_tales28.html#.WqOlkGrFLcs.
- Cheshko S.V. Chem bol'she znaesh', tem men'she ponimaesh'... Vestnik antropologii. Novaia seriia, 2016. No. 3(36). Pp. 132–135.

S.V. Cheshko. «Experimental Anthropology». Two turtles meet...

The author brings his critical judgments in relation to one of the newest and actively propagated ideas – the idea of «experimental anthropology». According to the author, the term itself is too pretentious and unsuccessful, as it discords with the natural sciences. Most importantly, «experimental anthropology» does not actually bring anything new to the methodology and methodic of ethnological and anthropological researches.

Key words: «experimental anthropology», continuity of ethnological research, innovations in methodology and methodic.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 39+ 630*945.22

© Е.Я. Бурлина

КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
ЭТНИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В статье ставится вопрос о влиянии художественных и медийных продуктов (кинофильм, историко-культурная публицистика и др.) на уровни толерантности внутри России, а также в русскоговорящих диаспорах. Первый рассматриваемый артефакт: фильм Л.Г. Парфенова «Русские евреи» и сопутствующие ему обсуждения 2016–2017 гг. Второй: биография Я.Л. Тейтеля в Альманахе «Евреи провинциальной России», Самара, 1992 и ее современные интернациональные резонансы. Выводы автора: выбранные артефакты подтверждают динамику этнических представлений о «своих» и «других» в пространстве русского языка и культуры. Бытование сходного, художественно-культурного контента в России и в русскоговорящих диаспорах выдвигает ряд новых и актуальных междисциплинарных исследовательских вопросов.

Ключевые слова: межкультурные аспекты этнологии и антропологии, фильм Леонида Парфенова «Русские евреи», Самарский альманах «Евреи провинциальной России», русские диаспоры, пространство языка и культуры, трансдисциплинарные понятия «свои» и «чужие».

В современной антропологии глубоко и остроумно исследуются смыслы повседневной культуры. Даже кулинарные рецепты, фиксирующие советские этнические смыслы, выглядят открытием (Губогло 2017; Тимофеев 2012). Восхищает методологическая виртуозность, с которой специалисты балансируют между тем, что «этноса нет», но «всем понятно, что этнос есть» (Рыбаков 2012; Тишков 2016; Чешко 1994, 2017).

В этом контексте ниже будут рассмотрены два современных художественных примера: отражающие развитие взаимоотношений между разными этносами. Оба примера иллюстрируют влияние художественной культуры на кристаллизацию новых этнических представлений, что связывает этнологические и культурологические подходы (Бакиштова 2016).

* * *

Самый свежий пример – 3-х серийный фильм Л.Г. Парфенова «Русские евреи», широко продвигавшийся в течение 2016 – 2017 гг. как в России, так и в русскоговорящих культурных сообществах Англии, Германии, Израиля, Украины. «Мотто» свое-

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, шеф-редактор российско-немецкого альманаха «Stadt-Land-Planet» e.V., зав. кафедрой философии и культурологии СамГМУ. Эл. почта: bis17@mail.ru

го фильма Л.Г. Парфенов многократно формулировал так: «Это фильм о русскости, о русской культуре, а не о еврействе в России. И взгляд мой – русского журналиста» (Парфенов 2017). Показы и дискуссии по фильму проходили в крупных российских городах и русских диаспорах, в том числе, в Лондоне и Иерусалиме, Киеве и Одессе, многих других. Какие же новые аспекты этнического развития представлены в специфическом жанре просветительского, документально-художественного фильма?

Написано уже достаточно много о том, что это – «кино высочайшего уровня» (Каннер 2016; Долин 2017). Особенности языка и формы состоят в мастерском «склеивании» документального и игрового кино. Ведущий – Леонид Парфенов блистательно комментирует исторические факты, но также выступает с броневика «как Троцкий»; дарит остроумные историко-культурные формулировки («Россия пришла к евреям» в эпоху Екатерины Второй) и поспешно покидает Зимний дворец, «как если бы он был» членом Временного правительства. На крыше дома Шагала в Витебске Парфенов формулирует свою концепцию о способности русской культуры ассимилировать выходцев из разных этносов (Архангельский 2017; Дискуссия 2017).

Парфенов и его соавторы, прежде всего, режиссер Сергей Нурмамед, восхищены талантливыми музыкантами, артистами, дикторами, учеными, неподражаемо выразившими советскую эпоху. Особое внимание направлено на период «советской юдофилии» (1918–1942 гг.) и юдофобии (после 1948 г.).

Вместе с тем, в адрес фильма прозвучали и замечания о промахах и пропусках в изложении истории еврейства в России. Одни специалисты утверждают, что, показав истоки евреев в Российской империи, фильм не достаточно представляет роль местечковой культуры, транслировавшей великие письменные традиции. Другие не могут согласиться с тем, что не произнесено слово «Холокост», то есть, словесно не выделена трагедия еврейского народа в годы Второй мировой войны (см.: Будницкий 2017).

Тем не менее, фильм имел несомненный успех в разных зрительских аудиториях: в России, а также в диаспорах. Зрители не то, чтобы прощали авторам «огрехи», но достаточно тонко улавливали его новизну. С нашей точки зрения, успех обеспечивался, новой интерпретацией «своих» и «наших», принадлежащих к другому этносу.

Истоки того, почему в прежние десятилетия так трудно было говорить о «чужих», автор фильма связывает, в том числе, с закрытыми советскими пространствами: люди никуда не выезжали и мало кого знали, кроме своих сельчан и заводчан. Сошлемся на вербальный сюжет, присутствовавший почти во всех беседах с журналистами и зрителями. Леонид Парфенов довольно часто воспроизводил монолог дяди из Вологодской деревни, который служил в Советской Армии вместе с выходцем из Азербайджана: «Вот такой парень! Не говорите мне ничего про азеров! Отличные ребята!». Увидев мир за пределами своей деревни, вологодский дядя открыл, что есть в нем не только «чужие», но и «другие», отличные ребята.

Теперь перенесемся из Вологды в Самару. Олег Николаевич Сысуев – интеллигентный мэр Самары 1990-х годов, – побывав в Страсбурге, на заседании европейской комиссии по городам, привез в свой волжский город слоган: «Мы – разные, но не чужие». Он стал ключом успешной выборной компании мэра в 1996 г.

Дополняя научный контекст описанной ситуации, напомним, что в послевоенные годы, а особенно в Германии, было широко распространено разъяснение различий между «своими», «другими» и «чужими». С этим был связан огромный пласт высоколобых философских работ, а также продуктов массовой культуры (плакатов, сериалов,

детских фильмов и др.), направленных на снятие агрессии и этническую консолидацию. «Мы разные, но не чужие»; «Бог, пицца, а ты?!», «Другие, но не чужие» – популярные лозунги политиков, журналистов, музейщиков, учителей и др. (Бурлина 2007).

Подобно этому, фильм Парфенова посвящен «нашим» и «своим», ассимилировавшимся и внесшим значительный вклад в культуру и развитие России. Автор готов показывать, что они – «другие» (по биографиям, интересам). Однако, невозможно интерпретировать их как «чужих» и враждебных. В этом же контексте толерантных этнических представлений Леонид Геннадьевич Парфенов рассказывал и про вологодского дядю, полюбившего азербайджанцев после службы в Армии; и про свои собственные планы сделать еще фильмы о «русских немцах» и «русских грузинах», внесших столь значительный вклад в русскую культуру. Выделим этот трансдисциплинарный поворот, являющийся стержнем проекта Парфенова.

По сути дела, фильм продвигает новые общественные представления и обращается к новому поколенческому адресату, в том числе, в современных русскоговорящих диаспорах. Более того, успех фильма именно в диаспорах ставит под сомнение некоторые этнические доктрины. Например, М. Суслов в статье «Русский мир»: политика России в отношении соотечественников за рубежом» пишет: «Таким образом, русская диаспора не является ни диаспорой в строгом смысле слова, ни «русской». Это постсоветское сообщество за пределами России...» (Суслов 2017). По нашему мнению, иначе: данный фильм, как и некоторые другие современные художественные акции, консолидирует существующие русскоговорящие диаспоры и сближает, тем самым, разные общества.

Отметим еще раз, что каждому показу «Русских евреев» сопутствовали телепередачи, обсуждения, публикации в газетах, etc, востребованные широкой аудиторией. Это свидетельствует о готовности русскоязычных диаспор откликаться: проводились ли показы фильма в Берлине, Иерусалиме, Львове или Лондоне. Фильм ли отразил сдвиги в самосознании зрителей или, напротив, фильм формирует тяготение к русскому языку и культуре? Ответить на подобные вопросы могли бы междисциплинарные исследования: этнологов и культурологов.

Позиция бережного отношения к национальной идентификации совпадает с современной административно-политической установкой в России, открываются храмы разных конфессий, повсеместно празднуются мусульманские праздники и т. п. Ханнукальную свечу устанавливают на главных площадях городов, как елку. Мировое резонанс имеют выставки в «Еврейском музее» Москвы. Роман Л. Улицкой «Даниэль Штайн. Переводчик» стал бестселлером во всех русскоязычных диаспорах, также как «Русская канарейка» и другие романы Дины Рубиной.

Добавим, что новые исследования русско-еврейского вклада в науку и культуру активно ведутся также в Израиле, Германии, Америке, порождая при этом самые разные этнологические интерпретации. Сошлемся, например, на многотомную серию «Евреи русского зарубежья», выходящую в Израиле, под редакцией М. Пархомовского (Пархомовский 1992–1996). Это – подвижнический труд по собиранию и анализу биографий выдающихся еврейских ученых и художников, работавших в разных странах. Основная идея Михаила Пархомовского и его соавторов: евреи – народ-изгнанник, народ-странник, обреченный на овладение разными культурами. Поэтому евреи становились звездами французской музыки XIX в. (подобно Мейерберу, Оффенбаху и Бизе); лидерами немецкой культуры и науки, начиная от Г. Гейне и не

заканчивая А. Эйнштейном. В XX веке испанские и русские художники еврейского происхождения были лидерами авангарда.

В фильме Леонида Парфенова – другая концепция этноса и другой адресат. Это – массовая русскоговорящая аудитория, как в России, так и за рубежом. Для многих зрителей привлекательна художественная форма – синтез документалистики и игрового кино, этническая толерантность («свои», а не «чужие»), а также талантливое прощание с «последней тайной» СССР. Так остроумно определили когда-то табуирование данной темы П. Вайль и А. Генис в своей книге «Мир советского человека» (Вайль, Генис 2000). После войны, утверждали они, упоминать евреев было также неприлично, как называть вслух гениталии. Фильм Леонида Парфенова вносит не только художественный и просветительский вклад, но имеет выраженное консолидирующее значение.

Заключим, что подобные вопросы звучат в текущей научной литературе (Миронов, Миронова 2017). К сожалению, они недостаточно рассматриваются в междисциплинарных аспектах. Поэтому появление документально-художественного фильма со свежей постановкой этнокультурных вопросов обсуждалось с такой заинтересованностью в разных городах и странах.

* * *

Перейдем ко второму феномену, подсказанному этническими контекстами российского дореволюционного города, а также имевшему значительное художественно-публицистическое сопровождение. В 1990-е годы, в Самаре вышел в свет альманах «Евреи провинциальной России» (Бурлина 1992). Губернатор Самарской области тех лет – К.А. Титов – задумал и провел эффектное интернационально-инновационное мероприятие под названием «Израиль на Волге». Проект предполагал обмен делегациями, экономическими проектами, а также культурными мероприятиями и книжной продукцией.

Благодаря замечательным архивам Самарского Литературного музея им. А.М. Горького заново открывался мир провинции. Например, оказалось, что заметную роль в среде писателей и журналистов, а также в разнообразных благотворительных учреждениях для детей (от создания детских садов до сиротских приютов) играл самарский юрист и судебный следователь Яков Львович Тейтель. Выпускник Московского университета 1875 г., сирота и выходец из бедных слоев, он проработал в городе на Волге четверть века. Я.Л. Тейтель был единственным евреем, дослужившимся до чина генерала по Министерству юстиции. В 1913 г. он уехал из Самары в Саратов, не подозревая, что судьба забросит его в европейские столицы.

Впечатляет не только карьера Я.Л. Тейтеля, но и восторженные отзывы о нем писателей, журналистов, актеров. А.М. Горький называл его «веселым праведником» и считал, что обязан Тейтелю коренным поворотом своей творческой судьбы – изданием двухтомника, сделавшего провинциального журналиста известным всей России писателем. Писатель и инженер Н.Г. Гарин-Михайловский вывел Тейтеля в качестве светлого подвижника в нескольких своих художественных произведениях. Нельзя не добавить, что под руководством Тейтеля проходил свою единственную адвокатскую практику в Самаре молодой Владимир Ульянов (впоследствии Ленин).

При этом, Тейтель вовсе не был благодушен: он выявлял по работе преступников

и умел довести до конца каждый приговор. Перед началом Первой мировой войны Я.Л. Тейтель вступил в принципиальный конфликт с Саратовским губернатором П.А. Столыпиным по поводу необходимости наказывать погромщиков (БСЭ 2010–2017). Уже на пороге 2000-х годов А.И. Солженицын включил в свою книгу «Двести лет вместе» ссылки на дискуссии с Тейтелем: тема все та же, погромная. По мнению прокурора, погромщиков – переодетых полицейских – надо наказывать, а по утверждению писателя, «виноваты обе стороны» (Солженицын 2001).

Между 1918 и 1938 гг. жизнь выбросила Тейтеля в Берлин и Париж, где он стал в буквальном смысле звездой русской эмиграции [Teitel 1999]. Ему было уже за 70 лет, и он почти не располагал средствами. К тому же, слабо владел языками. Однако, старый эмигрант сумел организовать в Берлине и Париже достаточно эффективный Фонд помощи студентам и молодежи – выходцам из России (Тейтель 1931; Glockner 2011, 2004).

Публикации, посвященные Якову Львовичу Тейтелю, нетрудно найти в библиотеках Кельна и Берлина, Парижа и Ниццы, где он и был похоронен в 1938 г.

* * *

Итак, мы попытались представить два разных и актуальных артефакта. Во-первых, рассматривался фильм Л.Г. Парфенова и отношение к нему в современных российских городах и диаспорах в 2016–2017 гг., фиксирующее динамику этнической толерантности. Во-вторых, была представлена историческая биография Я.Л. Тейтеля – подвижника и интеллигента, сложившаяся в дореволюционном российском городе и изучаемая сегодня в русских диаспорах Германии и Франции.

Оба артефакта, а также их восприятие на родине и в диаспорах показывают тяготение не просто к некоему абстрактному «плавному котлу». Но к поиску форм и методов консолидации «своих» в пространстве русского языка и культуры, а также к этнической толерантности.

Литература

- Акопова 2017 – Акопова Мария. «Русские евреи»: фильм Парфенова стоит смотреть. URL: <http://anglia.com/2017/05/31/russie-evrei-parfenova/smotret/stoit/>.
- Архангельский 2017 – Архангельский Андрей. О фильме Леонида Парфенова «Русские евреи». – Для журнала «Деловой Петербург», 2017. URL: http://parfenovonline.ru/995_andrej-arxangelskij-o-filme-russkie-evrei.
- Бакшутова 2016 – Бакшутова Е. Философствование в культурных практиках российской интеллигенции: концептуализация, идеологизация, дискурсивное конструирование: автореферат дис... д. философ. н.: 24.00.01. МГУ имени Н.П. Огарева. Саранск, 2016.
- БСЭ – Большая Саратовская Энциклопедия. 2010 – 2017. Статья «Я.Л. Тейтель», автор – А. Хрусталева. URL: <http://www.elektron2000.com/article/1699.html> (saratovregional@rambler.ru).
- Будницкий 2017 – Будницкий О. «Русские евреи» Леонида Парфенова. Мнение историка О. Будницкого, Смотреть стоит, Но показана только элита URL: <http://www.bbc.com/russian/features-39308558>.
- Бурлина 1992 – Альманах «Евреи провинциальной России», 1992 г., Самара: Издательство «Терем», Международный центр культуры «Волга» / автор-сост. Е. Бурлина. Статья о Тейтеле – «Диктатура сердца». С. 6–14.
- Бурлина 2007 – Бурлина Е. Кофе, пицца, Бог, а – ты? Технологии повседневной толе-

- рантности: философы и практика культуры. URL: <http://www.tolerance.ru/Coffe-pizza.php?PrPage=Multi>
- Вайль, Генис 1996. – Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека // Новое литературное обозрение, 1996. С. 81.
- Губогло 2017 – Губогло М.Н. Концепт «советскости» в этнолого-антропологическом контексте // Вестник антропологии, 2017. № 3(39). С. 4–26.
- Дискуссия о фильме 2017. – Дискуссия о фильме Леонида Парфенова «Русские евреи» в центре документального кино. URL: <https://stmegi.com/posts/45226/vtoraya-chast-trilogii-parfenova-film-pro-evreev-po-ne-dlya-evreev/>.
- Долин 2017 – Долин Антон – о том, что забыли сказать авторы фильма... URL: parfenovonline.ru/1234_anton-dolin...russkie-evrei.
- Каннер 2016 – Каннер Юрий, Президент РИК. Русско-еврейские отношения: взгляд Леонида Парфенова. URL: https://echo.msk.ru/blog/y_kanner/1747764-echo/ 2016.14.04.
- Капитайкин 1992 – Капитайкин Э. «Веселый праведник» – Яков Львович Тейтель // Евреи в культуре русского зарубежья. Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Выпуск 1. 1919–1939 гг. // сост. Михаил Пархомовский. Иерусалим, 1992. С. 465–475.
- Миронов, Миронова 2017 – Миронов В.В., Миронова Д.В.Г. Мультикультурализм: толерантность или признание? // Вопросы философии, 2017. № 6. С. 16 – 28.
- Парфенов 09, 2017 – Парфенов Л. Взгляд мой русский. URL: Jewish.ru/ Глобальный еврейский центр.webarchive/20.09.2017
- Пархомовский 1992 – 1996. – Пархомовский М. Евреи в культуре русского зарубежья. Т. 1 – 5. Иерусалим, 1992 – 1996. См. также подробное описание содержание каждого тома: Русское еврейство в Зарубежье в контексте европейской культуры. URL: http://www.rusemigration.ru/berega/01/b_page_05.htm#_edn9
- Рыбаков 2012 – Рыбаков С.Е. К вопросу об этническом феномене // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены», 2012. № 2. С. 147– 156.
- Солженицын 2001. – Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). Часть I. «Исследования новейшей русской истории». М.: «Русский путь», 2001. С. 147–148.
- Суслов 2017 – Суслов Михаил. «Русский мир»: политика России в отношении соотечественников за рубежом». URL: Notes de l'Ifri/ No 103/ Russie. Nei. Visions. 2017. http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/souslov_monde_russe_2017_ru.pdf.
- Тейтель 1925 – Тейтель Я. Из моей жизни. За сорок лет. Из-во Я.Поволоцкий и Ко. Париж Берлин; Париж, 1925.
- Тейтель 1931 – Тейтель Я.Л.: Юбилейный сборник 1851 – 1931. Документы, приветствия, письма к 80-летию. Париж; Берлин, 1931.
- Тимофеев 2012 – Тимофеев М.Ю. Псевдосоветский общепит как империя знаков: системно-семиотический анализ, часть 1 // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований, 2012. № 4. С. 39–51.
- Чешко 1994 – Чешко С.В. Человек и этничность // Этнографическое обозрение, 1994. № 6. С. 35–49.
- Чешко 2017 – Чешко С.В. Мультикультурализм или культурный промискуитет? // Вестник антропологии, 2017 № 3. С. 27 – 41.
- Glöckner 2004 – Glöckner Olaf (2004): Die Kultur als Lebenselixier. Russischsprachige jüdische Immigranten in Deutschland. In: 6. Potsdamer Begegnungen. Zusammenleben von Mehrheiten und Minderheiten in einem Lande. Hrsg. von Ernst-Jörg von Studnitz und Birgit Klein, Berlin, 2004. Pp. 140–143.
- Glöckner 2011 – Glöckner Olaf Immigrated Russian Jewish Elites in Israel and Germany. Integration, Self-Image and Role in Community Building. Südwestdeutscher Verlag für Hochschulschriften, Saarbrücken, 2011.
- Teitel 1999 – Teitel Jacob. Aus meiner Lebensarbeit. Erinnerungen eines jüdischen Richters im alten Rußland. Mit einem Vorwort von Simon Dubnow und einer Charakteristik von Maxim

Gorki. Deutsch von Elias Hurwicz. Neu herausgegeben mit einem Essay und Anmerkungen von Ludger Heid. Einleitung von Hermann Simon. (Jüdische Memoiren. Hrsg. von Hermann Simon. Bd. 2.). Verlag Hentrich & Hentrich, Teetz 1999.

References

- Bakshutova E. Filosofstvovanie v kul'turnyh praktikah rossijskoj intelligencii: konceptualizaciya, ideologizaciya, diskursivnoe konstruirovaniye : avtoreferat dissertacii doktora filosofskih nauk : 24.00.01. MGU imeni N.P. Ogareva. Saransk, 2016.
- Bolshaya Saratovskaya Entsiklopediya. 2010–2017. Stat'ya «YA.L. Tejtjel'», avtor – A. Khrustaleva. URL: <http://www.elektron2000.com/article/1699.html> (saratovregional@rambler.ru).
- Budnitskij O. «Russkie evrei» Leonida Parfenova. Mnenie istorika O. Budnitskogo, Smotret' stoit, No pokazana tol'ko elita. URL: VVS/17.03. 2017//
- Burlina 1992. Al'manah «Evrei provincial'noj Rossii», 1992 g., Samara. – Izdatel'stvo «Terem», Mezhdunarodnyj centr kul'tury «Volga». Avtor i sostavitel' – E. Burlina. Stat'ya o Tejttele – «Diktatura serdca». Pp. 6 – 14.
- Burlina E. Kofe, picca, Bog, a – ty? Tekhnologii povsednevnoj tolerantnosti: filosofiy i praktika kul'tury. URL: <http://www.tolerance.ru/Coffe-pizza.php>
- Cheshko S.V. Chelovek i etnichnost'. Ehtnograficheskoe obozrenie, 1994. No.6. Pp. 35–49.
- Cheshko S.V. Mul'tikul'turalizm ili kul'turnyĭ promiskuitet? Vestnik antropologii, 2017. No. 3. Pp. 27 – 41.
- Diskussiya o fil'me Leonida Parfenova «Russkie evrei» v tsentre dokumental'nogo kino. URL: <https://stmegi.com/posts/45226/vtoraya-chast-trilogii-parfenova-film-pro-evreev-no-ne-dlya-evreev/>
- Dolin Anton – o tom, chto zabyli skazat' avtory fil'ma. URL: parfenovonline.ru/1234_anton-dolin-russkie-evrei/
- Glöckner Olaf (2004): Die Kultur als Lebenselixier. Russischsprachige jüdische Immigranten in Deutschland. In: 6. Potsdamer Begegnungen. Zusammenleben von Mehrheiten und Minderheiten in einem Lande. Hrsg. von Ernst-Jörg von Studnitz und Birgit Klein. Berlin, 2004. – S. 140–143.
- Glöckner Olaf Immigrated Russian Jewish Elites in Israel and Germany. Integration, Self-Image and Role in Community Building. Südwestdeutscher Verlag für Hochschulschriften, Saarbrücken, 2011. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-39308558>.
- Kanner Yuriy, Prezident RIK. Russko-evrejskie otnosheniya: vzglyad Leonida Parfyonova. URL: https://echo.msk.ru/blog/y_kanner/1747764-echo/ 2016.14.04.
- Kapitajkin EH. «Veselyj pravednik» – Yakov L'vovich Tejtjel'// Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ya. Sbornik statej, publikacij, memuarov i ehsse. Vol. 1. 1919–1939 gg. Sostavitel': Mihail Parhomovskij. Ierusalim, 1992. Pp. 465–475.
- Parfenov L. Vzglyad moj russkij. URL: Jewish.ru/Global'nyj-evrejskij-tsentru.webarchive.
- Parhomovskij M. Evrei v kul'ture russkogo zarubezh'ya. T. 1 – 5. Ierusalim, 1992 – 1996. Sm. takzhe podrobnoe opisanie sodержaniya kazhdogo toma: Russkoe evreystvo v Zarubezh'e v kontekste evropejskoj kul'tury. URL: http://www.rusemigration.ru/berega/01/b_page_05.htm#_edn9
- Rybakov S.E. K voprosu ob etnicheskom fenomene. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i social'nye peremeny», 2012. No. 2. Pp. 147– 156.
- Solzhenicyn A. I. Dvesti let vmeste (1795 – 1995). Part I. «Issledovaniya novejshej russkoj istorii». Moscow: «Russkij put'», 2001. Pp. 147–148.
- Suslov Mihail. «Russkij mir»: politika Rossii v otnoshenii sootchestvennikov za rubezhom» / Notes de l'Ifri/ No 103/ Russie. Nei. Visions. 2017. URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/souslov_monde_russe_2017_ru.pdf
- Teitel Jacob. Aus meiner Lebensarbeit. Erinnerungen eines jüdischen Richters im alten Rußland. Mit einem Vorwort von Simon Dubnow und einer Charakteristik von Maxim Gorki. Deutsch von Elias Hurwicz. Neu herausgegeben mit einem Essay und Anmerkungen von Ludger Heid.

- Einleitung von Hermann Simon. (Jüdische Memoiren. Hrsg. von Hermann Simon. Bd. 2.). Verlag Hentrich & Hentrich, Teetz 1999.
- Timofeev M.YU. Psevdosovetskiĭ obshchepit kak imperiya znakov: sistemno-semioticheskiĭ analiz, chast' 1. Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnykh issledovaniĭ, 2012. No.4. Pp. 39–51.
- Vajl' P., Genis A. 60-e. Mir sovetskogo cheloveka. Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. P. 81.
- YA. Teitel'. Iz moej zhizni. Za sorok let. Iz-vo YA.Povolotskij i Ko. Berlin; Paris, 1925.
- YA.L.Teitel': YUbilejnyj sbornik 1851 – 1931. Dokumenty, privetstviya, pis'ma k 80-letiyu. Paris; Berlin, 1931.
- Akopova Mariya. «Russkie evrei»: fil'm Parfenova stoit smotret'. URL: <http://anglia.com/2017/05/31/russie-evrei-parfenova/smotret/stoit/>
- Arkhangel'skij Andrej. O fil'me Leonida Parfenova «Russkie evrei». – Dlya zhurnala «Delovoj Peterburg», 2017. Sm. URL: http://parfenovonline.ru/995_andrej-arxangelskij-o-filme-russkie-evrei/

Burlina E. Ya. Cross-cultural Aspects of ethnological Transformations.

The article raises the question of the impact of artistic and media products (film, historical and cultural journalism, etc.) on the ethnological transformation in Russia, as well as in the Russian-speaking Diaspora. First consider the artifact: the film is L.G. Parfenov, «Russian Jews» and the attendant discussion of 2016 and 2017 Second: a biography of J.L. Tateitel in the Anthology «Jews in provincial Russia», Samara, 1992, and its modern international resonances. The author's conclusions: the selected artifacts confirm the dynamics of ethnic ideas about «one's own» and «others» in the space of the Russian language and culture. The existence of similar artistic and cultural content in Russia and in the Russian-speaking Diaspora raises a number of new and relevant interdisciplinary research problems.

Key words: *intercultural aspects of ethnology and anthropology, the film “Russian Jews” by Leonid Parfenov, the Samara almanac “The Jews of the Provincial Russia”, the Russian diasporas, the space of language and culture, the transdisciplinary notions of “one's own” and “another's”.*

СУЛТАНСКИЕ ХОЗЯЙСТВА В ЛБИЩЕНСКОМ УЕЗДЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Целью данной статьи является показать, на примере нескольких групп Лбищенского уезда Уральской области, хозяйственное положение султанов по кадастровому источнику «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого региона» в 1912 года.

В статье автор рассматривает группы возглавляемые султанами, количество населения, в них, в том числе, сколько из них мужчин, женщин, детей и людей старшего возраста; количество хозяйств и наличный у них скот, виды скота; количество скота, приходящееся на одного условно-работающего кочевника; количество посаженного и собранного урожая проса; промыслы; батрачество и т.д. Автор на основе статистических данных и исторических источников показывает роль земледелия в кочевом обществе.

Ключевые слова: кочевники, султаны, скотоводство, земледелие, сенокосение, батрачество, промыслы.

Султаны, наряду с *кожа, торе*, были составной частью степной элиты и относили себя к потомкам Чингисхана (Левшин 1832: 63, Мейер 1865: 95, Зиманов 2009: 189–190, 193). До начала XIX века султаны имели реальную силу и влияние в степи. Однако, начиная с 20-х годов того же века, после отмены ханской власти, они начали постепенно терять свое влияние в степи (Зиманов 2009: 195). В 1869 году благодаря «Степному положению» султаны окончательно теряют все свои привилегии, и переходят в разряд простых граждан (Румянцев 1910: 34, 55–56). Часть султанов вошла в состав богатых кочевников, остальная же часть, обеднев, влилась в основную массу населения и кочевала на общинных землях (Мейер 1865: 95, Румянцев 1910: 57, Шахматов 1964: 72).

Используя кадастровый источник «Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией по Тургайско-Уральскому переселенческому региону, Лбищенский уезд» 1914 года выпуска (далее МКЗ), мы хотим показать социально-экономическое положение султанов исследуемого уезда в начале XX века.

Изучение социально-экономического положения султанов в казахском обществе конца XIX – начала XX века является интересным в плане их материального обеспечения в кочевом обществе.

Методика, по которой мы рассчитали экономическую составляющую кочевого общества, была взята на «вооружение» у Н.Э. Масанова и Н.Ф. Каняшина. Для наглядности наши подсчеты были оформлены в виде таблиц.

Каппасов Марат Максutowич – учитель истории. Западно-Казахстанская область, Теректинский район, поселок Богдановка. Эл. почта: kap_marat@mail.ru.

Для исследования мы взяли восемь хозяйственных групп под руководством султанов Лбищенского уезда начала XX века. Эти группы возглавляли следующие султаны: Альмагамбетов, Сегзенев, Кубжанов, Абиьлкасымов, Турдалин, Дюйсин, Умбетов, Балтабаев. Изучение каждой группы начиналось с вычисления количества людей и скота, что давало нам возможность определить сколько скота приходилось на одного человека, и для полноты картины рассматривался вопрос земледелия. Количество людей уходивших в батраки и занимавшихся промыслами, являлось дополнительной информацией для определения социальной позиции каждой группы.

Первой начнем рассматривать группу Султана Альмагамбетова. Группа входила в аул № X и находилась в Карасуйской волости. Она состояла из 14 семей и в ней насчитывалось 57 мужчин и 42 женщин различного возраста – всего 99 человек. Скота в группе 504 голов или в пересчете на овец 1014 голов. В рыночных ценах одна овца или коза обходилась по 5-6 рублей, Бык взрослый от 40 до 50 рублей, годовалый бык от 25 до 45 рублей, корова взрослая от 25 до 35 рублей, годовалая корова от 13 до 20 рублей, Верблюд взрослый от 57 до 80 рублей в ценах 1914 года (МКЗ, Таблицы: 11–12). На первом месте в структуре скота были овцы и козы – 60%, на втором месте – крупный рогатый скот (29%). Далее следовали лошади и верблюды. Наличие большого количества КРС говорит о полукочевой направленности группы. Этому есть подтверждение в источнике, где говорится о том, что летовки располагаются недалеко от зимовок. Помимо скотоводства, группа занималась посадкой зерновых в количестве 35 десятин проса, других зерновых группа не сеяла (МКЗ: 58–61). Используя методику, когда двое неработающих приравниваются к одному работающему (в возрасте от 14 до 60 лет) без половой принадлежности (Каняшин 2010: 128), в группе приходилось 14,08 овцы на человека. В кочевой среде на одного человека в год для полуголодного существования приходилось 30 овец в год (Толыбеков 1971: 577, Масанов 1995: 202–208). В группе насчитывалось 99 человек или 72 условно-работающих. Далее по предложенной методике мы разделим весь скот, переведенный в овец, на количество условно-работающих и получим количество овец, приходящих, на одного условно-работающего в группе в год (табл. 1).

Таблица 1

Фамилия султана	Количество условно-работающих в группе	Количество овец в группе, в переводе со всего скота.	Количество овец на одного условно работающего в группе
Альмагамбетов	72	1 014	14,08

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 58–59. Подсчеты наши.

Как видно из таблицы, группа султана Альмагамбетова фактически, используя современную терминологию, относились к бедным. Однако здесь мы не подсчитали урожай проса. В исследуемом уезде на первом месте по количеству посаженных зерновых было просо. Урожаи пшеницы же были малы. По мнению Кауфмана, хлеб в Лбищенском уезде, наряду с Темирским уездом являлся не необходимой пищей, а своего рода лакомством (Кауфман 1903: 16–17). Урожайность проса на территории

Казахстана в начале XX века варьировала от 30 до 300 пудов с десятины и более (Бларамберг 1848: 103, Добросмыслов 1893: 353, Шахматов 1964: 125, 204, Нургалиев 1995: 142). Правда, были годы, когда кочевники не собирали и посаженных семян. Мы возьмем 50 пудов урожая проса с одной десятины земли как среднюю цифру при наших подсчетах. В группе султана собиралось урожая проса 1750 пудов или в пересчете на одного условно-работающего 24,3 пуда (табл. 2).

Таблица 2

Фамилия султана	Количество засеянной просом земли (в десятинах)	Средний урожай с десятины (в пудах)	Собранно урожайная проса в одном ауле (в пудах)	Количество условно- работающих в ауле	Урожай проса на одного условно- работающего (в пудах)
Альмагамбетов	35	50	1 750	72	24,3

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 56–61. Подсчеты наши.

Кочевники меняли мешок проса весом 5-6 пудов на одну овцу (Бларамберг 1848:103). Далее 24,3 пуда урожая проса мы разделим на цифру 5 и получим цифру 4,86 овец на одно условно-работающего человека в группе.

В итоге к 14,08 овцам прибавляем 4,86, полученные после перевода урожая проса на овец, и получим 18,94. Таким образом, в итоге на одного условно-работающего в группе султана приходилось по 18,94 овец (табл. 3).

Таблица 3

Фамилия султана	№ аула.	Количество овец на одного условно-работающего, в переводе со всего скота.	Количество овец в переводе с урожая проса.	Общее количество овец, приходившихся в год на одного условно- работающего.
Альмагамбетов	X	14,08	4,86	18,94

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 56–61. Подсчеты наши.

В общем, в группе султана Альмагамбетова на одного условно-работающего приходилось 18,94 овец. Таким образом, группа султана Альмагамбетова относилась к группе, которая относилась к бедным. Ввиду этого 8 мужчин из 24 были заняты различными промыслами [различные ремесла в группе], 3 хозяйства из 14 отпускали своих членов в батраки.

Хозяйственная группа косила 1655 сена копен, из них 350 покупали (или 21%) [у других хозяйств]. 1 копна весила 5 пудов (*Кауфман* 1896: 104–105) или 80 кг. 1655 умножим на 80 кг и получаем 132 тонны 400 кг, т.е группа косила и собирала 132 тонны 400 кг сена. КРС и верблюд в день потребляет 12 кг сена, лошадь 20 кг, овцы и козы по 1,5 кг. (*Масанов* 1995: 67, *Шахматов* 1964: 167, *Добросмыслов* 1893: 181). Телятам, верблюжата и жеребят в день нужно по 3-4 фунта сена (*Добросмыслов* 1893: 181). В месяц группе только для КРС уходило 37 тонн 800 кг сена, а значит, сена хватало только для КРС на 3,5 месяца (например, с конца ноября по начало марта). Однако мы не подсчитали количество сена, необходимое для телят, жеребят и верблюжат. А значит, группа тратила на корм для КРС меньше чем 12 кг сена в день. Остальному скоту, в частности верблюдам, лошадям и овцам с козами, сена не оставалось и они, скорее всего, пользовались подножным кормом. Но в снежные зимы и гололедицу сена не было или же весь скот, включая КРС, сена получал только в крайнем случае как подкормку, а остальное время он находился на подножном корму. Значит, без покупки сена группе было бы тяжело в зимний период.

Второй мы рассмотрим группу возглавляемой султаном Сегзековым. Группа входила в аул № I Каракульской волости. В группе числилось 73 человека обоего пола или 57,5 условно-работающих. Скота имелось в общем 944 головы, или в перерасчете на овец 1524 головы. Овец и коз в группе было 78%, далее идут КРС – 11%, лошади – 6,5% и верблюды – 4,8%. Наличие на втором месте КРС говорит о том, что группа имела полукошевую направленность (МКЗ: 122–125). Разделив овец на условно-работающих человек, мы получим 26,5 голов (табл. 4).

Таблица 4

Фамилия султана	Количество условно-работающих в группе	Количество овец в группе, в переводе со всего скота	Количество овец на одного условно работающего в группе
Сегзеков	57,5	1 524	26,5

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 124–125. Подсчеты наши.

Судя по таблице 4, группа султана Сегзекова относилась к бедным. Здесь мы могли бы подсчитать еще и урожай зерновых, но из 8 исследуемых групп, хозяйственная группа султана Сегзекова единственная, которая не сеяла зерновых. Итого на одного условно-работающего в группе приходилось по 26,5 овец (табл. 5).

Таблица 5

Фамилия султана	№ аула	Количество овец на одного условно-работающего, в переводе со всего скота	Количество овец в переводе с урожая проса	Общее количество овец, приходившихся в год на одного условно-работающего
Сегзеков	I	26,5	–	26,5

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 122–127. Подсчеты наши.

Таким образом, группа султана относилась к бедным. Вследствие этого 6 мужчин из 22 занимались промыслами. В группе 2 хозяйства из 13 отпускали людей в батраки.

Сена группа косила 2205 копен из них 1515 покупали (или 68,7%), или 176 тонн 400 кг. КРС и телятам на 5 месяцев уходило 140 тонн сена. Верблюды в количестве 36 голов получали по 12 кг в день, или за 5 месяцев 64 тонны. Значит, норма для КРС и верблюдов была ниже, чем 12 кг в день, а для лошадей, овец с козами сена не оставалось и они, скорее всего, пользовались подножными кормами. Но на случай бескормицы запаса сена не было, что делало группу уязвимой во время возможного джута.

Группа султана Кубжанова входила в аул № III, Сабынкульской волости. В группе насчитывалось 146 человек обоего пола или, 111 условно-работающих. Скота, в общем, имелось 611 голов, или в пересчете в овец 960 голов. Овцы и козы в структуре скота занимали 78,34%, на втором месте стоял КРС – 18%. Лошадей и верблюдов было менее 4%. Количество КРС свидетельствовало о полукочевой направленности группы (МКЗ: 104–107). Разделив количество овец на условно-работающих, мы получим цифру 8,65 (табл. 6).

Таблица 6

Фамилия султана	Количество условно-работающих в группе	Количество овец в группе, в переводе со всего скота	Количество овец на одного условно работающего в группе
Кубжанов	111	960	8,65

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 106–107. Подсчеты наши.

Судя по таблице № 6, группа султана Кубжанова жила за чертой бедности. Учетм посеы зерновых, которые засекали 24 хозяйства в количестве 67 десятин. Группа собирала 30,2 пуда на одного условно-работающего в год (табл. 7).

Таблица 7

Фамилия султана	Количество засеянной просом земли (в десятинах)	Средний урожай с десятины (в пудах)	Собранно урожай проса в одном ауле (в пудах)	Количество условно-работающих в ауле	Урожай проса на одного условно-работающего (в пудах)
Кубжанов	67	50	3 350	111	30,2

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 106–1209. Подсчеты наши.

Далее 30,2 пуда мы разделим на 5 и получим 6,04 овцы на одного условно- работающего в год с урожая проса (табл. 8).

Таблица 8

Фамилия султана	№ аула	Количество овец на одного условно-работающего, в переводе со всего скота	Количество овец в переводе с урожая проса	Общее количество овец, приходившихся в год на одного условно-работающего
Кубжанов	III	8,65	6,04	14,69

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 106–109. Подсчеты наши.

Просмотрев таблицу 8 и подсчитав овец в переводе со всего скота и урожая проса, можно сказать, что группа султана Кубжанова относилась к бедным. Вследствие этого 42 мужчин из 46 занимались промыслами. А 9 хозяйств из 33 отпускали людей в батраки.

Косила группа султана Кубжанова 2907 копен сена, из них 200 покупали [у других хозяйств] (около 7%), то есть 237 тонн 600 кг сена. КРС и телят на 6 месяцев уходило 155 тонн сена. Верблюды в количестве 6 голов получали по 12 кг в день, или за 6 месяцев 13 тонн. Для подкормки на случай буранов и гололедицы оставалось 69 тонн сена. Небольшой, но все же запас. Это делало группу более или менее независимой от природных катаклизмов.

Четвертая группа – султана Умбетова – входила в аул № XI Челкарской волости. В группе насчитывалось 77 человек обоего пола, или 57,5 условно-работающих. Скота имелось 154 головы, или в пересчете в баранов 342 головы. Количество КРС в группе превышало 30%, а значит, группа имела полукочевую направленность. На это указывает и дальность кочевков. Летовки располагались в 7 километрах от зимовок (МКЗ: 32). Разделив количество овец на количество условно-работающих, мы получим цифру 5,95 (табл. 9).

Таблица 9

Фамилия султана	Количество условно-работающих в группе	Количество овец в группе, в переводе со всего скота	Количество овец на одного условно работающего в группе
Умбетов	57,5	342	5,95

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 34–35. Подсчеты наши.

Судя по таблице 9, группа жила за чертой бедности. Так же группа сеяла 14 десятин проса. Других зерновых группа не засекала. Таким образом, группа собирала 700 пудов или 12,17 пудов на одного условно-работающего (табл. 10).

Таблица 10

Фамилия султана	Количество засеянной просом земли (в десятинах)	Средний урожай с десятины (в пудах)	Собранно урожай проса в одном ауле (в пудах)	Количество условно- работающих в ауле	Урожай проса на одного условно-работающего (в пудах)
Умбетов	14	50	700	57,5	12,17

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 34-37. Подсчеты наши.

Урожай проса на одного условно-работающего в количестве 12,17 пудов делим на 5 и получим 2,43 овец на одного условно-работающего (табл. 11).

Таблица 11

Фамилия султана	№ аула	Количество овец на одного условно-рабо- тающего, в переводе со всего скота	Количество овец в перевод с урожая проса	Общее количество овец, приходившихся в год на одного одного условно- работающего
Умбетов	XI	5,95	2,43	8,38

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 34-37. Подсчеты наши.

Судя по нашим подсчетам, группа султана Умбетова, жила за чертой бедности, граничавшей с нищетой, вследствие чего 8 семей из 13 занимались промыслами, а 5 хозяйств из 12 были вынуждены отпускать людей в батраки.

Аул султана Умбетова со своей группой косил 1680 копен сена, или 132 тонны сена, ничего не покупал. На КРС и телят на шесть месяцев уходило 58 тонн 320 кг. сена. Овцы в количестве 95 голов получали по 1,5 кг сена в день и на протяжении шести месяцев съедали 25 тонн 650 кг сена. Лошади и жеребята подкармливались и кормились по 5 и 1,5 кг на день соответственно. Выходило 18 тонн 900 кг на лошадь для подкормки на 6 месяцев. Но это с учетом того, что лошади находятся на тебеневке¹. Для жеребят 10 тонн 800 кг на шесть месяцев. Остаток составлял 18 тонн сена. Группа была обеспечена сеном, но в случаях длинных снежных зим или гололедицы хозяйства группы могли испытывать проблемы с кормами для скота.

Группа султана Дюйсина входила в состав IX аула Кураильской волости. В группе числилось 123 человека, или 93 условно-работающих. Скота было 559 голов, или в переводе в овец 1020 голов. Из всего скота 69,23% составляли овцы и козы и 17,35% КРС. Коровы находились на втором месте, что говорит о полукочевой направленности группы. На это указывает информация о том, что зимовки находились недалеко от летовок (МКЗ: 44-47). Высевалось 52 десятины проса. Разделив по вышеуказанной методике овец на условно-работающих человек, мы получим 11 голов (табл. 12).

Таблица 12

Фамилия султана	Количество условно-работающих в группе	Количество овец в группе, в переводе со всего скота	Количество овец на одного условно работающего в группе
Дюйсин	93	1020	11

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 46-47. Подсчеты наши.

Судя по количеству овец на одного условно-работающего, группа относилась к бедным. Если подсчитать урожай проса, то группа собирала 2600 пудов проса. Соответственно на каждого условно работающего в группе приходилось по 27,95 пудов (табл. 13).

Таблица 13

Фамилия султана	Количество засеянной просом земли (в десятинах)	Средний урожай с десятины (в пудах)	Собранно урожая проса в одном ауле (в пудах)	Количество условно-работающих в ауле	Урожай проса на одного условно-работающего (в пудах)
Дюйсин	52	50	2 600	93	27,95

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 46-49. Подсчеты наши.

27,95 пудов проса мы переводим в овец и получаем 5,59 голов на одного условно-работающего в группе (табл. 14).

Таблица № 14

Фамилия султана	№ аула	Количество овец на одного условно-работающего, в переводе со всего скота	Количество овец в переводе с урожая проса	Общее количество овец, приходившихся в год на одного условно-работающего
Дюйсин	IX	11	5,59	16,59

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 46-49. Подсчеты наши.

После подсчета всех данных мы пришли к выводу, что группа султана Умбетова относилась к бедным. Поэтому 23 из 39 мужчин занимались различными промыслами, и 13 хозяйств из 20 отпускали людей в батраки.

170 копен сена хозяйственная группа заготавливала на зиму, из них 64 копны (или 37,6%) покупала, т.е. косила и покупала 13 тонн и 600 кг сена. Сена хватало для КРС

и телят всего лишь на один месяц, а значит, сеном кормили скот только в крайнем случае, в том числе и КРС, и телят. Лошадям, овцам, козам и верблюдам оставалось обходиться подножным кормом. Значит, группа была очень плохо обеспечена кормами.

Шестая группа под руководством султана Абиьлкасимова входила в VIII аул Булдуртинской волости. В группе числилось 166 человек, или 123,5 условно-работающих. Скота всего было 1999 или в переводе в овец 3114 голов. Овцы и козы в структуре скота занимали 79%, КРС – 11,85%, лошади – 8,5% и верблюды – 0,4% (МКЗ: 89). Высевали 27 десятин проса (Там же: 91). Судя по малому количеству КРС, группа имела кочевую направленность. Но интересный факт, летовки располагались у зимовок, покосов, пашен, в 3–14 верстах (Там же: 87). Разделив овец по вышеуказанной методике на условно-работающих человек, мы получим 25,21 овец (табл. 15).

Таблица 15

Фамилия султана	Количество условно-работающих в группе	Количество овец в группе, в переводе со всего скота	Количество овец на одного условно работающего в группе
Абиьлкасимов	123,5	3114	25,21

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 88-89. Подсчеты наши.

Без учета урожая проса группа султана Абиьлкасимова относилась к бедной категории кочевников. После подсчетов урожая проса с 27 десятин, по вышеуказанной методике, мы получим 10,93 овец на одного условно-работающего в группе (табл. 16).

Таблица 16

Фамилия султана	Количество засеянной просом земли (в десятинах)	Средний урожай с десятины (в пудах)	Собранно урожай проса в одном ауле (в пудах)	Количество условно-работающих в ауле	Урожай проса на одного условно-работающего (в пудах)
Абиьлкасимов	27	50	1350	123,5	10,93

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 88-91. Подсчеты наши.

Прибавив 25,21 овец (переведенных со всего скота) и 10,93 овец (переведенных с урожая проса), мы получим 36,14 овец (табл. 16).

Таблица 17

Фамилия султана	№ аула	Количество овец на одного условно-работающего, в переводе со всего скота	Количество овец в переводе с урожая проса	Общее количество овец, приходившихся в год на одного условно-работающего
Абилькасимов	VIII	25,21	10,93	36,14

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 88-91. Подсчеты наши.

Судя по таблице № 17, группа султана Абилькасимова относилась к той части кочевников, которую можно назвать среднеобеспеченной. И все же 8 из 27 хозяйств отправляли людей в батраки, и 25 мужчин из 44 занимались промыслами.

Сена группой заготавливалось 519 копен, из них покупали, в других хозяйствах 264 или (более 50%), то есть 41 тонн 520 кг сена. Такого количества сена не хватало на зиму, поэтому весь скот кормился подножным кормом и только в крайнем случае подкармливался заготовленным сеном.

Следующая группа, возглавляемая султаном Балтабаевым, входила в аул № VI Джубанышкульской волости. В группе числилось 48 человек, или 37,5 условно-работающих. Скота было 230 голов, или в переводе в овец 486 голов. Овцы и козы в структуре стада занимали первое место – 52,18%, КРС – 32,17%, лошади – 14,35% и верблюды – 1,3% (МКЗ: 5). Летовки в группе располагались у пашен, покосов и реки Токсанбая (Там же: 3). Судя по большому количеству КРС, группа имела полукочевую направленность. Разделив овец по вышеуказанной методике на условно-работающих человек, мы получим 12,96 овец на человека (табл. 18).

Таблице 18

Фамилия султана	Количество условно-работающих в группе	Количество овец в группе, в переводе со всего скота	Количество овец на одного условно работающего в группе
Балтабаев	37,5	486	12,96

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 10-11. Подсчеты наши.

После подсчетов урожая проса с 4 десятин по вышеуказанной методике мы получим 1,06 овец на одного условно-работающего в группе (табл. 19).

Таблица 19

Фамилия султана	Количество засеянной просом земли (в десятинах)	Средний урожай с десятины (в пудах)	Собранно урожая проса в одном ауле (в пудах)	Количество условно-работающих в ауле	Урожай проса на одного условно-работающего (в пудах)
Балтабаев	4	50	200	37,5	5,3

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 10-13. Подсчеты наши.

Далее мы прибавляем 12,96 овец (переведенных со всего скота) и 5,3 овец (переведенных с урожая проса) и получим 18,26 овец (табл. 20).

Таблица 20

Фамилия султана	№ аула	Количество овец на одного условно-работающего, в переводе со всего скота	Количество овец в переводе с урожая проса	Общее количество овец, приходившихся в год на одного условно-работающего
Балтабаев	VI	12,96	5,3	18,26

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 10-13. Подсчеты наши.

Судя по таблице № 20, группа султана Балтабаева относилась к бедным, и вследствие этого 4 хозяйства из 4 отпускали людей в батраки, 15 из 16 мужчин занимались промыслами.

Из 811 копен сена (64 тонн 880 кг) группа покупала 250 копен (или более 30%). Как и другие хозяйства, группа султана Балтабаева кормила весь скот подножным кормом и только в крайнем случае подкармливала заготовленным сеном.

Наконец, исследуем группу султана Турдалина. Группа входила в IV аул Уйрекульской волости. В группе числилось 30 человек, или 22 условно-работающих. Скота было 282 голов, или в переводе в овец 486 голов. Овцы и козы в структуре стада занимали первое место – 73%, КРС занимал второе место – 23%. Остальные же, т.е. лошади и верблюды – 4% (МКЗ: 17). Летовки в группе располагались у зимовок, пашен, Ащи-сая, Жангиз-агача [Соленое озеро, Одинокое дерево] в 45-50 км. (Там же: 15). Судя по большому количеству КРС, группа имела полукочевую направленность. Разделив овец по вышеуказанной методике на условно-работающих человек, мы получим 22,09 овцы на человека (табл. 21).

Таблица 21

Фамилия султана	Количество условно-работающих в группе	Количество овец в группе, в переводе со всего скота	Количество овец на одного условно работающего в группе
Турдалин	22	486	22,09

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 16-17. Подсчеты наши.

После подсчетов урожая проса с 48 десятин мы получим 21,8 овцы на одного условно-работающего в группе (табл. 22).

Таблица 22

Фамилия султана	Количество засеянной просом земли (в десятинах)	Средний урожай с десятины (в пудах)	Собранно урожая проса в одном ауле (в пудах)	Количество условно-работающих в ауле	Урожай проса на одного условно-работающего (в пудах)
Турдалин	48	50	2 400	22	21,8

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 16-19. Подсчеты наши.

Далее мы прибавляем 22 овцы (переведенных со всего скота) и 21,8 овцу (переведенных с урожая проса) и получим 43,8 овцы (табл. 23).

Таблица 23

Фамилия султана	№ аула	Количество овец на одного условно-работающего, в переводе со всего скота	Количество овец в переводе с урожая проса	Общее количество овец, приходившихся в год на одного условно-работающего
Турдалин	IV	22	21,8	43,8

МКЗ, Лбищенский уезд. Поаульная таблица. 1914: 16-19. Подсчеты наши.

Судя по таблице, группа султана относилась к зажиточным кочевникам. Лишь одно хозяйство из 13 опускало людей в батраки, и 8 мужчин из 10 занимались промыслами. Так группа была обеспечена пропитанием, практически не имела смысла отправлять людей в батраки. Однако промыслами² занимались почти все мужчины, это говорит о том, что промыслами занимались многие кочевники, независимо от материального положения.

Из 945 копен сена, заготовленного на зиму, группа покупала 500 (или около 53%), то есть 75 тонн 600 кг. Для КРС на 3 месяца уходило около 52 тонны сена. Телятам, верблюжатам и жеребьятам уходило более 12 тонн сена. Лошадям, овцам, козам и верблюдам для подкормки оставалось более 10 тонн сена, или же эти 10 тонн отдавали КРС, а остальной скот тебеновал. Есть ли считать по минимуму, то группа султана Турдалина была обеспечена сеном. Но при снежных зимах и гололедице скот в группе, скорее всего бы голодал.

После рассмотрения всех групп, возглавляемых султанами, мы пришли к следующим выводам: в начале XX века существовала резкая имущественная дифференциация среди султанов: из исследованных восьми хозяйственных групп одна жила за чертой бедности, пять относилась к бедной части, одна среднеобеспеченной, и лишь одна была зажиточной (группа Турдалина); промыслами занимались большинство хозяйств, независимо от материального благосостояния; каждая третья группа отправляла людей батрачить (из 136 хозяйств в 8 группах 45 хозяйств, или 33%).

Из 10 892 копен сена заготовленного на зиму, куплено было 3143 копны, или 29%. И даже этого количества сена не хватало на зиму. Как показали наши подсчеты, лошади, овцы и козы почти всегда тебеновали. Сена не хватало и нетебенующемуся скоту. Возможно, коровы также отправлялись в хорошую погоду в степь, либо норма, требующаяся им на один день, сильно уменьшалась. Скорее всего, у кочевников не хватало сенокосных угодий. В ходе исследования было замечено, что три группы имели небольшой запас сена, и их скот питался по минимуму. Пяти хозяйственным группам заготовленного сена не хватало.

Таким образом, кадастровый источник «Материалы по киргизскому землепользованию...» хранит много информации о кочевниках начала XX века на территории Казахстана. Мы затронули лишь вершину айсберга, рассмотрев некоторые группы султанов в одном уезде.

Обобщенные данные по обследованным группам сведены в таблице 24.

Таблица 24

По количеству условно-работающих, общего количества овец и овец на одного условно-работающего в каждой из групп

Фамилии султанов	Количество условно-работающих в группе	Количество овец в группе, в переводе со всего скота	Количество овец на одного условно работающего в группе
Альмагамбетов	72	1 014	14,08
Сегзеков	57,5	1 524	26,5
Кубжанов	111	960	8,65
Умбетов	57,5	342	5,95
Дюйсин	93	1020	11
Абилькасимов	123,5	3 114	25,21
Балтабаев	37,5	486	12,96
Турдалин	22	486	22,09

Возможно, изучение других социальных групп и аулов потребует огромных усилий. Мы же попытались в своей работе расшифровать таблицы, так сказать «очеловечить» их, показать, как в реальности жили султаны Лбищенского уезда Уральской области начала XX века.

Примечания

¹ Тебеневка – зимняя пастьба, самостоятельная добыча лошадьми и овцами корма из-под снега.

² К промыслам кочевников можно отнести, народные промыслы, ремесла, собирательство, охота и рыболовство

Источники и литература

- Бларамберг* 1848 – Военно-статистическое обозрение. Земли Киргиз-Кайсаков Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) Орды, Оренбургского ведомства. Т. XIV. Ч. 3, 1848.
- Букейханов* 1995 – *Букейханов А.* Казаки Адаевского уезда. Избранное / гл.ред. Р. Нургалиев. Алматы: «Казахская энциклопедия», 1995. С. 142.
- Добросмыслов* 1893 – *Добросмыслов А.И.* Скотоводство Тургайской области. Оренбург. 1893.
- Зиманов* 2009 – *Зиманов С.* Общественный строй казахов первой половины XIX века и Букеевское ханство. Алматы, 2009.
- Каняшин* 2009 – *Каняшин Ф.Н.* Зимние кочевья казахов в окрестностях Кызылтавских гор во второй половине XIX века: (о методических вопросах исследования кадастровых источников Центрального Казахстана) / Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. (Научные чтения памяти Н.Э. Масанова) // ред. колл.: И.В. Ерофеева, Б.Т. Жанаев, Л.Е. Масанова. Алматы, 2009. С. 129–145.
- Кауфман* 1903 – *Кауфман А.А.* К вопросу о колонизации Уральской области. СПб., 1903.
- Левшин* 1832 – *Левшин А. И.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. II. СПб., 1832.
- Масанов* 1995 – *Масанов Н.Э.* Кочевая цивилизация казахов. М.; Алматы, 1995.
- Мейер* 1865 – *Мейер Л.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицера-

- ми генерального штаба. Киргизская степь, Оренбургского ведомства. СПб., 1865.
- МКЗ – Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные статистической партией Тургайско-Уральского переселенческого района. Лбищенский уезд. Оренбург, 1914.
- Румянцев 1910 – Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. СПб, 1910.
- Толыбеков 1971 – Толыбеков С.Е. Кочевое общество казахов в XVII-начале XX века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.
- Шахматов 1964 – Шахматов В.Ф. Казахская пастбищно-кочевая община. Алма-Ата, 1964.

References

- Blaramberg*. Voenno-statisticheskoe obozrenie. Zemli Kirgiz-Kaisakov Vnutrennei (Bukeevskoi) i Zaural'skoi (Maloi) Ordy, Orenburgskogo vedomstva. Tom XIV. Part 3, 1848.
- Bukeikhanov A.* Kazaki Adaevskogo uyezda. Kazakhskaiia entsiklopediia. Nurgaliev R. (ed.) Almaty 1995. Pp. 142.
- Dobrosmyslov A.I.* Skotovodstvo Turgaiskoi oblasti. Orenburg, 1893.
- Kaniashin F.N.* Zimnie kochevia kazakhov v okrestnostiakh Kyzyl'tavskikh gor vo vtoroi polovine XIX veka: (o metodicheskikh voprosakh issledovaniia kadastrykh istochnikov Tsentral'nogo Kazakhstana) / Rol' nomadov v formirovanii kul'turnogo nasledii Kazakhstana (Nauchnye chteniia pamiati Masanova N.E.). Erofeeva I.V, Zhanaev B.T. and Masanova L.E (eds.). Almaty, 2009. Pp. 128–145.
- Kaufman A.A.* K voprosu o kolonizatsii Ural'skoi oblasti. Saint-Petersburg, 1903.
- Levshin A. I.* Opisanie kirgiz-kaisatskikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei. Part II. Saint-Petersburg, 1832.
- Masanov N.E.* Kochevaia tsivilizatsiia kazakhov. Moscow; Almaty, 1995.
- Materialy po kirgizskomu zemlepol'zovaniiu, sobrannye i razrabotannye statisticheskoi partiei Turgaisko-Ural'skogo pereselencheskogo raiona. Lbishchenskii uезд. Orenburg. 1914.
- Meier L.* Materialy dlia geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami general'nogo shtaba. Kirgizskaia step', Orenburgskogo vedomstva. Saint-Petersburg, 1865.
- Rumiantsev P.P.* Kirgizskii narod v proshlom i nastoiashchem. Saint-Petersburg, 1910.
- Shakhmatov V.F.* Kazakhskaiia pastbishchno-kochevaia obshchina. Alma-Ata, 1964.
- Tolybekov S.E.* Kochevoe obshchestvo kazakhov v XVII – nachale XX veka. Politiko-ekonomicheskii analiz. Alma-Ata, 1971.
- Zimanov S.* Obshchestvennyi stroi kazakhov pervoi poloviny XIX veka i Bukeevskoe khanstvo. Alma-Ata, 2009.

M.M. Kappasov Sultan economics in the Lbishchensky District of the Ural Region at the beginning of the XX century

The purpose of this article is to show, on the example of several groups of the Lubishchensk district, the economic situation of sultans in the cadastral source "Materials on Kyrgyz land use collected and developed by the statistical party of the Turgal-Urals resettlement region" in 1912. In the article the author considers the groups headed by the sultans, the number of the population, including, in them, how many of them are men, women, children and older people; the number of farms and the cash they hold, livestock; the number of cattle per one nomadic nomad; amount of planted and harvested millet crop; crafts; farm labor, etc. The article based on statistical data and historical sources, shows the role of agriculture in a nomadic society.

Key words: *Nomads, Chingizids, cattle breeding, agriculture, haymaking, farm labor, crafts.*

DONKEYS IN LOVE ON THE ROOF: A CASE STUDY OF A “STRANGE” CUSTOM IN A GREEK ISLAND COMMUNITY

The donkey is one of the international symbols of fertility. In the Greek case, in particular, this symbolic quality (along with others) has been attributed to it since the mythological years and has remained with it, as shown in this study, until nowadays. The case studied herein is a “strange” custom of the 1st of May that is performed only in the village of Kynidaros in Naxos, Cyclades, Greece. That day donkeys are lifted up the roofs of the houses of the village to provoke – in a magical way – fertility for the humans and the earth. The study presents the folk interpretations of the custom as evidence of a forgotten early meaning of it and its symbolisms. The folklore interpretation of the custom is also provided and its function today is investigated as it is organized solely by the members of the local cultural community. Finally, the variations that occurred through time to the cultural representation of the animal in the Greek world as imposed by the hegemonic discourses of the ancient Greek literature and the Christian religion are presented in brief.

Keywords: Donkey, Dionysus, Priapus, fertility, roof, 1st of May, Naxos, Kynidaros.

The context of the study: A short Anthropogeography of the Naxian village Kynidaros

This work deals with a rather unusual custom, namely, the lifting up of donkeys on the roofs of the houses on the 1st of May. This custom takes place in a village (Kynidaros) in the island of Naxos (Cyclades, Greece). The article, first, presents the context of the custom and the ritual of its performance along with the animal's representations in the Greek literature and Greek Orthodoxy. Then, it proceeds to interpret it from a folklore perspective and discuss its current function in the community, mentioned above.

The village Kynidaros, which is the place where the custom under discussion in this study takes place, is located at a 14-kilometres-distance east of Chora, the capital of the Naxos Island, in Greek Cyclades. Its inhabitants managed, with equal determinism, to capitalize on the mountainous and mainly infertile area imposed all around them by diachronically creating small tillable slices of ground in the gorges, making them worthy in every possible way. Wherever there was water, gardens were created for cultivation of all sorts of vegetables and fruit. In areas lacking the valuable water, wheat was sown and vines were planted, which consume far lesser quantities of water. It is well known that a piece of land, which becomes a *home place* after its appropriation by people determines

Sergis Manolis G. – Professor in Folklore, Democritus University of Thrace (Greece). E-mail: msergis@otenet.gr.

Сергис Манолис Г. – профессор фольклора Фракийского университета Демокрита (Греция). Эл. почта: msergis@otenet.gr.

their financial and social structure and affects the formation of their character and civilization. In this vein, it is no coincidence that Kynidaros has remained for centuries an agrarian and sheep-raising economy. Agriculture, therefore, and cattle-raising as a complimentary activity have been the main financial sources of the village during the 20th century, while after the 1950's, some of the inhabitants were involved in the extraction of marble (the subsoil of the area is rich in it), a productive activity which has remained a significant source of income until today (Klouvatos 2011: 28). The geomorphology of the area, the short in size tillable ground, the small income, the increasing after the 1960's needs of the family unit forced them to be also involved in construction work or to offer salaried work as seasoned workers in the villages of the plain areas of the island (Sergis 2011). Another noteworthy privilege of the area, but not a determinant one, is its calcareous petrification that allowed the construction of limekilns for the production of the valuable lime.

The ethnic composition of the population has not been scientifically investigated. It is, however, generally believed that the native population has been occasionally enriched by immigrations from Tsakonia of Peloponnese (early 18th century) and from the island of Crete (1770). I studied carefully the local folklore to investigate whether the herein discussed custom existed in these two areas reaching a negative conclusion.

The inhabitants of Kynidaros are connected, more than any other Naxiot, with dance and music and they have created a splendid respective tradition (Spiliakos 2003: 33; Spiliakos 2008). The characterizations *Gypsies* and *Sorrowless* that are ascribed to them as satirizing attributes by the other Naxiots are symbolic representations of their identity, its distinctive elements (Sergis 2005). The former refers to the Gypsies who are the main carriers of music in Greece, while the latter, to a deep sophisticated attitude towards living, the tendency to enjoy life through feasts and joining in common or private fun and entertainment. It refers to an "imaginary society" of happy and constantly enjoying life community. They say in the village that "the small children first learn how to dance and then how to walk" or "*even if only one of them were left alive, he would continue to dance*" (Klouvatos 2011: 66). This, indeed, outstanding *cradle of music and dance* should be interpreted in historical and social terms. The musical and dance tradition in the village has been taught, perpetuated and passed from generation to generation because it had become an integral part of the daily life of the people in a more intense degree than in the other villages of the island of Naxos. These children were initiated to learn the distinctive attributes of their traditions since their very early years, because this was a dominant feature of their cultural identity. Some Naxiots knew how to produce specific products of fine quality (e.g. cheese) and transmit their skills to the children which is a similar process to what happened in Kynidaros with the *tenure* to the spiritual creation, the art of dance, verse, composition and music.

The ritual performance of the custom

The Barbius' legend of a donkey which climbed on the roof of his master's house (a funny carnival-like inversion of the world) and jumped up and down after having envied the grace with which a monkey did a similar 'show' in order to eventually and unfortunately get his master's unpleasant 'reward' or the modern Greek proverb "marjoram at the doorstep, donkey on the tiles" which is said in case of absurd deeds, similar to the Latin *asinus in tegulis*¹, are in a way realized to our days in the afore mentioned Naxiot village if not on a tiled roof, but on an earthen one in older times and a cement one in modern times.

The night before the first of May the *young* of the village (I stress the youth element in terms of age) gather for the customary merry making. Klouvatos, describing the ritual performance of the custom, stresses that at some moment the young gathered secretly with great discretion and method in order to execute the plan of the locating and gathering of the donkeys (Klouvatos 2011: 100). The custom, in order for its goals to be fulfilled “demanded” its protection from the malicious “bad eye”, from the malevolent powers in general that lurked to deter the expected results of the performance of the custom. The secrecy in which the “silent water”, for instance, was carried home or a “secret mass” was performed are respective reinforcing examples (Sergis 1994).

The ritual of hoisting up the donkey should be performed in a strictly specified way for many reasons mainly the safety of the performers but that of the animals as well. The animal was tied from its thorax and belly, was lifted up to the roof where it would stay during the night until the midday of the following day. The picture of a good number of donkeys scattered on the roofs must have been an impressive spectacle in the past! I stress that this custom is a genuinely regular one and not one that was revived the last decades in as much as oral narrations confirm that its performance was never interrupted during the 20th century.

The ritual of getting the animal down from the roof was more difficult in practice. They had to tie the front and gear legs of the animals (to make them harmless), to throw them very cautiously down on the ground of the roof, to carry them to the edge of the roof, to tie them in the similar manner they used when they lifted them up and then their descent down began. This phase demanded great coordination of movement and time, as it is required in similar cases, with the same person, giving the orders and synchronizing the pace (see Fig. 1).

Fig. 1: Young men lifting a donkey on the roof. Accessed at <https://www.zoosos.gr>.

The folk interpretations of the custom

There are two folk interpretations for the custom in the village today. According to the first one, the herbs that grew on the old earthen / mud roofs should be cleaned. It is said therefore that they invented the solution of lifting up the donkeys on the roofs where they remained for a week. In this way, they first provided food for the animals for a week but they simultaneously cleaned the roofs to press them (with particular cylinders) later on to make them as waterproof as possible (*Sergis* 1994: 30).

To the second, the inhabitants of Kynidaros used to visit the neighbouring village Siphones, which is not inhabited anymore but recorded since 1573 (*Katsouros* 1955: 91; *Theophilos* 2004), on their donkeys the following day of the 1st of May (which is the day the local saint was celebrated). The heads of the families escorted their daughters to this exceptionally flamboyant social celebration. To prevent his girlfriend from going with her father to this feast, a young man lifted up their donkey on the roof of their house. The story became known all over the village and henceforth the deed of this young man was established as a custom.

Both interpretations do not sound valid enough to start the custom, to me, despite the fact that nothing should be rejected *a priori* in a scientific discussion of folkloristic phenomena because in many cases they can turn into the creative starting points for a scientific interpretation of the phenomenon under investigation.

The key concepts of the custom

The interpretation attempted in what follows is based on three key terms: *spring* - 1st of May, *roof* and *donkey*. To my view, as will be shown below, these terms with the functional cohesion among them interpret the custom.

1st of May (*Protomagia*, in Greek). The spring used to be a critical phase for the survival of the “traditional” community since it was then that the vegetation resumed and came to life from hibernation. This transition was accompanied, to have a wishful outcome, by a plethora of performative customs and rituals aiming at the expulsion of winter with a fertility worship focus rituals.

The 1st of May, in particular, being the first day of the month, was itself a *passage* day, the culmination of the orgiastic spring (*Frazer* 1991: 254 onwards). The “traditional” societies divided the life of their members in phases and, therefore, ought to solve the various problems that were connected to the *passage* from one phase to the other. To serve this aim, they had enacted a wealth of *rites de passage* (*Gennep* 1909; *Turner* 1967; *Turner* 1974; *Turner* 1977). These are customarily determined, regularly recurring *symbolic*² activities, with a concrete structure and a communal character, which are related to the upgrading in social position or the mental and material condition of the members of the community. They marked the liminal points of the social life (e.g. birth, marriage, puberty, immigration) but also the transitional time points of the cycle of the year (e.g. first day of the month, midday, solstice, first day of the year, etc.) (*Sergis* 2007: 22).

The happenings / events (*dromena*) of the 1st of May were a stop-over before the end of a series of corresponding activities serving the same aim that had begun since the twelve days around Christmas (*Dodekamero*), which were continued with the Dionysus’ happenings (*dromena*) of carnival and spring and were completed at Easter and the beginning of summer. The booming of nature and its awakening from its hibernation, the

expected from this *fertility* process of the nature and the people, which will expel the fear of famine (as a primary danger), is a stable motif of all the rituals and theatrical *dromena* that took place in the “traditional” civilization during this long lasting period. I remind that the *fertility worship*, the fact of the union of two persons is the root of *comedy* and constituted a central motif of the folk theatre (Puchner 1989: 45).

Some examples from the Greek and Naxian area follow: that day, the day of phytomorphic disguises (disguise to look like a plant), a boy, the so-called *Mayboy*, was dressed up with leaves and flowers and accompanied by other boys visited the houses and shops of the village (Megas 1975: 124 onwards), to carry the message of the great celebration via the wishing carols to the inhabitants. At Corfu, they used to carry around the town a tender cypress decorated with flowers and kerchiefs, a symbol that refers to the phallus and signifies the *phallic-fertilising* character of the custom. G. Megas’ description from Messimvria of Northern Thrace (nowadays at the Bulgarian territory) is probably the most representative one. The women went to the vines, rolled about the grass urging their genitals to “eat the grass” (to come in touch with the life-giving mother earth, to draw fertility powers from the inexhaustible earth), ate, danced, feasted in general, spelled the smutty words required by the ritual, wished to themselves to be married or pregnant the following year (*kai tou xron’ villara*), constructed a red phallus (the red colour is a fertility one signifying blood, life) with red soil or a red piece of wood and decorated it with green herbs and flowers (symbols of regeneration) and handed it one to the other to use it symbolically, imitating the human sexual intercourse. At Glinado (a village in Naxos) during the 1970’s one could still hear funny jokes about the phallic “maywood” that the couple should at any case touch in the evening of the previous day or the use of the “indecent” and “dirty” words during the knitting of the May wreath (Sergis 1994: 446–447). This shows the functional dimension of the “indecent” during the wedding, the carnival and other rituals of a fertility character (Sergis 2007). The fertility of the earth, the people, of the animals constitutes the basis of every life and survival (Puchner 1989: 44–45).

The roof. Abiding by the divine cosmogony, people construct their own cosmos, their residence, a microcosm of the world, which, in its turn, is a divine creation. The construction of a house represents the Cosmogony and a likening to the creation of the world is apparent here. In this sense, the residence is *sacred*, is an *imago mundi* that needs to possess a spirit, a soul to be protected. People used to sacrifice people or animals at the foundation of their house for the spirit of the sacrificed to pass over to the construction itself and add life to it as Oikonomidis explains (Oikonomidis 1997). The chimney of the house, over the fireplace, creates bonds with the supernatural. It belongs to the axis mundi. It is a point of entrance to it just like its central door. The roof of the house symbolizes heaven as the floor symbolizes the earth and the four walls the equal in number directions of the cosmic space. It is simultaneously its “upper-threshold”, it is considered in all national folklores around the world a *sacred space* since it is the edge between the “herein” world (represented by the house) and the “upper” world, the heaven, the world of the supernatural, it is the seat of well and evil-doing demons. There are dozens of theatrical *dromena* that are related to the roof and its afore described character (see, Rose 1922: 38; Eliade 2002; the entry “roof” in the journal *Laographia*, v. 23).

The donkey. In what follows I briefly present the process of evolution of the representations of the donkey, an initially (sacred) religious and sexual symbol, in the Greek territory³. This evolutionary process is characterized by an ambiguous human behaviour

towards the animal. Mircea Eliade's (*Eliade* 2002; 1981: 33–34) or Roger Caillois' (*Caillois* 1950⁴) *ambiguity of the sacred* constitutes a basic theoretical interpretative principle for the issues presented in this study. Another important element that should be reminded at this point is that the various identities, characteristics or qualities attributed at different times to animals are not but symbolic representations of human behaviours. Humans have *talked* about themselves through animals ever since the animistic and totemic period of their religious civilization and rank themselves or express their social differentiations through them. The donkey is a symbol of fertility widely used universally.

Fig. 2: Donkey-headed demons.
Accessed at <https://image.slidesharecdn.com>

Fig. 3: Dionysus on a donkey.
Accessed at <https://i.pinimg.com>

During the Minoan period in Crete, when the deities were still zoomorphic, donkey-headed demons appear who wear masks and the skin of this animal. Given the multiple interactions between Crete and Egypt and the fact that the *asses* are not indigenous animals of the latter one can easily assume that they were transferred there from the former. In Egypt the donkey was considered the god Seth's sacred animal, a red-eyed and red-skinned sexual god, who is depicted donkey-headed

with an erected tail. At the beginning of the 3rd millennium BC he was transformed into an evil demon for an unknown reason (*Bul-liet* 2012: 250 onwards). To the mythology of this country he was Osiris' brother whom he murdered either by slicing his body urging him to enter a coffin during a feast as a joke or to test the crowd. He then quickly closed the cover of the coffin, sealed it with lead and threw it at sea⁵. These "deeds" explain and interpret (to the folk spirit) the fact that in Egypt Seth personalizes the initiation of murder, lying, brutality, the evil itself as contrasted to the benefactor god-man Osiris.

From Crete (as an intermediary stop) the spirit of these cultural elements passed to the Hellenic territory of those times. *Silinoi* of the ancient Greek mythology were imaginary creatures with their phalli in erection, bearing half-donkey and half-human characteristics (Fig. 2).

Since the early periods of the ancient Greek religious worship, Greeks related the donkey with Dionysus (Fig 3), Priapus, and Pan but also with Hephaestus (Fig. 4) and Hestia (Lafaye 1914; Deonna 1956; Imellos 1988). Their relation with Dionysus and Priapus mainly interest us in this study. The character of the Dionysian worship in Greece is well known and will not be elaborated here but we indicatively mention that Dionysos is depicted on ancient vases on a donkey with its phallus in erection (Forsdyke 2012: 102, 103) which drives him to his passions. Aristophanes writes about the donkey that carried in a basket the sacred utensils with which people used to build Dionysos' worship image at the Eleusinian Mysteries. Related to this is the ancient Greek proverb "an ass carries mysteries". Silinos is

Fig. 4: Hephaestus and Silinos.

Accessed at <https://i1.wp.com/www.mlahanas.de>

Fig. 5: Coin of Mendi.

Accessed at: <http://www.kassandratour.gr>.

depicted in ancient representations as an escort of Dionysos on a donkey with its phallus in erection, dead drunk. Among the dozens of examples I can mention, I select to refer to ancient city Mendis at Chalkidiki (Northern Greece), whose prosperity at the early 6th century and onwards is verified by the wide circulation of its currency and was mainly due to the exportation of its well-known "donkey of Mendi"⁶ (Fig. 5).

Less known but of equal importance is probably the relation of the animal with Priapus. This phallic god born in Lampsakos of Minor Asia expressed the reproductive energy of nature, the idea of the reproduction through love, love-meaning Eros as a primordial power of nature that secures the perpetuation of the species. It was a symbol of the sexual instinct and the masculine sexual strength. His close relation to Dionysus, Adonis, and Aphrodite is interpreted by the connection of his worship with similar fertility deities and worships. Ancient Greeks usually depicted him as defaced but always with an enormous erected phallus (I put emphasis on this property as it is linked to the respective one of the donkey) (Fig. 6).

Phallus expresses the sexual vigor and held an outstanding position at the cultural practices of the Greek world⁷. In this sense, the offer of symbolic phalli in ancient fertility

Fig 6: Wrought in relief Priapus from the castle of Kalyva Xanthi (Thrace, Greece). Accessed at <http://anaskafi.blogspot.gr>

rituals in which the new weds ought to ride a huge Priapos' phallus before the wedding ceremony (to signify that the god first reaps their decency) can be interpreted. The woman offered to the god the first elements of her upcoming intercourse with the man (Adamandiou 1911: 104–105). In the modern Greek folk theatre (substantiated by numerous well-documented scientific evidence of remnants of ancient Dionysus' worship), this performance held a primary position in spring folk theatrical performances. Their presence in dromena of the 1st of May has already been mentioned earlier. Other indicative examples follow:

- the “indecent” performances during the custom of Mbourani at Tyrnavos (Thessaly, central Greece) with wooden, of clay or made of carrots phalli (see the synchronic view of this custom by Avdikos 2014: 214-215);
- the ritual scenes at the midwife's house on her nameday (8th of January) when *inter alia* the married women and those who had just given birth to a child had secretly made a huge phallus and female external genitals

decorated with flowers, which all present women had to kiss as they entered the feast;

- the Makarona at Chios island (a phallic wooden image that had to be buried on the Monday before Easter, etc. (for all the above, see, Puchner 1989: 51, 225).

In the ancient Greek mythology, Priapus is taken to be Zeus' and Aphrodite's son or in other variations Dionysos', Adonis', Hermes' or even the donkey's son (and escort) (Kakridis 1986: 243). It is also said that once he met a donkey whom Dionysos had provided with a human voice (for having carried him once somewhere) and dared the animal to compare their genitals. When the animal was found inferior (or the reverse) Priapus killed it and Dionysos sympathising with it transformed the animal to a constellation of stars (Kakridis 1986: 243–244). This competition is related to the establishment of the ceremonial of the sacrifice of donkeys to Priapus (see, Politis 1874: 475)⁸ or possibly to the constellation. Apart from the donkey, his other “sacred” animals were the ox, the ram, the rooster, etc. all of them being diachronic symbols of sexuality. In this vein, one cannot exclude the possibility that he was identified with one of them during the zoolatry period.

To an ancient Greek myth, the nymph Lotis had escaped the attack of the lovesick god but woke up due to the braying of the donkey which happened at the moment of the rape attack and then she prayed to the god to transform her to a lotus (see also in Ovidius, book IX, verses 346–356). One can easily correlate lotus to the erotic desire, the sweetness and oblivion. Maybe this is one more representation of the female external genitals in the form of a lotus the power of which makes men forget their destination (see, for instance, the

Homeric land of Lotus eaters). All the above support the postulation in the ancient peoples' consciousness⁹, that Priapus had been associated with the Dionysus' ecstasis, sexuality and drunkenness. It should be noted here that mythological figures like Priapus are related with the fertility and phallic artifacts and amulets we often see in the museums.

As early as the 7th century, however, the donkey has attained more representations with their main characteristics being *stubbornness* (its merciless beating being the consequence), *laziness*, *gluttony*, *stupidity*, *ingratitude*, *lack of refinement*, etc. Its presence is quite frequent in the so-called "noble literature" where the mythical discourse and all the ranking categories had been imprinted. The poet Simonides, for instance, who lives in the aforementioned century, in his libel against the female sex maintains that women are of animal descent (Forsdyke 2012: 101). The woman who draws her descent from the female donkey then is lazy, greedy and lovesick ready to be seduced by the unethical enjoyments of Eros:

*The other [woman was made] by a grey female donkey, that is beaten by everyone,
Under great pressure and heavy threats, she managed to finish well her housework with
great difficulty.*

*In the meantime, at the back of the house she always chews day and night, eats and
heats herself at the fireplace.*

*She has also unappeasable desires for love, welcome is the one who will escort her to...
bed (West 1972: 101).*

The stubbornness and greediness along with its low status and inferior position to that of the horse are outlined by Homer (Bough 2011: 57) in his *Iliad* (Homer, *Iliad*, rhapsody 11: 558–562). More specifically, the horses are magnificent, beautiful, of great value, robust, durable, symbols of freedom, gifted with human qualities (they, for instance, sympathize with the humans at their master's loss (Homer, *Iliad*, rhapsody 23: 279–284), loving (they carry their qualities to their rider – see rider heroes and saints in the modern folklore). This donkey-horse distinction has expressed since then the social differences and was "legitimized" later (see the riders' social class in Solon's Athens) which are depicted in Modern Greek proverbs that have survived until today:

- from donkey to horse (declares a promotion or upward social mobility) or vice versa from horse to donkey, meaning the opposite
- when the horses die the donkeys' price increases
- my own donkey is better than a young horse owned by someone else, etc.

In more than 20 Aesopean myths (6th century BC) the donkey's representation is negative: It is mainly depicted as a stupid, ungrateful (in one case), lazy, greedy creature and clever (only once). Quite remarkable in these myths is its lack of self-awareness depicted by its wish to identify with qualities possessed by other animals, which usually ends in a pitiful way. The negative picture of the animal has certainly been reinforced by these myths because they were widely known as pleasant folk reading passages (Bough 2011: 59). In addition, in Apulius' well-known *Golden Ass* the animal is described as stubborn, stupid and lustful (ibid: 59-60). I am of the view that the lowering of status of the domestic (in general) animals should be associated with the ever-increasing intensity of their exploitation by the humans.

The most important, however, shift in the "identities" attributed to the donkey has occurred during the Hellenistic period, in the 4th century BC in particular, which was a determinant turning point for the evolution of the religious life in the wider Greek area. At that

point, the symbol of the ex-god was demonized *without his worship to be completely put to the oblivion*. The established for centuries, until then, religious life receives an “intrusion” of new “sacred persons”, the *demons*, which are creatures in-between the *divine* and the *human* condition. The followers of the philosophical dogmas of that period (Plato, Orpheus, and Pythagoras) accepted the view that through them they would resort to magic and were trying to find excuses for them (Cumont 1949: 88). During the same century, “eastern” religions poured into the wider Greek territory the practices of which led to a magnificent *religious syncretism*. The latter was due inter alia to the more human dimension of the new deities. Whatever reminds of *magic* constitutes an additional element to a continually spread folk worship which has the demons as its central features. During the Hellenistic period with the gradual abolishment of the city-state and the creation of the Universal World, the lack of stability, the effect of various philosophies (Stoics, Epicurean, Gnostic, Neo-Pythagorean, Neo-Orphism) and the eastern influences (Egyptian, Persian, Jewish, etc.) the transformation of the old “urban” Greek religious life was completed. Magic was gradually correlated with superstition, the occult religions and the demonic worship. Black magic was so exorbitant during the era of the Roman Empire that exceeded all imagination (Green 1990: 598). In this context, the views for the “in-between species” of demons constituted a common religious conception (Sergis 2010: 66–67; Imellos, 1972: 143).

The tradition of the donkeys-demons was widely spread ever since the post classical ancient Greece: the ancient *onoskelis*, a surname of the dreadful Embousa, is the *onoskelia* or *onoskelou*, the *onoskelikon ghost / demon* (Politis 1871: 93) of the upcoming years, which is depicted as a wild beast resembling the humans until the thighs and “having its legs and feet similar to those of the donkey’s” (Koukoules 1948: 251–252). The correlation of a donkey (mainly black) with the devil is not a paradoxical fact to my view. N. G. Politis, “the father of the Greek folklore”, records sacrifices of he-goats to Dionysus and donkeys to Priapos and observes that “the demons transformed themselves to these two animals, which, to a large extent, were shaped from the ancient myths about these deities” (Politis 1874: 475). The donkey’s connection to magic is also certified by the presence of some of its body parts in the materials used to make *misethra* (a sort of harmful magic) in Greece in the 20th century: some of the opponents used to throw a head of a black cat along with a pig’s, a dog’s and black donkey’s hair in front of their enemies’ doorstep in order for their enmity never to end (Imellos 1972: 67).

Christianity, to my view, has greatly contributed to the change of the till then conception of the donkey and conformed it to its own ideological cosmos. It becomes now a symbol of peace and humility appearing at important moments of the history of Salvation always playing a subordinate role, for instance in the crib of the Christ’s birth, the flight into Egypt, the Christ’s triumphant entrance into Jerusalem (Fig. 7, 8) (Gilhus 1997: 85). Messiahs and the holy kings of many peoples usually appear on donkeys (Bulliet 2012: 261). The narrations of the Christ’s triumphant entrance into Jerusalem in the gospels use this ancient Jewish (inter alia) symbolism (Loukas’ Gospel, 10’, 30–36; John’s Gospel, 10’, 14–16). Given the dichotomy body # spirit in the Christian ethic theory, the symbol of sexuality of the previous years gets to transform itself into an opposite stereotype: purity, with the huge phallus of the previous years turning into a tiny brain (Bulliet 2012: 287) and thus the characterization of the animal as a stupid one to be established. To a newer theological interpretation, the previous “impure” symbol now stands for the heathens (= the non-Jewish and the non-Christians, see, for instance, in the Mathews’ Gospel, 6, 32), the invitation

of new peoples to Christianity on whom Christ will rule and will be recognized by them as their Master and king¹⁰.

The references of the Holy Bible to the ass indicate a special relationship of the animal with the world of the spirits since it was believed to possess prophetic abilities (Rough 2011: 58). God chose to reveal to Varlaam his sins through a donkey so the donkey represents wisdom and becomes a good example of a suffering animal. This representation of the ass is further reinforced by the Christ's entrance to Jerusalem on a donkey. Let us note at this point that due to the Jewish donkey-worship or the Christ's birth in a cave-stable or his entrance into Jerusalem on a donkey, the Christians were ridiculed by the heathens as being donkey-worshippers, an "accusation" widely spread in the 3rd century AD [For the inscription DEUS CHRISTIANORUM ONOKOETES, the depiction of the crucified Christ as donkey-headed (Fig. 9) and the relevant reactions on the part of the Christian scholars, see Bulliet 2012: 246 onwards; Politis 1920: 187].

The attitude towards the animal has not changed in Greece until nowadays, being two-folded and ambiguous, just like its invented ambiguous character: (a) as a sacred animal, as symbol of fertility / sexuality influenced by the remnants of its primitive representation and, (b) as "loaded" with all the aforementioned accumulated in time negative characteristics of its "identity". This means, to my view, that the so-called Minor Tradition (folk) doubted and refuted successfully the Great one (Redfield 1955) since it managed to keep until today the ancient characteristics of the animal alongside with the others. In what follows, I provide strong evidence supporting the survival of a) the *sacred character* of the animal and, b) *its quality as a symbol of fertility / sexuality* in modern Greece.

a. *The sacred character of the animal*

Bulliet verifies the until recently valid in Arabia *sacred quality* of the ass mentioning that

Fig 7: *The flight of Jesus to Egypt.*
Accessed at <http://www.eikonografies.com>

Fig 8: *The Christ's triumphant entrance into Jerusalem.* Accessed at
<https://hellasorthodoxy-kmyst.blogspot.gr>

Fig 9: Satire against Christians: Donkey-headed Jesus Christ. Accessed at <https://commons.orthodoxwiki.org>

in one of his informants' village the donkey's braying during a funeral ceremony was taken to be a bad omen because they believed that its voice was a reply to the screams of the souls which it could hear from the hell, the kingdom of the ancient god Seth (Buliet 2012: 256–257). This information is further supported by similar beliefs in the Greek territory until at least the mid of the 20th century. It is noteworthy that all the following references are related to the 1st of May, maybe the most fertility-related day of the “cycle of the year” in the consciousness of the Greek people as already mentioned earlier.

In Komotini and wider Thrace (Northern Greece) they used to consume garlic (it denotes abstinence) so as not to be cheated by the donkey (Kyriakidis 1910–1911: 408; Stamouli-Saranti 1951: 211). Additionally, in another recording from the same town, the cause of such a behaviour is also mentioned which is that the inhabitants did the same thing before the donkey's braying so as not to be deceived. To prevent this

unpleasant possibility they spelled the following phrase: *a knot on the back, a wolf on your tail* (Kyriakidis 1934–1937: 671; Korais 1998: 195; Stamouli-Sarandi 1951: 211).

People of Rhodes island were afraid to hear the voice of a bird or a donkey without having eaten something before, because they believed that the above mentioned would happen to them. For this reason, they used to eat fava beans, so as to prevent the donkey from taking their voice (Vrondis 1934–1937: 594).

b. *its quality as a symbol of fertility / sexuality*

I present here some examples that show that the donkey keeps its quality as a symbol of fertility / sexuality.

1. All the middle-aged Greeks and the elder ones who have been brought up in the context of the folk civilization know from their ancestors' narrations and project in all relevant conversations nowadays the sexual symbolism of the donkey, which survives untouched as an idea as in the other similar cases (rabbit, rooster, cat, bull) despite the fact that they might have forgotten the narrations that caused this symbolism.

The reproductive period of the donkey coincides with the rebirth of the nature in springtime. May is the month when the female donkeys are at their oestrus. The following widely known verse told among the above mentioned Greeks declares the human extreme erotic desire and attributes quite explicitly to the “creature” – symbol its correlation with fertility and sexuality.

*I wish I were a donkey in May and a ram in August
a rooster throughout the year and a cat in January.*

2. The traditions that relate him to the vine, Dionysus' beloved plant (Imellos 1988).

3. The custom from Kynidaros that is discussed in this study is one more magnificent reminder of this fact.

The scientific interpretation of the custom (*dromenon*) of Kynidaros

The old lady from Kynidaros Athina Toumbakari in her narration offered me the key-words for the suggested here interpretation: in older times people did not lift up just any-one animal at any time on the roofs. On the contrary, they lifted a male and a female animal up on opposite roofs, so as to allow them to flirt. These were her exact words that include, to my view, the essence of the issue under discussion. The animals were symbolically involved in a wedding ceremony. The manifestation of the love desire between the animals and eroticism as presage to the birth of new life and the transfer of this to the entire living and inanimate nature constitute the scientific interpretation of the custom / *dromenon* under investigation in this study. In other words, the imitation of the fertilizing actions by fertility symbols will transfer it to the inhabitants of the house themselves and their crops. They will thus guarantee a good production for their fields, a prosperous remaining of the year to the principle of the “corresponding magic” (Frazer 1990). The couple male-female in the folk theatre has a fertility worship character; the virtual marriages that are performed all over the country during the carnival period are all connected to the fertility and reproduction of life, being its antecedent. In this sense, the custom is one of the hundreds existing in the Greek territory with a specific magical aim. The inhabitants of Kynidaros, in other words, were aiming at a similar target as in the aforementioned examples of *May-boy*, the women that rolled about the grass to come in touch with the earth and receive the fertility that it contains, etc.

Therefore, on the 1st of May, aiming to allow fertility in their own house since the animals were not allowed inside it through its door, they came to establish the entrance of fertility in it through another “in-between” place, namely, the roof.

The argument that the custom is related to the transfer of fertility to humans, earth and nature is further supported by the following from the same village.

A custom of a similar fertility function: the theft of the flower pots (Klouvatos 2011: 103–104). Along with the lifting up of the donkeys on the roofs, the previous day of the 1st of May, the young people once more, with the same secrecy described earlier in this work, entered the house-yards of the girls’ they were in love with and “stole” their flower pots. They subsequently left them in central points of the village until the evening when their owners would look for them or would be returned by the young men themselves, so as to enjoy another meeting with their beloved. I believe that under the symbolic action of the theft lie the theft / abduction of the women themselves, which constitutes an ancient practice, a social and historical experience for the Greek, female population (Psychogiou 2004: 165). It can also be associated with the upcoming loss of virginity, the sexual intercourse. It also reminds us of the exceptional value of stolen goods in the folk civilization: whatever is possessed by beggary or theft has an additional (Megas 1967: 532) value and power.

It was an amorous day, which, being the first of the month, abiding with the folk people’s analogous magic-thought, should continue and end being amorous in order for the young people to enjoy love during the rest of the year.

(b) The even more relevant custom of *donkey riding* on the same day. They led a couple of donkeys to the main square of the village (the main social place of the village) to copulate in front of the gathered community. This was another way to pursue fertility magically and symbolically through an erotic symbol and the sexual intercourse, which constitutes the beginning of the new life. The “traditional” people believed that they would succeed in fulfilling this ultimate goal through *theatre*. The ancient Greeks offered to the humanity

the theatre-drama, which had as its initial step a song to Dionysus, namely, *dithyramb*, while the modern ones created a wealth of folk theatrical dromena starting from the winter and spring gatherings (groups of people who go around the village visiting the houses and performing particular theatrical / magical dromena) until the more complex theatrical forms, leading thus the way from more primitive forms of theatre to more elaborated ones (Puchner 1989: 27 and passim).

(c) The swinging of packsaddles in the air: They tied from their balconies or another high point and left to hang over the streets the packsaddles they used on their animals to carry things or themselves with safety. In this case, the container (packsaddle) is projected instead of the content (donkey-symbol) (Fig. 10).

Fig 10: Packsaddle hung in an alley of Kynidaros. From the photo archive of K. Klouvatos.

The nucleus of the scientific interpretation suggested in this study, I suspect might have been widely known among the inhabitants until a particular time point in the far past, that has the year 1539 as its substantiated historical starting point (Klouvatos 2011: 26). Passing the time, it was nonetheless forgotten and instead the earlier mentioned folk interpretations were invented and survived being easier to be understood by the younger.

The function of the custom today

Nowadays in Greece (I remain in this area only) the concepts of *continual transformation* and *modernity* are central and thus the upcoming studies will be based on them. The archaic goal of dromena has been completely forgotten, they are all in a theatrical form, their symbols have lost their sacred aspect and primitive symbolism and they survive as mere entertainment because people like them. They have become a spectacle of consumption, enjoyment, a profitable touristic product mainly because their performance is organized by municipalities and cultural associations without, however, losing their character of being elements of identity of some local societies (Fig. 11). Most of the dromena are folkloristic survivals of the “old” ones whose modern, multiple functions are well known. One of them is the conservation of tradition, which is based on the attraction that the “worship of the past” exerts on people. In any case the concepts ‘folklore’ and ‘folklorismus’ are often complementary and overlapping concepts and, thus, difficult to separate. If the saying “one age’s folklorismus is the next age’s folklore” is taken as correct then one might claim that the reverse is also likely to be true (Newall 1987: 131,146). The divorce with the forms and conceptions of the past is not absolute as aforementioned. I indicatively mention an element that survives keeping transformed: the reviving dromena allow the people the role of the co-protagonist once again (during their creation and performance) and re-introduce them to the game of communal creation and participation. Dozens of young people work with disinterestedness for a performance to be prepared, some others for “concurrent cultural events” (as they name them) to be organized. In this sense, the folk “community” as a selective subject is temporarily reconstructed. The motives for their involvement in such activities, the created feelings

and emotions, the new meaning attributions to the “old”, the reaffirmation of the cohesion of the community constitute areas in which the modern folklore research is greatly interested in. The modern *staging* of the dromena does not constitute a “downgraded civilisation” as some romantics complain they are. They are transformations of the “old”, its new meanings, the without any elaboration intruder, which all create a very interesting research field. Nowadays, in particular, humans’ need to meet again the “poetry of the customs” and those ceremonies that help them escape from the exhausting rationalism and bring them closer to their inhibited mythical world is much more acute. It goes without saying that every era has its own aesthetic criteria for poetry and its own definition.

Fig 11: Donkey on a roof wreathed with vine and programme of celebrations on the first of May at Kynidaros. Accessed at <https://www.zoosos.gr>

* * *

Focusing on the particular custom under investigation in this study we observe the following.

1. The young people aged between 20-25 have undertaken the organization of the custom, who discuss the details in the main cafeteria of the village for a week. The rope, for instance, used is at the hands of the “unofficial” head of the group, who keeps it at his house until, in his turn, he hands it over to the next, younger to him person. This activity is, to my view, one more proof of the forgotten sanctity of the animal since it refers, for instance, to the safeguarding of the holy icons for a whole year in the house of the faithful who offered the most at the church during the customary icon auctions (Varvounis 2002). The rope, as an instrument of the dromeno, possesses sacred – magic qualities as the sacred icon kept in the young man’s house.

2. It remains a pleasant folk spectacle liked by most of the people. To this end, it is also enriched by improvisations to become more impressive (*Klouvatos* 2011: 102). They decorate, for instance, one of the donkeys with a hat and a tie, they dress it, etc. (*ibid*) (Fig. 11). All these constitute interesting elements that should be recorded since they are likely to be the future form of the custom, if people like them and are thus repeated many times. In this vein, these interventions / changes of the dromena, which have nothing to do with the deeper essence and meaning of the custom, are very important for the Folklore study. This issue brings to the fore the discussion of the framing of the customs within certain concrete historical time-framework (*Bausinger* 2009: 127). This perspective claims that there is only one accepted or established “rigid historical form” of the custom or dromeno (the older one) to which all its modern revivals should conform to.
3. The fame of the custom has ensued quite naturally in the course of years and has not been pursued. Most Naxiots have visited at least once the village to watch the indeed unusual custom. The Mass Media of the island are present and have greatly contributed to its advertisement. The same goes for the non-Naxiots visitors as well. When the 1st of May coincides with Easter the visitors are more and its advertisement wider.

The participation of the young men in the ritual of the custom is essentially one of the most important chances to “become men” or to demonstrate their manhood. I refer to the *social function* of the custom, which is rather weak nowadays but “not entirely lost”. In past years, this constituted an initiating test of the adolescents so as to be integrated in the community. During it the young man presented the picture of the ideal masculine identity composed by robustness, temperance, dexterity, sovereignty, participation in collective actions, manliness; it was in other words one more festal presentation of the ideal social role of the men and, to serve this aim, an appropriate behaviour substantiating the above qualities was a prerequisite on the part of the participants. Let us not forget that the whole celebration was watched by all the inhabitants of the village and the other visitors and broadcasted on TV, which signals that the custom does not remain within the borders of the village anymore.

At this point a problem, indicative of the transformations that have occurred in the Greek society, needs to be put afore: while finding the animals to be used for the custom was once an easy task, being in abundance in the village, nowadays constitutes a major problem. The organizing group maintains that they can hardly find 5 or 6. The local cultural association was obliged to buy two animals the previous two years, which they charged to certain inhabitants of the village, who thus possessed for free these animals under the condition to take care of them and allow them to be used for the performance of the custom. Given the fact that there are always peculiar people, some of the owners of these animals refused to hand them for the ritual arguing that they might be at risk during the rituals. It is said that one of them informed the police against the young men who, to him, had abducted his animal – a fact that had not remained uncommented by the local folk poet: “Galis and his companions along with Zolotas / went and broke Mbombiras’ door. / Mbombiras thought that it was locked, / but the donkey was on the roof. / Mbombiras went to the police, / to catch the responsible for this violation of the law. / Mougies went and fixed his door / and Mbombiras calmed down” (*Klouvatos* 2011: 102). Another one was “forced” to hide his donkey in his house to avoid its “requisition”.

Recently, the custom was also performed in the neighbouring village Galini located at a distance of a few kilometers North East of Kynidaros. Historical evidence or oral tradition that would confirm its performance in previous times does not exist. However, this village (Galini) has become a centre of the Naxian entertainment during the summer months with one or two restaurants offering nice and cheap food. Therefore, the financial motives of the «copying» of the performance of the custom are quite evident, which causes the discontent of the Kynidaros' inhabitants especially those who own shops and gain profits from the annual folkloristic revival of the custom. In previous years there was also a feast organized by the tavern owners of the village on the previous to the 1st May night, which was quite profitable. Lately, however, this has been forgotten as well.

By way of a conclusion

This study has discussed the various identities attributed diachronically to the donkey, namely, a symbol of fertility and sexuality, and has concluded that they are still valid despite the fact that the pragmatic material that created them has been put to the oblivion. Nonetheless, all these qualities are human inventions transferring arbitrarily the good and bad aspects of their character on animals. The real qualities of the animal are its endurance, even in very hard conditions, its loyalty, its tenderness, its frugality, its enormous offering to the folk people in the traditional civilization (in both peace and war periods) etc. It is a valuable, benevolent partner of the humans who demands to be recognized as such (see, *Bough* 2011: 66). In general, let us praise the primitive beauty of all animals and their dynamism remembering that the civilized people (via knowledge and civilization) have been alienated setting themselves outside the Nature but that the animals have remained within its realm. In this sense, humans have a good opportunity through animals, by sincerely approaching them, to find again the lost thread connecting them to their lost identity. All these views were put to the limelight by Ailianos some centuries ago (170 – 235 AC) in his work *On the animals' qualities*: The spiritual qualities of the animal and their behavior, he maintains, are considered worth highlighting to become an example for humans, who, due to the progress of their civilization, have proceeded to a distortion of their naturality: the Nature, and the spontaneous truth and ethics of nature are conserved only in animals.

Endnotes

- ¹ The narration that includes this proverb is by Timalchio. To him, it is horrible (*horribilis* in the Latin text), which sounds as an unbelievable one. It is actually an experiential narration / legend in which the acting subjects are the horrible shrews who transformed the inanimate body of a child to a doll of straw and sent to death a fearless young man from Cappadocia, who dared to hit one of them with his sword, three days later (see *Meraklis* 2005; *Rose* 1922).
- ² For extensive literature on symbols and their meaning, see Alexakis, Vrachionidou, Oikonomou (eds), 2008.
- ³ It goes without saying that this is a universally known fertility symbol (*Cooper* 1992: 362–363).
- ⁴ We should, however, acknowledge the roots of this in R. Otto (1917), when he viewed the religion as a *mysterium tremendum* and *mysterium fascinans*, and in Emile Durkheim (1912).
- ⁵ This is a very common motif in ancient Greek and universal mythology. The guilty daughter, for instance, or her illegal offspring (separately or together) are thrown in the sea, in a sealed urn, which symbolizes the test via water: in essence the human being dares the divine to verify whether the exposed being is worth living or sparing (*Adamandiou* 1911: 142–144).
- ⁶ In Modern Greece, the most common name attributed to donkeys in all sorts of legends, narrations, fairy tales etc. is *Mentios*.

⁷ For similar practices and behaviours of peoples of North Eastern Africa, Egyptians, Indians etc., see *Bulliet* 2012: 252–254.

⁸ The modern Greek poet Kostas Varnalis (1884–1974) was inspired for his poem “The sacrifice” by the aforementioned quality: «your peaked cap / Midas, from the hairless peak / get down / and go and fetch from the barn / the two-year donkey, / rutting on heat / whose skin glitters / and no master rides on it/ and its youth passes from its back / upright, its phallus is full of vigor!/ bring it in the middle of the threshing-floor/ and when it reaches the foot of the plane-tree / throw it on the earth,/ it’s its turn to / glorify the fertility gods, my offer to be heard! / tonight I am getting married. For this reason / you deserve such a slaughtered animal / robust / defaced Priapus, / you are like the hot donkey yourself».

⁹ *Priapia*, a collection of 80 love epigrams of the Roman period (the August’s time probably), resound this conception at the Roman period as well (*Hooper* 1999).

¹⁰ This view has been accessed at <http://kyrigma.blogspot.gr/2011/04/20-4-2008.html>

References

- Adamandiou* 1911 – *Adamandiou Ad.* Testing the chastity. *Laographia* 3, 1911 (in Greek).
- Alexakis, Vrachionidou, Oikonomou* 2008 – *Alexakis, El. Vrachionidou, M. Oikonomou Andr.* (eds). Anthropology and symbolism in Greece. Athens: Greek Society for Ethnology, 2008 (in Greek).
- Avdikos* 2014 – *Avdikos Ev.* The phalli of Tynavos / *Avdikos Ev.* (ed.), Greek folk tradition: From the past to the future. Athens: Alexandros, 2014. Pp. 214–215 (in Greek).
- Bausinger* 2009 – *Bausinger H.* Folkkultur in der technischen welt. Athens: Patakis 2009 (in Greek).
- Bough* 2011 – *Bough J.* The mirror has two faces: Contradictory reflections of donkeys in western literature from Lucius to Balthazar. *Animals* 1 (2011). Pp. 56–68.
- Bulliet* 2012 – *Bulliet R.* Hunters, herders, and hamburgers. The past and future of human-animal relationships. Athens: Ekdosseis tou Eikostou Protou, 2012 (in Greek).
- Caillois* 1950 – *Caillois R.* L’ home et le sacré. Paris: Gallimar, 1950.
- Cooper* 1992 – *Cooper J.* Lexicon of symbols. Athens: Pyrinos Kosmos, 1992 (in Greek).
- Cumont* 1949 – *Cumont F.* Lux perpetua. Paris: Librairie Orientaliste, Paul Geuthner, 1949.
- Deonna* 1956 – *Deonna W.* Laus asini. L’ âne, le serpent, l’ eau et l’ immortalité. *Revue Belge de Philologie et d’ Histoire* 34 (1956).
- Durkheim* 2008 – *Durkheim E.* The elementary forms of religious life. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- Eliade* 1981 – *Eliade M.* Traité d’ histoire des religions. Athens: Chatzinikolis, 1981 (in Greek).
- Eliade* 2002 – *Eliade M.* Das heilige und das profane. Athens: Arsenidis, 2002 (in Greek).
- Forsdyke* 2012 – *Forsdyke S.* Slaves tell tales and other episodes in the politics of popular culture in ancient Greece. Princeton: Princeton University Press, 2012.
- Frazer* 1990 – *Frazer J. G.* The Golden Bough. Athens: Hecati, 1990. Vol. 1. Athens: Hecati, 1991. Vol. 2 (in Greek).
- Van Gennep* 1909 – *Gennep A. van.* Les rites de passage. Étude systématique des rites. Paris, 1909.
- Gilhus* 1997 – *Gilhus, I. S.* Laughing gods, weeping virgins. London and New York: Routledge, 1997.
- Green* 1990 – *Green P.* Alexander to Actium. The historical evolution of the Hellenic age. London: Thames and Hudson. Berkeley and Los Angeles: The University of California Press, 1990.
- Homer, Iliad*, rhapsodies 11 and 23.
- Hooper* 1999 – *Hooper R.* The Priapus poems. Erotic epigrammas from ancient Rome. Illinois: University of Illinois Press, 1999.
- Imellos* 1972 – *Imellos St.* Ailianos’ work on the animals’ quality as a source of magical and superstitious beliefs and habits. Athens, 1972 (in Greek).
- Imellos* 1988 – *Imellos St.* Folklore issues, vol. A’. Folk legends. Athens, 1988 (in Greek).
- Kakridis* 1986 – *Kakridis I.* (ed.) Greek mythology, v. 2. Gods. Athens: Ekdotiki Athinon, 1986 (in Greek).
- Katsouros* 1955 – *Katsouros A.* Naxian lawful documents of the 16th century. Yearbook of the Me-

- dieval Archive 5 (1955). Pp. 47–91 (in Greek).
- Klouvatos* 2011 – *Klouvatos K.* Kynidaros the “Sorrowless”. Common and idiocyncratic cultural and linguistic impressions. Athens: published by the author, 2011 (in Greek).
- Korais* 1998 – *Korais Ad.* Atakta (= Unclassified). Chios, 1998. Vol. 1 (in Greek).
- Koukoules* 1948 – *Koukoules Ph.* The Byzantine people’s life and civilization. Athens: Papazissis, 1948. Vol. A’ II (in Greek).
- Kyriakidis* 1910–1911 – *Kyriakidis St.* Superstitions and superstitious habits at Gioumoultzina of Thrace. *Laographia* 2 (1910–1911). Pp. 404–432.
- Kyriakidis* 1934–1937 – *Kyriakidis St.* Querries on the folk worship. *Laographia* 11 (1934–1937). Pp. 659–677.
- Kyriakidis* 1938–1948 – *Kyriakidis St.* The symbols in the modern greek folklore. *Laographia* 12 (1938–1948). Pp. 503–546 (in Greek).
- Lafaye* 1914 – *Lafaye G.* L’âne et la vigne. *Revue de Philologie* 38 (1914). Pp. 174–181.
- Megas* 1927 – *Megas G.* Magical and superstitious habits to deter epidemic diseases. *Laographia* 25 (1927). Pp. 481–533 (in Greek).
- Megas* 1975 – *Megas G.* Greek folklore issues. Athens: Academy of Athens, 1975 (in Greek).
- Meraklis* 2005 – *Meraklis M.* (introduction, translation, comments). *Patronius, Satyricon*. Athens: Patakis, 2005 (in Greek).
- Newall* 1987 – *Newall V.* The adaption of Folklore and tradition (Folklorismus). *Folklore*, 98. No. 2 (1987). Pp. 131–151.
- Oikonomidis* 1997 – *Oikonomidis D.* From our folk songs, vol. A’. Athens: Philippotis, 1997 (in Greek).
- Otto* 1917 – *Otto R.* Das Heilige. Über das irrationale in der idee des göttlichen und sein verhältnis zum rationalen. Munich, 1917.
- Politis* 1871 – *Politis N.* Modern Greek mythology. Athens, 1871. Vol. A’ (in Greek).
- Politis* 1874 – *Politis N.* Modern greek mythology. Athens, 1874. Vol. A’, part B’ (in Greek).
- Politis* 1920 – *Politis N.* Folklore collections. Athens: Academy of Athens, 1920 (in Greek). Vol. 1.
- Psychogiou* 2004 – *Psychogiou H.* The “border songs” as ritual, initiation songs: The case of the bridegroom-soldier / Kentron Erevnis tis Ellinikis Laographias tis Akadimias Athinon (ed.), *European border tradition: From Alexander the Great to Digenis Akritas*. Athens 2004. Pp. 152–185 (in Greek).
- Puchner* 1989 – *Puchner, W.* Folk theater in Greece and the Balkan countries (a comparative study). Athens: Patakis, 1989 (in Greek).
- Redfield* 1955 – *Redfield R.* The little community: Viewpoints for the study of a Human Whole. Chicago: University of Chicago Press, 1955.
- Rose* 1922 – *Rose H. J.* Asinus in tegulis, *Folklore*, 33 (1922). Pp. 34–56.
- Sergis* 1994 – *Sergis M.* Folklore and ethnographic issues from Glinado Naxos. Athens: Proodeftikos Omilos Glinadou Naxou, 1994 (in Greek).
- Sergis* 2005 – *Sergis M.* Aklirimata: Satirical names as manifestations of otherness in ancient and modern Greece. Athens: Antonis Anagnostou, 2005 (in Greek).
- Sergis* 2007 – *Sergis M.* Rites of passage in Minor Asia Pontus (mid-19th century – 1922): birth, marriage, death. Athens: Heredotos, 2007 (in Greek).
- Sergis* 2010 – *Sergis M.* Dog sacrifice in ancient and modern Greece: From the sacrifice ritual to dog torture (kynomartyrion). *Folklore (Electronic Journal of Folklore)* 45 (2010). Pp. 61–88.
- Sergis* 2011 – *Sergis M.* «With the Pakistani in the fields and the bulgarian women in the houses to take care of the elder: Informal labour and human relations in an agrarian Naxian community (a folklore overview from the local inhabitants’ perspective)». *Naxiaka* 1 (2011). Pp. 191–232 (in Greek).
- Spiliakos* 2003 – *Spiliakos St.* Instruments, instrument-players and dance songs. The case of Kynidaros. Athens: Antonis Anagnostou, 2003 (in Greek).
- Spiliakos* 2008 – *Spiliakos St.* The Aegean-Sea Mballos. Athens: Antonis Anagnostou, 2008 (in Greek).
- Stamouli-Sarandi* 1951 – *Stamouli-Sarandi Elp.* Superstitions of Thrace. *Laographia* 13 (1951). Pp. 201–236 (in Greek).

- Theophilos* 2004 – *Theophilos L.* Naxian administration and selfgovernement / *Sergis, M. & Psar-ras, St.* (eds), Naxos, sailing in time. Athens: Dimos Naxou, 2004. Pp. 437–438 (in Greek).
- Turner* 1967 – *Turner V.* Betwixt and between: The liminal period in rites de passage. In: *Turner, V.*, *Forest of symbols: aspects of the Ndembu ritual*, Ithaca: Cornell University Press, 1967. Pp. 23–59.
- Turner* 1974 – *Turner V.* Dramas, fields and metaphors. Symbolic action in humanh society, Cornell University Press, Ithacahe Ritual Process, Ithaka: Cornell University Press, 1974.
- Turner* 1977 – *Turner V.* The Ritual Process. Ithaka: Cornell University Press, 1977.
- Varvounis* 2002 – *Varvounis M.* Modern ecclesiastical customary auctions. Thessaloniki: University Studio Press, 2002 (in Greek).
- Vrondis* 1934–1937 – *Vrondis A.* Folklore of Rhodes. Laographia 11 (1934–1937). Pp. 565–594.
- West* 1972 – *West M. L.* (ed.) Iambi et elegi Graeci ante Alexandrum cantati. Oxonii, 1972. Vol. 2.

Сергис М.Г. Ослиная любовь на крыше: «странный обычай» в греческой островной общине.

Осел является одним из символов плодородия у многих народов мира. В Греции этот символ существовал с мифологических времен и сохраняется до сих пор. Рассматриваемый в статье случай выглядит «странным» ритуалом 1 мая, который проводится только в деревне Кинидарос в Наксосе (Кикладские о-ва, Греция). В этот день ослов поднимают на крыши домов, чтобы спровоцировать магическим способом плодородие для людей и земли. В исследовании представлены народные толкования обычая как свидетельство забытого раннего его значения и его символики. Представлена также фольклорная интерпретация обычая. Вкратце описываются вариации поверий вокруг животных, сложившиеся под влиянием классической греческой литературы и христианства.

Ключевые слова: Осел, Дионис, Приап, плодородие, крыша, 1 мая, Наксос, Кинидарос.

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 39+ 930.1

© Ф.А. Озова

ВКЛАД А.В. ГАДЛО В КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

Статья подготовлена в честь 80-летия со дня рождения крупного отечественного историка А.В. Гадло (1937–2017 гг.), внесшего значительный вклад в историческое изучение народов Кавказа. Особое внимание в ней уделено анализу выявленных ученым закономерностей социально-политической и этнической истории северокавказского региона в эпоху раннего Средневековья, истории русско-кавказских связей этого периода. Главным достижением А.В. Гадло стало создание концепции развития Северного Кавказа в IV–XIII вв.; фундаментальный вывод ученого состоит в том, что во второй половине I – первой половине II тыс. н. э. народы Северного Кавказа развивались в том же ключе, что и народы Европейского континента.

Ключевые слова: А.В. Гадло, кавказоведение, этническая история, народы Северного Кавказа.

Поводом для написания этой статьи стала научная конференция «Археология и этнография Кавказа и Крыма, приуроченная к 80-летию со дня рождения профессора А.В. Гадло (1937–2002)» 6–8 апреля 2017 г. в Санкт-Петербургском университете, где он учился и проработал всю жизнь, многое сделав для развития кафедры этнографии (ныне: этнологии и антропологии) исторического факультета. Будучи одной из студенток Александра Вильямовича в середине 1980-х годов я навсегда запомнила его удивительно глубокие и образные лекции по этнографии народов СССР, которые он читал нам в Российском этнографическом музее. Многие экспонаты РЭМ навсегда остались в моей памяти благодаря именно экскурсиям А.В. Гадло. Но только спустя десятилетия, столкнувшись вплотную с необходимостью научного осмысления проблематики, связанной с социально-политической историей черкесов, изучив его капитальные труды «Этническая история Северного Кавказа IV–X вв.» (Л., 1979) и «Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв.» (СПб., 1994), я открыла для себя выдающегося ученого Александра Вильямовича Гадло. Его труды по истории народов Кавказа продолжают оставаться эталонными в теоретико-методологическом плане и энциклопедическими по ряду аспектов этнической истории, они по праву считаются беспрецедентными «по масштабам охвата материала, скрупулезности рассмотрения сложных и многогранных процессов, происходивших в этом недостаточно изученном районе Земли на протяжении тысячелетия» (Дворниченко, Верняев, Карпов, Козьмин 2004: 6). Без сомнения, научное творчество А.В. Гадло

Озова Фатима Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево-Черкесской Республики. Эл. почта: fo7799@rambler.ru.

является крупной вехой в развитии лучших традиций изучения народов Кавказа, что поставило его имя в один ряд с именами корифеев кавказоведения XIX–XX вв.

Несомненно, вектор научной биографии А.В. Гадло был в значительной мере задан его деятельностью по руководству Кавказской археолого-этнографической экспедицией исторического факультета Ленинградского университета. Созданная по инициативе основоположника хазароведения в СССР, научного наставника А.В. Гадло М.И. Артамонова, эта экспедиция внесла существенный вклад в разработку проблематики, связанной с этнической историей народов Кавказа (Дворниченко 2004: 7). В 1966–1981 гг. было проведено 12 полевых сезонов. В их рамках осуществлено не только археологическое, но также этнографическое и фольклорное изучение Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Калмыкии, Ставропольского и Краснодарского краев, Астраханской области, Абхазии, Западной Грузии (Гадло 1982: 19).

Кавказоведение из-за господства в науке в XIX в. «представлений о “примитивности” и “застойности” хозяйства, социальной организации и культуры коренных народов Северного Кавказа» (Гадло 2004: 343), идеологизации гуманитаристики в советскую эпоху не сумело выработать целостного научного видения развития региона в исторической ретроспективе. Заслуга А.В. Гадло состоит в том, что он, перешагнув через сложившиеся мифы и штампы, представляет концепцию развития региона в IV–XIII вв. в рамках концепции развития Юго-Востока Восточной Европы.

Основные положения концепции ученого стали результатом редкого для советской историографии методологического инструментария. А.В. Гадло, как и его учитель М.И. Артамонов, выбирает для своих трудов подход, известный как *этническая история*. Сам ученый определяет ее как особую область научного познания, лежащую «на стыке собственно истории, исследующей главным образом социальные и политические аспекты развития общества, и этнографии (этнологии), изучающей главным образом развитие форм традиционно-бытовой культуры человечества» (Гадло 1994: 6).

В основе концепции А.В. Гадло лежит глубокий и тонкий анализ значительного комплекса документов, предметов материальной культуры и памятников устной исторической традиции народов Северного Кавказа. Ключевое место среди них занимают письменные свидетельства греческой, римской, византийской, арабской, армянской, грузинской, персидской, еврейской и русской литературных традиций. Параллельно ученым изучаются археологические материалы, большая часть из которых была добыта во второй половине XX века, в том числе и Кавказской археолого-этнографической экспедицией под его руководством, этнографические и лингвистические источники. Особое место в источниковой базе исследований А.В. Гадло занимают библейские генеалогии, апокрифические произведения и этногенетические легенды. Изучение и оригинальная интерпретация всех этих разноплановых источников на субрегиональном и региональном уровнях и последующий синтез их проекций в объемную интегральную картину – основа научной концепции А.В. Гадло по развитию Северного Кавказа в период раннего Средневековья.

В рамках *этнической истории* ученый уделяет значительное внимание изучению таких тем, как «этнонимия, этнические территории, численность и характер расселения этноса, его этнокультурные контакты, этнические процессы (в узком понимании, т. е. консолидация, ассимиляция, интеграция)» (Волкова 1985: 20).

Исследования А.В. Гадло демонстрируют, что в основе расселения народов Северокавказского региона в раннее Средневековье лежало его разделение на несколько ландшафтных зон. Горы и степи задавали жизни насельников той эпохи черты определенной коллизии. При этом горная и предгорная области отличались большей стабильностью населения, чем степи. Именно взаимодействие этих двух больших массивов населения – кочевого и оседлого – на протяжении длительного времени привело к формированию этнического и социально-политического облика региона к началу II тыс. н.э.

А.В. Гадло комплексно исследовал трансформации этнической структуры населения северокавказских степей, процесс перехода кочевников к оседлому образу жизни, их инфильтрации в предгорную и горную зоны. Им также разработана этническая история автохтонных кавказских общностей, заселявших издревле горы и предгорья; проанализированы процессы этногенеза, так и социополитогенеза.

Ученый скрупулезно изучает каждый этноним, носитель которого сыграл определенную роль в развитии региона. Во главе этого анализа – выявление этимологии, семантики и трансформаций этнонимов, наконец, превращение некоторых из них в этнонимы-маски. Ученый по крупицам извлекает эту информацию из различных источников, сопоставляя между собой, подтверждает или опровергает на уровне археологии и/или фольклора, данных лингвистики и как пазлы складывает в сложный рисунок этнической истории региона.

Благодаря трудам ученого представления об этнической структуре Северного Кавказа IV–XIII вв. значительно обогатились. Это стало возможным, прежде всего, благодаря выявлению и раскрытию этнонимов-масок, идентификации скрывавшихся за ними этнических общностей. А.В. Гадло отмечает, что средневековые источники наиболее известными для своего времени этнонимами называли зачастую целые группы этнических общностей. Так, некоторые грузинские хроники знают только два основных этнонима северокавказской степи – это *хазары* и *овсы* (*осы*), которые «покрывают собой все ее реальное этническое многообразие до IX в.» (Гадло 1979: 20). Поэтому важно было решить задачу установления подлинного этнического «наполнения» таких этнонимов, как «гунны» (Гадло 1979: 11–16, 44, 47, 73, 92, 93, 140–145, 150–154), «хазары» (Гадло 1979: 15–17, 20, 22, 24, 36, 44, 92, 93, 123, 129; Гадло 1994: 34), «аланы» (Гадло 1994: 9, 26, 35), «булгары» (Гадло 2004: 346), «овсы» (Гадло 1979: 45–47; Гадло 1994: 27, 28) и др., показать их «узкое» и «широкое» значения. Раскрытие таких этнонимов-масок, как «гунны», «хазары», «овсы», «аланы», «тматороканские хазары», «сугды» и др., имеет особое значение не только для восстановления многообразия этнических общностей, но и богатства исторических процессов в регионе.

Немаловажным шагом вперед в изучении истории региона Северного Кавказа являются результаты исследований по проблеме локализации тех или иных этнических общностей, их миграций и ассимиляций. В этом контексте интерес представляет выявление в трудах А.В. Гадло коренных территорий хазар (Гадло 2004: 353), булгар (Гадло 1979: 111), алан (Гадло 1979: 165) и др., маркировка границ на этнические и государственные (Гадло 1979: 172).

Процесс работы над этнической картой, ставшей результатом осмысления чрезвычайно сложного этнического материала Северного Кавказа IV–XIII вв., позволяет А.В. Гадло выявить закономерности социально-политического развития северо-

кавказских народов. Ученый выделяет 4 этапа социополитогенеза в эпоху раннего средневековья. За основу этой классификации им взята «степень интенсивности и качественного своеобразия экономических, социальных и этнических процессов, проявлявшихся на каждом конкретном отрезке единого пути становления в пределах региона классового общества и формирования современных народностей» (Гадло 2004: 344).

Первый этап датирован второй половиной IV–V вв.: это время гетерогенных конфедераций (Гадло 2004: 343, 357), которые тогда были характерны и для Западной Европы (Гадло 1979: 69). Специфическая особенность этого периода – возникновение «охватившей всю территорию региона системы политических, социальных и этнических связей» (Гадло 2004: 344). Она включала в себя:

- древние аборигенные кавказоязычные группы горной зоны и высоких предгорий (кавказианы и леки грузинской традиции);
- ираноязычные (аланы, маскуты) и автохтонные иранизированные (овсы) общности предгорий и степи;
- прототюркские общности – различные по диалектам и уровню хозяйственного и социального развития (Гадло 2004: 344).

Конфедерации этого периода (как, например, конфедерация кочевых племен 90-х годах IV в. или «Предкавказская конфедерация» V в., подобная конфедерации «европейских гуннов» (Гадло 2004: 345) стали основой разносторонних интеграционных процессов последующего времени.

Второй этап социополитогенеза датирован VI–VII вв. А.В. Гадло называет его временем «локальных этносоциальных объединений», или «конфедераций второго порядка» (Гадло 2004: 343, 347, 357).

Несмотря на сохранявшуюся дифференциацию кочевых общностей степи и оседлых (полуоседлые, пастушеские) общностей предгорий и гор, в это время наблюдалось последовательное развитие экономических и социальных отношений внутри кочевых обществ под влиянием контактов с районами древней оседлости (Тамань, низовья Терека, Сулака) (Гадло 2004: 347).

А.В. Гадло называет в качестве конфедераций второго уровня в горной и предгорной зонах Сарир, Абазгию, Зихию, Касогию, Сагинскую конфедерацию, Страну овсов (Аланию) (Гадло 2004: 347–349). В степях Предкавказья в этот период существовали две «гуннские» конфедерации утигуров и кутигуров в Приазовье, и сабиров – в Прикаспийской низменности. На рубеже VI–VII вв. на землях утигуров возникла Оногурия, или Великая Булгария, переставшая существовать под ударами нового крупного политического образования, возникшего в регионе в 60-е годы VII в., – Хазарского каганата (Гадло 2004: 350, 351). Многие из этих конфедераций представляли собой целостные этносоциальные образования.

В качестве одного из примеров блистательного анализа этнонимии в трудах А.В. Гадло можно назвать выявление реального этнического содержания этнонима-маски *сугды*. В результате изучения этнонимии византийской литературы ученый приходит к выводу, что в период раннего средневековья адыги были известны не только под живыми этнонимами (зихи¹, касоги), но и под этнонимом-маской *согдиане* (*согды*, *сугды*, *сугдеи*), заимствованной византийскими авторами из античной историко-географической традиции. Этноним *сугды* был связан с этнической группой сагинов на левобережье Кубанской дельты на территории античной Синдики

(район Анапы) (Гадло 1985: 10), который представлял собой искаженное греческое наименование адыгской общности *шегаков/хегайков*² (Гадло 2009: 73).

Расшифровка этого этнонима-маски вносит коррективы в представления о социально-политических процессах на адыгских землях, на основе которых ученый делает вывод, что здесь к началу VI века сложились три независимые конфедерации – Сагинская, Зихская и Касожская (Гадло 1984: 70, 71), а не две (Зихская и Касожская), как это считалось ранее. Границы этих политических конфедераций не оставались неизменными. А.В. Гадло отслеживает их трансформации, в результате которых Сагинская конфедерация была поглощена Зихской и Касожской конфедерациями (Гадло 2009: 73).

В процессе изучения этнонимии ученый осуществляет анализ экономического, социально-политического и культурного развития этнических общностей региона. На этапе конфедераций второго типа отмечается переход этнических общностей Северного Кавказа к более высокому уровню развития скотоводческого хозяйства, подъем местной земледельческо-пастушеской культуры (Гадло 2004: 347). Вслед за экономическими изменениями трансформацию пережила социально-политическая система. В эту эпоху родоплеменная аристократия постепенно сменяется военной аристократией. Архаичные институты верховной власти перерождаются в единоличную наследственную власть военно-политического вождя конфедерации. Это вызывает «отпор от приверженцев архаических общинно-демократических традиций» (Гадло 1979: 106). Внешне эта борьба принимает «форму религиозной распри»: на одной стороне стояли главы родовых общин и связанная с ними каста языческих жрецов, на другой стороне действовали вожди конфедераций, пытавшиеся утвердить единобожие (христианство, иудаизм) с помощью стран с развитой классовой структурой и их идеологий (Гадло 2004: 352).

Большим вкладом в кавказоведение являются исследования А.В. Гадло по конфессиональной ситуации в северокавказских этнических общностях раннего Средневековья, многие из которых в рассматриваемое время стали официально исповедовать христианство. Его специальное исследование «Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья» по сей день является непревзойденным. В этой работе показано развитие христианских институтов в адыгских землях от провозглашения христианства официальной религией в 526 г. (Гадло 2009: 75) до превращения Зихской епархии в митрополию на рубеже XII–XIII вв.³ В контексте русско-адыгских отношений раннего Средневековья интерес представляет следующий вывод ученого: «... когда Русь принимала в Херсоне (Корсуни) христианство, его церковь еще сохраняла свою связь с Боспором и Зихской церковью Тамани» (Гадло 1991: 106). Использованный в статье структурный подход сохраняет значительный потенциал для дальнейших разысканий в этом направлении.

Третий этап социополитогенеза – VIII–X вв. – знаменателен формированием «крупных общерегиональных союзов», или «конфедераций-держав» (Гадло 2004: 343, 357). К ним ученый относит Хазарию, Самандар (область Приморского Дагестана), Серир, Аланию (Гадло 1979: 184, 185), Страну Каса (Гадло 1994: 22) (Зихию/Касогию). Их взаимоотношения составляли существо политической истории региона этого периода.

Самым крупным политическим образованием был Хазарский каганат. Начало хазарской государственности источники связывают с такими одновременными актами,

как обращение хазарской элиты в иудаизм и избрание «царем»/каганом верховного военачальника (Гадло 1979: 127). А.В. Гадло вносит уточнение в определение территории собственно Хазарии. Он пишет о ней так: «группа зимовников, расположенных в низовьях Волги» (Гадло 1979: 189). Ученый отмечает, что хазарский этнополитический и территориальный центр Итиль лежал на расстоянии 400 км к северу от горного Дагестана (Гадло 2004: 353), им доказывается ошибочность существовавшего представления о Самандаре как о первой столице Хазарского каганата (Гадло 1979: 152).

Основным социальным процессом хазарской эпохи А.В. Гадло называет оседание кочевников в степях Предкавказья. Выводы ученого об истоках зливкинской культуры (степной вариант салтово-маяцкой культуры)⁴ «в западной части Предкавказья, т.е. там, где оседающие на землю кочевники соприкасались с культурой раннесредневековых византийских городов и эмпорионов, а также с культурой адыгских племен, испытывавших сильное воздействие византизированной культуры южных соседей – абасгов и апсилов» (Дворниченко 2004: 11), признаны сенсационными. А.В. Гадло подчеркивает, что заимствования не ограничились технологическими приемами: они включили в себя навыки земледелия, сопровождались переходом на новые виды пищи, очага, жилищ и поселений (Гадло 1994: 37). Таким образом, горные области, предгорья и степи фактически превратились в единую хозяйственную область, связанную с сезонными перемещениями населения и скота (Гадло 2004: 353). Значительную роль в этом процессе сыграла (помимо различных объективных факторов) как показано А.В. Гадло и переселенческая политика хазар (Гадло 1994: 50, 51).

А.В. Гадло проанализирован процесс консолидации (в контексте хазаро-арабских войн 650–770-х годов за овладение транскавказскими магистралями) вокруг кагана правителей других северокавказских общностей – сначала степи, а в первой половине VIII века – предгорных и горных областей. Так, в вассальной зависимости от кагана оказались адыгские объединения (Страна Каса), «Страна овсов с входившими в нее, помимо собственно ираноязычных овсских групп, западноадыгскими и восточноадыгскими горными общностями, Сарир и связанные с ним предгорья, а также “Царство гуннов” – Самандар (Кайтаг)» (Гадло 2004: 353, 354).

Важен вывод ученого о том, что созданная хазарами система вассальной зависимости не нарушила наметившиеся тенденции этносоциальной консолидации (Гадло 2004: 354), более того, способствовала ее превращению в устойчивый процесс. «На этом этапе у всех политически интегрированных общностей региона начинают ярко проявляться признаки формирующихся раннефеодальных государств» (Гадло 2004: 357).

В итоге научных изысканий ученого восполнены значительные пробелы в процессах социополитогенеза не только на региональном, но и на субрегиональном уровне. Особенно это касается истории адыгов. Ученый выявил роль Хазарского каганата в политической консолидации адыгских общностей и в образовании раннесредневекового адыгского государства, когда в 60–80-е годы VIII в. под протекторатом кагана были консолидированы все адыгские общности под властью представителя старой адыгской княжеской династии Кеса Инала Акабгу. В значительной мере этот сюжет разработан на основе исторической интерпретации адыгских преданий об истории возникновения их собственного первого раннесредневекового государства. Ученый подчеркивает, что «сказание об Инале, сохранившееся в устной адыгской традиции как часть генеалогического предания, отражает историческую реальность» (Гадло

1978: 33). Он придает ему большое значение как новому источнику средневековой истории Кавказа, который позволяет полнее представить существо процессов, происходивших внутри адыгской общности.

Генеалогические предания вкупе с разработками по церковной истории адыгов позволяют ученому комплексно исследовать также ряд аспектов адыгской (черкесской) феодальной государственности, выявить признаки ее формирования (*Гадло* 2005: 450–454; *Гадло* 1978: 30) и дискретный характер развития центробежных сил в адыгской общности на протяжении всего Средневековья.

Четвертый этап социополитогенеза периода раннего средневековья датирован X–XIII вв. А.В. Гадло характеризует его как период феодальной раздробленности, когда сформировались автономные государственные образования и раннефеодальные народности (*Гадло* 2004: 343, 357), к которым прямо или косвенно восходят все современные этнические общности Северного Кавказа (*Гадло* 1994: 3).

Как показал А.В. Гадло, крушение Хазарии под ударами дружин Святослава в 965 г. привело к совершенно новому раскладу политических сил в регионе. Также произошла смена населения и разрыв культурных традиций в предкавказской степи. В горах и предгорьях, напротив, наблюдался интенсивный подъем хозяйства и культуры. Политический приоритет в зоне степи на два столетия перешел к возникшему на базе овесского союза Аланскому царству (*Гадло* 1979: 212). В XI–XII вв. социальная верхушка овсов трансформировалась в феодальный класс. Раннефеодальное Аланское государство являлось одним из крупных и сильных политических объединений на юго-востоке Европы.

А.В. Гадло подтверждает устоявшееся представление о характере внутренних связей и форме государственного устройства Аланского царства (*Пиотровский* 1988: 145) как конфедерации ряда этнополитических подразделений Северного Кавказа – отдельных групп вайнахов, части адыгов-касогов, тюрок. Ученым уточнена локализация первоначальной территории расселения аланских кочевых племен на Предкавказской низменности (*Гадло* 1979: 165).

Значительный интерес представляет анализ А.В. Гадло процессов социополитогенеза восточнее и западнее Аланского царства, соответственно, в Сарирском царстве и в Стране Каса– Стране адыгов «в широком значении этого этнонима» (*Гадло* 1994: 22). Оба этих политических объединения отличались от Аланской конфедерации меньшей степенью политической консолидации, дискретностью процесса централизации власти. А.В. Гадло показал изменения границ Сарира в X–XIII вв. Наибольшая централизация имела место на хунзахском плато и Присулакском районе, где сложилась раннесредневековая аварская народность. Ученый представил систему политической власти в Сарирском царстве и соседних, находившихся с ним в тесном общении, Самандаре, превратившемся в XI в. в Кайтагское уцмийство, Кумухском шахбалстве (Гумик), царстве Зерихгеране и Дербентском эмирате (*Гадло* 2004: 356).

Большой интерес вызывает подход А.В. Гадло к изучению процессов социополитогенеза на адыгских землях, значительное их вовлечение в орбиту внешней политики Византийской империи и Киевской Руси. Ученый приходит к выводу о формировании в эту эпоху геополитической роли Тамани в Азово-Каспийско-Черноморском регионе: «С этого периода, – пишет историк, – через Тамань идет основной поток информации о процессах, проходивших в глубинах Северного Кавказа, и вокруг Тамани завязываются основные политические и этнополитические узлы истории региона» (*Гадло* 1994: 57).

В соответствии с этой новой политической реальностью эпохи ученый строит свой источниковедческий анализ. Он рассматривает сведения византийской литературы, русских летописей и черкесских генеалогических преданий в комплексе, чего ранее до него никто не делал. Такой подход не только обогатил фактографический ряд истории региона, но и позволил глубже понять причинно-следственные связи имевших место событий, внести уточнения в их хронологию. Историком показана тесная взаимосвязь между процессами развития адыгской государственности, государственности Киевской Руси и стремлением Византии к установлению контроля над самой богатой областью Причерноморья того периода – Таматархой (Тамтаракаем, Тмутараканью) (Гадло 1994: 87, 88).

Ключом к новому прочтению старых источников становится расшифровка этнонима-маски «тматороканские хазары». Под ней, как выясняет историк, скрывалось полиэтническое население, в котором преобладали выходцы из булгаро-хазар, адыгских и русских княжеств (Гадло 2004: 356). А.В. Гадло сделан вывод, что после разгрома Хазарского каганата в 965 г. дельта Кубани полностью оказалась под контролем адыгов (касогов), а Таматарха, являвшаяся крупнейшим торгово-ремесленным пунктом, от которого начинался «Хазарский путь» вглубь Восточной Европы и Средней Азии, стала в основном адыгским городом (Гадло 2009: 87). Ученым выявлена природа этого города-феодала, характеризующаяся им как «автаркичная территориальная (городская) община-государство, подобная Херсону и Крыму» (Гадло 1994: 79), а также Дербенту, власть которой распространялась, как на саму округу, так и на прилежащую к нему аграрную периферию.

Ученым исследован вопрос о дате установления русского протектората над Таматархой (Тамтаракаем, Тмутараканью), показано, что все свидетельства, стремящиеся доказать, что «русское княжение в Тматорокани – возникло до 943–944 гг. или в эти годы, выглядят домыслом» (Гадло 2005: 457), что это событие имело место в 986–987 гг. (Гадло 1994: 81). Другое уточнение касается даты установления власти князя Мстислава над значительной частью адыгской общности: доказано, что оно могло иметь место не в 1022 г., как на это указывает «Повесть временных лет» (Адрианова-Перетц 1950: 99), а в 1016–1017 гг. (Гадло 2006: 440).

А.В. Гадло обращал особое внимание на вопрос принципов сосуществования Касожского и Тмутараканского княжеств. Им отмечено, что после того, как в дельте Кубани обосновалась русская дружина и было образовано Тмутараканское княжество (Гадло 2001: 49), как это сложилось в феодальную эпоху, русский князь присвоил себе лишь prerogatives высшей власти, сохранив социально-политическую структуру и самоуправление местного населения. А.В. Гадло показывает глубокую связь с адыгским миром князя Мстислава, назвавшего единственного сына необычным для русской княжеской семьи, но популярным на Кавказе христианским именем Евстафий (Гадло 2006: 442, 445). После смерти Евстафия в 1033 г. Мстислав (ум. в 1036 г.) посадил на княжение в Тмутаракани своего зятя – одного из воспитанных им сыновей касожского князя Ридады (Редеди), женатой на дочери Мстислава (Гадло 2006: 442, 450).

Сопоставление сведений русских летописей и адыгских (черкесских) преданий, фактография которых в значительной мере совпадает, позволяет ученому по-новому взглянуть на причинно-следственные связи, лежавшие в основе описанного в «Повести временных лет» (Адрианова-Перетц 1950: 99) и в адыгских преданиях поединка

тмутараканского князя Мстислава и Ридады (Редеди) Касожского. Ученым убедительно показано, что их поединок был направлен на консолидацию всей адыгской общности под своей властью. Если для князя Ридады «Тмутаракань была порогом, через который надо было переступить, чтобы завершить строительство адыгского государства» (Гадло 2006: 447), то для князя Мстислава это был шаг к консолидации крупной этнической общности с большим военным потенциалом для борьбы за удел на Руси (Гадло 1994: 88, 89). Ученым показано, что опора на касожские войска позволила Мстиславу получить в удел Муром и Чернигов.

Несмотря на то, что каждый из этапов социополитогенеза народов Северного Кавказа в раннее Средневековье имел свою особенную социально-политическую и этническую «наполненность», концепция А.В. Гадло выявляет определенные закономерности и преемственность в формах хозяйственной жизни, социальной организации и политической консолидации этнических общностей. Ученым на основе комплексного регионального и субрегионального анализа в значительной мере пополнен фактографический ряд исторических событий в период «темного» раннего Средневековья, внесены уточнения в хронологию и характер событий. А.В. Гадло на основе научных изысканий приходит к фундаментальному выводу: «В течение второй половины I тыс. н.э. Северный Кавказ не оставался в стороне от того пути, по которому шло развитие других регионов Старого Света» (Гадло 1979: 210). В этом контексте значительный интерес представляет периодизация социополитогенеза народов Северного Кавказа и заключение, что универсальной формой политической интеграции в регионе в IV–XIII вв. выступала конфедерация.

Примечания:

- ¹ Первое упоминание *зихов* относится к 26 г. н. э. в «Географии» Страбона (Аталиков 2004: 83). Этноним *зихи* использовался в европейской литературной традиции для обозначения всех адыгов вплоть до позднего Средневековья. Наименование *зихи* восходит к корню *зих* несохранившейся промежуточной формы *а-дзыгэ* (адыгэ) (Иллич-Свитыч 1965: 336). Этноним *касого* (*косогдиане*) впервые встречается у Епифания в VIII в. (Василевский 1909: 226). *Хы* – черк. *море*. У С. Хан-Гирея лексема *хегайк* (черк. *поморы*) транслитерирована как *хеххад-чъцы* (Хан-Гирей 2009: 165), у Ш. Б. Ногмова – *кеггахы* (Ногмов 1994: 103).
- ² В отечественной историографии нет единого мнения о дате возведения Зихской архиепископии в ранг митрополии. Митрополит Макарий (Булгаков), основываясь на сведениях Созомена, пишет, что в Зихии «постоянно сохранялся древний обычай, по которому церквями всей провинции, несмотря на многочисленность ея городов, всегда управлял только один Епископ» (Макарий (Булгаков) 1994: 107). Следовательно, архиепископ Зихии фактически имел ранг митрополита задолго до XII в., относительно которого имеются археологические источники о митрополичьем статусе главы Зихской архиепископии, – печать митрополита Матрахи Константина (XII в.) (Чхаидзе, Устаева 2009: 201).
- ³ Зливкинская культура (степной вариант салтово-маяцкой культуры) признана основным «палео-этнографическим признаком, связывавшим все степные общности, объединенные политической системой Хазарского каганата» с середины VIII по 60–70-е годы X века (Гадло 1994: 35).

Литература

- Адрианова-Перетц 1950 – Повесть временных лет: в 2-х ч. / под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. Ч. 1.
- Аталиков 2004 – Античные источники о Северном Кавказе / сост. В.М. Аталиков. Нальчик: Эль-Фа, 2004.
- Василевский 1909 – Василевский В.Г. Труды. СПб.: Типография Императорской академии

- наук, 1909. Т. II. Вып. I.
- Волкова 1985 – Волкова Н.Г. Этническая история: содержание понятия // Советская этнография. 1985. № 5. С. 16–25.
- Гадло 2009 – Гадло А.В. Адыги во второй половине I тысячелетия (V–X вв.) / История Адыгеев с древнейших времен до начала XX в. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное изд-во, 2009. С. 64–97.
- Гадло 1991 – Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья / Из истории Византии и византиноведения. Межвузовский сборник / под ред. Г.Л. Курбатова. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. С. 93–106.
- Гадло 1982 – Гадло А.В. Кавказская археолого-этнографическая экспедиция 1966–1981 гг. (краткие итоги работы) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История. Язык. Литература, 1982. Вып. 1. С. 18–22.
- Гадло 1978 – Гадло А.В. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России: Статьи и очерки к 70-летию со дня рождения проф. В.В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. С. 25–33.
- Гадло 2001 – Гадло А.В. Крещение Руси и события 987–995 годов в Дербенде / Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова / отв. ред. В.В. Пузанов. СПб; Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2001. С. 48–56.
- Гадло 1984 – Гадло А.В. К этнической истории адыгских племенных объединений (сагины-шегаки) / XIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Майкоп: Б.и., 1984. С. 70–72.
- Гадло 1986 – Гадло А. В. Об одном средневековом наименовании адыгов / Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений, апрель 1985 г. / под ред. В.П. Курылева. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1986. С. 10–11.
- Гадло 2006 – Гадло А. В. Поединок Мстислава с Редедей, его политический фон и исторические последствия // Исторический вестник. Вып. III. Нальчик: Республиканский полиграфический комбинат им. Революции 1905 г. ИЦ «Эль-Фа», 2006. С. 437–454.
- Гадло 2005 – Гадло А.В. Тматороканские этюды. II. (Держава князя Инала и его потомков) // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик: Республиканский полиграфический комбинат им. Революции 1905 г. ИЦ «Эль-Фа», 2005. С. 447–465.
- Гадло 2004 – Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004.
- Гадло 1979 – Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979.
- Гадло 1994 – Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994.
- Дворниченко 2004 – Дворниченко А.Ю. Александр Вильямович Гадло (1937–2002) – исследователь древностей Крыма и Кавказа / Гадло А.В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. С. 3–20.
- Дворниченко, Верняев, Карпов, Козьмин 2004 – Дворниченко А.Ю., Верняев И.И., Карпов Ю.Ю., Козьмин В. А. Памяти Александра Вильямовича Гадло (вместо предисловия) // Динамика этнической культуры народов России: Сборник статей памяти профессора А.В. Гадло / отв. ред. В. А. Козьмин. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2004. С. 3–15.
- Иллич-Свитыч 1965 – Иллич-Свитыч В.И. Caucasica // Этимология, 1964. М.: Наука, 1965. С. 334–337.
- Макарий (Булгаков) 1994 – Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Кн. I. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.

- Ногмов 1994 – Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / сост. Т.Х. Кумыков. Нальчик: Эльбрус, 1994.
- Пиотровский 1988 – История народов Северного Кавказа: в 2 т. М.: Наука, 1988. Т. I (с древнейших времен до конца XVIII в.) / под ред. акад. Б.Б. Пиотровского.
- Хан-Гирей 2009 – Хан-Гирей С. Избранные труды и документы / сост. М. Н. Губжоков. Майкоп: ОАО «Полиграф-Юг», 2009.
- Чхаидзе, Устаева 2009 – Чхаидзе В.Н., Устаева Э.Р. Византийские печати из раскопок Таманского городища // Византийский временник. М.: Наука, 2009. Т. 68. № 93. С. 194–202.

References

- Antichnye istochniki o Severnom Kavkaze. V M. Atalikov (ed.). Nalchik: El'-Fa, 2004.
- Chkhaidze V.N., Ustaeva E.R. Vizantiiskie pečati iz raskopok Tamanskogo gorodishcha. Vizantiiskii vremennik. Moscow: Nauka, 2009. Vol. 68. No. 93. Pp. 194–202.
- Dvornichenko A. Iu. Aleksandr Vil'iamovich Gadlo (1937–2002) – issledovatel' drevnostei Kryma i Kavkaza. Gadlo A.V. Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004. Pp. 3–20.
- Dvornichenko A.Iu., Verniaev I.I., Karpov Iu.Iu., Kozmin V.A. Pamiati Aleksandra Vil'iamovicha Gadlo (vmesto predisloviia). Dinamika etnicheskoi kul'tury narodov Rossii: Sbornik statei pamiati professora A.V. Gadlo. V.A. Koz'min (ed.). St.-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2004. Pp. 3–15.
- Gadlo A.V. Adygi vo vtoroi polovine I tysiacheletii (V–X vv.). Istoriia Adygei s drevneishikh времен do nachala XX v. Maikop: Adygeiskoe respublikanskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009. Pp. 64–97.
- Gadlo A.V. Vizantiiskie svidetel'stva o Zikhskoj eparkhii kak istochnik po istorii Severo-Vostochnogo Prichernomor'ia. Iz istorii Vizantii i vizantinovedeniia. Mezhvuzovskii sbornik. G.L. Kurbatova (ed.). Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991. Pp. 93–106.
- Gadlo A.V. Kavkazskaia arkheologo-etnograficheskaja ekspeditsiia 1966–1981 gg. (kratkie itogi raboty). Vestnik Leningradskogo universiteta. Ser. 2. Istoriia. Iazyk. Literatura. 1982. Vol. 1. Pp. 18–22.
- Gadlo A.V. Kniaz' Inal adygo-kabardinskikh rodoslovnykh / Iz istorii feodal'noi Rossii: Stat'i i ocherki k 70-letiiu so dnia rozhdeniia prof. V.V. Mavrodina. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1978. Pp. 25–33.
- Gadlo A.V. Kreshchenie Rusi i sobytiia 987–995 godov v Derbende. Issledovaniia po russkoi istorii. Sbornik statei k 65-letiiu professora I.Ia. Froianova. V.V. Puzanov (ed.). St.-Peterburgh; Izhevsk: Izdatel'stvo Udmurtskogo universiteta, 2001. Pp. 48–56.
- Gadlo A.V. K etnicheskoi istorii adygskikh plemennykh ob'edinenii (saginy-shegaki). XIII “Krupnovskie chteniia” po arkheologii Severnogo Kavkaza (tezisy dokladov). Maikop: Bez izdatel'stva, 1984. Pp. 70–72.
- Gadlo A.V. Ob odnom srednevekovom naimenovanii adygov. Kratkoe sodержanie dokladov sredneaziatsko-kavkazskikh chtenii, aprel' 1985 g. V.P. Kuryleva (ed.). Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1986. Pp. 10–11.
- Gadlo A.V. Poedinok Mstislava s Rededei, ego politicheskii fon i istoricheskie posledstviia. Istoriicheskii vestnik. Vol. III. Nalchik: Respublikanskii poligraficheskii kombinat im. Revoliutsii 1905 g. Izdatel'stvo “El'-Fa”, 2006. Pp. 437–454.
- Gadlo A.V. Tmutorokanskije etiudy. II. (Derzhava kniazia Inala i ego potomkov). Istoriicheskii vestnik. Vyp. II. Nal'chik: Respublikanskii poligraficheskii kombinat im. Revoliutsii 1905 g. Izdatel'stvo “El'-Fa”, 2005. Pp. 447–465.
- Gadlo A.V. Predystoriia Priazovskoi Rusi. Ocherki istorii russkogo kniazheniia na Severnom Kavkaze. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2004.

- Gadlo A.V. Etnicheskaia istoriia Severnogo Kavkaza IV–X vv. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1979.
- Gadlo A.V. Etnicheskaia istoriia Severnogo Kavkaza X–XIII vv. St.-Petersburg: Izdatel'stvo universiteta, 1994.
- Illich-Svitych V.I. Caucasica / Etimologiya. 1964. Moscow: Nauka, 1965. Pp. 334–337.
- Istoriia narodov Severnogo Kavkaza: v 2 t. (s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.). akad. B.B. Piotrovskogo (ed.). Moscow: Nauka, 1988. Vol. I
- Khan-Girei S. Izbrannye trudy i dokumenty. M.N. Gubzhokov (ed.). Maikop: Poligraf-Iug, 2009.
- Makarii (Bulgakov), mitropolit Moskovskii i Kolomenskii. Istoriia Russkoi tserkvi. Kn. I. Istoriia khristianstva v Rossii do ravnoapostol'nogo kniazia Vladimira kak vvedenie v istoriiu russkoi tserkvi. Moscow: Izd-vo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1994.
- Nogmov Sh.B. Istoriia adykheiskogo naroda, sostavleniia po predaniiam kabardintsev. T.Kh. Kumykov (ed.). Nalchik: Elbrus, 1994.
- Povest' vremennykh let: v 2-kh ch. V.P. Adrianovoi-Peretts (ed.). Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk USSR, 1950. Ch. 1.
- Vasilevskij V.G. Trudy. Vol. II. Vyp. I. St.-Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1909.
- Volkova N.G. Etnicheskaia istoriia: sodержanie poniatii. Sovetskaia etnografiia, 1985. No. 5. Pp. 16–25.

F.A. Ozova. A.V. Gadlo's contribution to Caucasus studies.

The article has been prepared in honor of the 80-th anniversary of the birthday of an outstanding national historian A.V. Gadlo (1937–2017), who has made a major contribution to the development of the best traditions of studies of the history of Northern Caucasus. Special attention is paid in the article to the analysis of the discovered by the scientist regularities of the ethnic, social, political history of Northern Caucasus region in the period of the early Middle Ages, as well as to the Russian and Caucasian relations of that period. The creation of the concept of the development of Northern Caucasus in the period of the IV–XIII centuries has become the main achievement of A.V. Gadlo; the fundamental conclusion of the scientist consists in the fact that the peoples of Northern Caucasus developed in the same vein as peoples of the European Continent.

Key words: A.V. Gadlo, Caucasus studies, IV–XIII cent., ethnic history, the peoples of Northern Caucasus.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 39+ 655.552

© С.В. Чешко

**РЕЦ. НА: ЭТНИЧЕСКАЯ И
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА КРЫМА.
ОРГАНИЗАЦИЯ МОНИТОРИНГА
И РАННЕГО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКИХ И РЕЛИГИОЗНЫХ
КОНФЛИКТОВ (РЕД. В.Ю. ЗОРИН,
Р.А. СТАРЧЕНКО, В.В. СТЕПАНОВ). – М.:
ИЭА РАН, 2017. – 216 с., 42 КАРТОГР. ИЛЛ.**

Рецензируемая книга заслуживает, на мой взгляд, особого внимания. На сегодня она является наиболее полным и серьезным синопсисом результатом полевых исследований в Крыму после его *возвращения* в Россию.

Составители книги пишут: «В коллективной монографии представлены результаты серии уникальных исследований в сфере этнологического мониторинга в Крыму на протяжении 2013–2017 гг. Изучено развитие этнополитической ситуации в условиях социальных и экономических трудностей и непростой международной обстановки после Крымского референдума и воссоединения Крыма с Российской Федерацией. На институциональном уровне, в средствах массовой информации, в среде общественных и религиозных организаций, в разных социальных группах населения анализируются общественные процессы, связанные с гражданской, этнической и языковой идентичностью, формированием гражданской солидарности» (Аннотация).

И далее: «Данная коллективная монография представляет результаты исследований Института этнологии и антропологии Российской академии наук (ИЭА РАН) при научном сотрудничестве с коллегами из Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского и научных центров. Исследования проведены в Крыму в 2013–2017 годы, самый острый общественно-политический период послесоветских лет» (С. 5).

Книга содержит огромное количество очень полезных данных, полученных в результате социологических исследований. Авторы пишут об истории «крымского вопроса» в постсоветское время, об этнической, социально-политической обстановке на полуострове, реакции местного населения на киевское владычество и на последствия возвращения Крыма в состав Российской Федерации. Особое внимание уделяется межэтническим отношениям, и общий вывод заключается в том, что в ны-

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

нешнем Крыму нет серьезных коллизий в этой сфере. Дается серьезный анализ результатов переписи населения в Крыму, прошедшей в 2014 г.: исследуются языковые процессы, особенности этнического самосознания разных групп крымчан. Очень любопытны данные о двойной этнической идентичности, полученные в результате опроса, проведенного сразу после переписи (с. 27). 6,5% (!) опрошенных указали такую идентичность. Это еще один повод в очередной раз поставить вопрос о включении такого параметра в следующую Всероссийскую перепись населения. Право же, его замер будет стоить потраченных денег и усилий.

Интересны и сведения о соотношении этнической и гражданской идентичности: проведенные исследования показали, что конфликта между ними в Крыму нет.

Отдельные разделы книги посвящены этнической политике в Крыму после его вхождения в состав России, деятельности общественных этнокультурных организаций и их взаимодействию с местными органами власти.

Очень привлекает то, что книга абсолютно лишена идеологических клише. Я даже удивился, что в ней нет ничего типа российского «ура-патриотизма». Наоборот, практически во всех главах указывается на амбивалентность отношения крымчан к происходящим эволюциям в их жизни. Особое внимание уделено сложным и противоречивым социально-экономическим проблемам полуострова, иммиграции россиян в Крым, что, естественно, усугубляет проблему занятости, неоднозначной ситуации в области межэтнических отношений. Но общая тенденция в настроениях коренных крымчан, как это явствует из результатов проведенных исследований, состоит в том, что крымчане не пожалели, что Крым «вернулся в свою гавань», а существующие трудности в жизни сегодняшнего Крыма объясняются, главным образом, естественными противоречиями переходного периода.

К сожалению, есть в книге, на мой взгляд, и недостатки. Хотя они неизбежно присутствуют в любой публикации. Перестаю понимать, что такое «социологические исследования», которые и стали базой для данной публикации. Тем более, что один из параграфов книги называется «Межэтнические отношения в Крыму по этнографическим данным». А в других разделах приводятся интервью с респондентами. Где социология и где этнология? Авторы вообще-то понимают, каким инструментарием пользуются? Впрочем, это можно объяснить явно ощутимым методологическим беспорядком в отечественной науке.

Не понимаю также, как результаты только переписи населения в Крыму могут свидетельствовать о следующем: «Совпадение общественных мнений по многим важнейшим для всего населения Крыма вопросам свидетельствует об отсутствии на полуострове резких этнических и иных социальных барьеров и конфронтации» (С. 91). А там речь шла, в основном, о языковых аспектах переписи, которые давным-давно вызывают серьезные дискуссии, да и в самой книге указывается на соответствующие проблемы. Получилось так, что авторы сделали верный, по моему мнению, вывод, но он основывается на недостаточных для каких-либо выводов источниках.

Наконец, так публикации не делаются. Рецензируемая книга – это, по сути, сборник (хороший, важный) статей отдельных авторов, но отнюдь не монографическое (коллективное) исследование. Многие разделы тематически повторяют друг друга, в результате чего книга несколько похожа на лоскутное одеяло.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2017 Г.

	№	Стр.
Этногенетические исследования		
<i>Абрамова А.Н.</i> Osteометрическая характеристика меотов Прикубанья VI в. до н.э. – III в. н.э.	2(38)	5
<i>Куфтерин В.В., Дубова Н.А.</i> Краниология «эфталитов» по материалам могильника Шахидон (Южный Таджикистан).	2(38)	20
<i>Юсупов Ю.М., Балановская Е.В., Сабитов Ж.М., Балановский О.П.</i> Комплексные исследования этногенеза: союз геногеографии и этнографии.	2(38)	28
Современные трансформационные процессы и этнологическая наука		
<i>Губогло М.Н.</i> Концепт «советскости» в этнологическом контексте.	3(39)	4
<i>Игнатъев Р.Н., Никитин М.А.</i> Экспериментальная антропология.	2(38)	36
<i>Хазанов А.М.</i> После социализма: Судьбы скотоводства в Центральной Азии, Монголии и России.	2(38)	45
<i>Чешко С.В.</i> Мультикультурализм или культурный промискуитет?	2(38)	27
Этнокультурные процессы в современном мире		
<i>Арутюнов С.А.</i> Этничность, сходящая на нет.	1(37)	41
Физическая (биологическая) антропология		
<i>Агджоян А.Т., Качанов Н.В., Юсупов Ю.М., Макмак Н.И., Мустафаева Л.А., Атраментова Л.А., Балановская Л.В.</i> Генетическая летопись Крымского полуострова по данным о генофонде караимов, крымских татар и греков.	3(39)	91
<i>Габучан А.В., Князь В.А., Большаков Г.В.</i> Одонтометрические и окклюзиометрические исследования на компьютерных трехмерных изображениях премоляров и моляров.	3(39)	98

<i>Герасимова М.М., Година Е.З., Лейбова Н.А.</i> Бунаковские чтения.	1(37)	4
<i>Великанова М.С.</i> О Георгии Францевиче Дебеце – ученом и человеке.	1(37)	12
<i>Калмин О.В., Калмина О.А., Иконников Д.С.</i> Особенности посткраниального скелета жителей Пензы XVII–XVIII вв.	3(39)	116
<i>Комаров С.Г.</i> Население г. Лебедянь XVIII в. по данным краниологии.	4(40)	5
<i>Помазанов Н.Н.</i> Вековые особенности кефалометрического разнообразия у мужчин южного региона Беларуси в связи с проблемой эпохальной изменчивости морфологии черепа.	3(39)	138
<i>Саливон И.И.</i> Изменения основных размеров головы, лица и тела у городских школьников Беларуси в течение трех последних десятилетий.	1(37)	24

Русские за рубежом

<i>Иникова С.А.</i> Российские скопцы в Румынии. Часть I.	3(39)	41
<i>Иникова С.А.</i> Российские скопцы в Румынии. Часть II.	4(40)	47

Кавказские исследования

<i>Бигуаа В.Л.</i> Абхазское Рождество: обрядовая практика и архаические корни празднества.	1(37)	63
<i>Зельницкая (Шларба) Р.Ш.</i> Распространение шелководства в Закавказье: исторический и этнографический аспекты.	1(37)	73

Среднеазиатские исследования

<i>Алишина Х.Ч., Брынза Т.В., Сарсамбекова А.С.</i> Пища казахов в российских и казахстанских городах (первая четверть XXI века).	4(40)	21
<i>Искандаров Ш.А.</i> Некоторые рассуждения об этнической истории арабов Узбекистана и связанных с ней этнотопонимах.	4(40)	38

Антропологическая мозаика

<i>Белова Н.А.</i> Молодежь и мигранты в провинции: проблемы и основные тенденции межнациональных отношений (на примере г. Костромы).	1(37)	82
---	-------	----

<i>Бигуаа В.Л.</i> Амшапы – Абхазская Пасха: обрядовая практика культа и его архаические корни.	4(40)	70
<i>Казиев С.Ш.</i> Доверие: концепты и историческая реальность.	3(39)	60
<i>Малькова В.К.</i> Этика и СМИ.	3(39)	77
<i>Самойлова Е.В.</i> Коды кормления и битья (запугивания) в системе аграрных практик: Феномен параллелизма и взаимозамещения.	1(37)	95
<i>Снежкова И.А.</i> Россия, Украина, Белоруссия, Евросоз, США в представлениях российских студентов: на пути к поискам взаимопонимания.	4(40)	87
<i>Шаповалов В.А.</i> «Барский двор – хуже петли»: негативный образ помещика в русских народных пословицах и поговорках.	4(40)	98

Дискуссии

<i>Арутюнов С.А.</i> Куда ты, черепаха?	3(39)	153
<i>Кузнецов А.М.</i> Кто вы, профессор Широкогоров? Или, осторожно – фальсификация.	4(40)	107

Прикладные исследования

<i>Веселкова Д.В., Гончарова Н.Н., Абрамов А.С.</i> Морфологическая типология лица и возможности ее применения для идентификации личности.	2(38)	86
--	-------	----

Полевые материалы

<i>Квашнин Ю.Н., Сенько Р.И.</i> Что от вас ушло, то к нам пришло (селькупский шалаш у тундровых ненцев).	1(37)	112
<i>Головачев В.Ц.</i> Путешествие П.И. Ибиса на Тайвань в 1875 г.: тематика, методика и инструментарий этнологического исследования.	2(38)	98

История науки

<i>Карлов В.В.</i> Научное наследие Л.П. Лашука: разработка историко-социологических подходов в этнологии.	1(37)	125
--	-------	-----

A Propos

Чешко С.В. Российская нация. 1(37) 144

Методика полевых исследований

Ямсков А.Н. Как с помощью похозяйственных книг узнать то, чего в них не записано. 4(40) 119

Для студентов и аспирантов

Баринова Е.Б. Порядок обучения в аспирантуре Института Этнологии и Антропологии РАН. 1(37) 136

Науковедение

Губогло М.Н. «Три источника и три составные части» этнической идентичности. 2(38) 113

Обзоры и рецензии

Анчабадзе Ю.Д. Рец. на: Антропология Медиа: Теория и практика / Под. ред. В.К. Мальковой, В.А. Тишкова. М.: ИЭА РАН, 2016. – 302 с. 2(38) 136

Каландаров Т.С. Рец. на: *Дафтари Ф.* Исмаилиты. Исторический словарь. Пер. с англ. Л.Р. Додыхудоевой. М.: Наталис, 2015. – 336 с. (Farhad Daftary. Historical Dictionary of the Ismailis. Lanham: The Scarecrow Press, Inc., 2012). 4(40) 133

Кириченко О.В. Рец.: *Табolina Т.В.* «Русский дом на Тубабао. М.: Даръ, 2016. – 192 с. 3(39) 160

Чешко С.В. Рец. на: Культурная сложность современных наций / отв. ред. В. А. Тишков, Е. И. Филиппова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 384 с.: ил. 2(38) 140

Чешко С.В. Рец. на: *Соколова З.П.* Этнограф в поле. Западная Сибирь. 1950–1980-е годы. Полевые материалы, научные отчеты и докладные записки. М.: Наука, 2016. – 942 с. 3(39) 165

CONTENTS

Anthropologist's reflections

- Aruunov S.A.* My Diaspora. 5

Physical (biological) Anthropology

- Kravchenko G.G., Kravchenko D.G., Rykun M.P., Solodovnikov K.N., Khokhlov A.A.* The creation experience of a database on paleoanthropological materials of the populations of Yamnaya and Afanasyevo related culture group of the Early Metal Age of Eurasia - results and prospects. 24
- Makarova E.M.* New data on anthropology of Sviyazhsk (preliminary results). 35

Experimental Anthropology

- Ryzhakova S.I.* Firangi: strangers, turned into Indians. Life as an ethnographical experiment. 48
- Chininov I.V.* The main research directions of anthropological Science in SETI ("Search for Extraterrestrial Intelligence"). 60
- Cheshko S.V.* «Experimental Anthropology». Two turtles meet... 69

Anthropological Mosaic

- Burlina E.Ya.* Cross-cultural Aspects of ethnological Transformations. 75
- Kappasov M.M.* Sultan economics in the Lbischensky District of the Ural Region at the beginning of the XX century. 83
- Sergis Manolis G.* Donkeys in Love on the Roof: A Case Study of a "strange" custom in a Greek island Community. 97

History of Science

- Ozova F.A.* A.V. Gadlo's contribution to Caucasus studies. 117

Reviews

- Cheshko S.V.* Review to: Этническая и политическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов (ред. В.Ю. Зорин, Р.А. Старченко, В.В. Степанов). – М.: ИЭА РАН, 2017. – 216 С., 42 картогр. илл. 129

- Index of articles and materials published in 2017.** 131

- Our Authors** 136

- Rules for Authors** 137

OUR AUTHORS

Arutyunov Sergey – Institute of Ethnology and anthropology, Russian Academy of Sciences. E-mail: gusaba@iea.ras.ru.

Burlina Elena – Samara state medical University. E-mail: bis17@mail.ru.

Cheshko Sergey – Institute of Ethnology and anthropology, Russian Academy of Sciences. E-mail: ieamoscow@mail.ru.

Chininov Igor – Institute of Ethnology and anthropology, Russian Academy of Sciences. E-mail: chininov@mail.ru.

Kappasov Marat – School Western Kazakhstan region, Terekty district, village Bogdanovka. E-mail: kap_marat@mail.ru.

Khokhlov Alexander – Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russia). E-mail: khokhlov_aa@mail.ru

Kravchenko Gennady – National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: ggk_07@mail.ru

Kravchenko Dmitry – National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kd2@mail.ru

Makarova Ekaterina – Kazan Federal University. E-mail: ekaterina.m.makarova@gmail.com

Ozowa Fatima – Karachay-Cherkess Institute of humanitarian studies under the government of the Karachay-Cherkess Republic. El Republic. Эл. почта: fo7799@rambler.ru.

Rykun Marina – National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: m_rykun@mail.ru

Ryzhakova Svetlana – Institute of Ethnology and anthropology, Russian Academy of Sciences. E-mail: SRyzhakova@gmail.com.

Sergis Manolis G. – Democritus University of Thrace (Greece). E-mail: msergis@otenet.gr.

Solodovnikov Konstantin – Federal State Institution Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: solodk@list.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК НА ИСТОЧНИКИ И СПИСКОВ ЛИТЕРАТУРЫ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Рукопись должна иметь списки литературы **на русском и английском (References) языках**, имеющие сквозную нумерацию. Каждый источник в соответствующем списке литературы **нумеруется последовательно**, в порядке очередности появления концевой ссылки на него в тексте.

Т.е. в тексте раньше было «При морфологическом описании серий использованы таблицы краниометрических констант (Алексеев, Дебец 1964)»

Список литературы:

Алексеев, Дебец 1966 – Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964.

Будет: При морфологическом описании серий использованы таблицы краниометрических констант [1]

А в списке литературы:

1. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. *Краниометрия. Методика антропологических исследований*. М.: Наука, 1964.

1.2. В список литературы должны быть включены все источники, использованные при подготовке рукописи. Общее количество литературы (монографий и статей) не должно превышать 20 наименований (источники не считаются).

1.3. **Обращаем Ваше внимание, что теперь сноски-комментарии авторов постраничные.** На одной странице должно быть не более 4 сносок, ранее сноски были концевыми.

1.4. Постраничные ссылки используются только для авторских примечаний, комментариев, добавлений и т.д. При этом для постраничных ссылок действуют следующие правила оформления: фамилия и инициалы автора выделяются курсивом, между инициалами не должно быть пробела, перед местом и годом издания, а также перед указанием тома, номера издания и страницы тире не ставится. Название издательства не указывается. После года издания ставится точка, количество страниц не указывается. Для Интернет-источников перед адресом страницы в Сети Интернет дается соответствующее указание «URL:», а после в скобках – дата обращения (при наличии). Шрифт – TimesNewRoman, кегль – 10, через 1 интервал, нумерация – сквозная.

НАПРИМЕР:

¹ Лисин приписывал себе все те страдания, которые были описаны К. Селивановым в его «Страдах». Автор Б.Б. Мудрые мысли великих людей. М., 2015. С. 33.

² Православные говорят «Христос воскрес» только в период от Пасхи до Вознесения. Скопцы говорили эти слова в неурочное время, поскольку относили их к свершившемуся явлению (воскресению) Искупителя, а не И. Христа.

1.5. Концевые ссылки на источники и литературу в тексте, а также в таблицах и подрисуночных подписях обозначаются арабскими цифрами в квадратных скобках [1], при необходимости **после двоеточия указывается конкретная**

страница/страницы, откуда взята цитата [1: 3], [1: 3–4], [1: 3, 7], а **в случае с многотомными изданиями – номер тома римскими цифрами** [1: IV, 3–4]. Если ссылка относится к двум и более источникам, то каждый из них указывается в квадратных скобках через запятую [1], [2], [3] и т.д. Какие-либо сокращения («с.», «стр.», «т.» и т.д.) или вводные обозначения («см.:», «например:» и им подобные) внутри квадратных скобок не ставятся.

1.6. В списке литературы на русском языке при оформлении ссылок на книги (индивидуальные и коллективные монографии) должны быть указаны фамилия и инициалы автора (авторов) **БОЛЬШЕ НЕ ДАЕМ КУРСИВОМ, КУРСИВОМ ВЫДЕЛЯЕМ НАЗВАНИЕ КНИГИ**, место издания (без сокращений), название издательства (без кавычек), год издания, общее количество страниц (**без тире перед цифрами**). При оформлении ссылок на коллективные монографии указывается ответственный редактор (составитель). При оформлении ссылок на диссертации и авторефераты диссертаций используются общепринятые сокращения.

НАПРИМЕР:

1. Автор А.А. *Название книги*. Москва: Название издательства, 1996. 307 с.
2. Автор Б.Б., Автор С.С. *Название монографии*. Москва: Название издательства, 2015. 505 с.
3. Автор Д.Д., Автор Е.Е., отв. ред. *Название коллективной монографии*. Москва: Название издательства, 2010. 123 с.
4. *Название коллективной монографии*. Санкт-Петербург: Название издательства, 1999. 189 с.
5. Автор И.И. *Название диссертации*. Дисс. докт. полит. наук. Москва, 2013. 160 с.

1.7. При оформлении ссылок на статьи, опубликованные в научных журналах, указываются фамилия и инициалы автора (авторов), название статьи, **название журнала (курсивом)**, год издания, том и номер, диапазон страниц. Для интернет-публикаций указывается также электронный адрес и дата обращения (при наличии). Если источник имеет DOI, то его следует указать в конце библиографического описания.

НАПРИМЕР:

1. Автор А.А. Название статьи. *Название научного журнала*, 2015. № 7 (50), сс. 49–58
2. Автор Б.Б. Название статьи. *Название научного журнала*, 2011. Т. 12, № 6, сс. 15–23. DOI: 10.2118/1010-0030-JPT.
3. Автор С.С. Название статьи. *Название электронного научного журнала*. Доступ: <http://scientificjournal.shtml> (дата обращения: 14.01.2017).

1.8. При оформлении ссылок на публикации в сборниках статей (материалов конференций) или работ, опубликованных в рамках продолжающихся серий, указываются фамилия и инициалы автора, название статьи, название сборника или серии, место издания, издательство, год издания, диапазон стра-

ниц. Для интернет-публикаций указывается также электронный адрес и дата обращения (при наличии).

НАПРИМЕР:

1. Автор А.А. Название статьи. *Название сборника статей*. Вып. 2011 г Москва: Название издательства, 2011, сс. 324–335.
 2. Автор Б.Б. Название статьи. *Название сборника статей*. Ч. 5. 2016 г Москва: Название издательства, 2017, сс. 111–155.
 3. Автор С.С. Название статьи (доклада). *Название конференции. Материалы Международной научно-практической конференции «Название конференции»*. Москва: Название издательства, 2013, сс. 65–78.
 4. Автор В.В. Название статьи. *Название сборника статей*. Доступ: <http://scientificbigjournal.shtml> (дата обращения: 14.01.2017).
- 1.9. **В англоязычном списке литературы (References) вся информация о каждом источнике на русском языке должна быть транслитерирована на латиницу в соответствии с правилами транслитерации** (по стандарту BSI). Далее в обычных скобках на английском языке указывается, что данный источник является русскоязычным (**In Russ.**). **Далее в квадратных скобках следует дать перевод всей информации об источнике в соответствии с правилами английского языка.**

НАПРИМЕР:

1. Avtor A.A. *Nazvanie knigi*. Moskwa, Nazvanie izdatel'stva, 1996. 307 s. (In Russ.) [Author A.A. *The name of the book*. Moscow: The name of publishing house, 1996. 307 p.]
2. Avtor D.D., Avtor C.C., otv. red. *Nazvanie kollektivnoi monografii*. Moskwa: Nazvanie izdatel'stva, 2010. 123 s. (In Russ.) [Author D.D., Author C.C., eds. *The name of the book*. Moscow, The name of publishing house, 2010. 123 p.]
3. Avtor I.I. *Nazvanie dissertatsii*. Diss. dokt. polit. nauk. Moskva, 2013. 160 s. (In Russ.) [Author I.I. *The name of the thesis*. Dr. Diss. (Polit.). Moscow, 2013. 160 p.]
4. Avtor B.B. *Nazvanie stat'i. Nazvanie nauchnogo zhurnala*, 2015. № 7 (50), ss. 49–58. (In Russ.) [Author B.B. The name of the article. *The name of the scientific journal*, 2015, no. 5 (50), pp. 49–58.]
5. Avtor N.N. *Nazvanie stat'i. Nazvanie nauchnogo zhurnala*, 2011. T. 12. № 6, ss. 15–23. (In Russ.) DOI: 10.2118/1010-0030-JPT. [Author N.N. The name of the article. *The name of the scientific journal*, 2011. Vol. 12. No. 6, pp. 15–23. DOI: 10.2118/1010-0030-JPT.]
6. Avtor S.S. *Nazvanie stat'i. Nazvanie elektronnoho nauchnogo zhurnala*. Dostup: <http://scientificbigjournal.shtml> (data obrashcheniya: 14.01.2017). (In Russ.) [Author S.S. The name of the article. *The name of the scientific web-journal*. Available at: <http://scientificbigjournal.shtml> (accessed 14.01.2017).]

НАПРИМЕР:

1. Author A.A. *The title of the book*. New York, The name of publishing house, 2017. 345 p.

2. Author B.B. The title of the article. *The Name of Journal*, 2016, December 12, p. 89.
3. *United Nations today*. Available at: <http://www.un.org/index.html> (accessed 02.06.2015).

1.10. Правила транслитерации в соответствии с требованиями стандарта BSI:

Буквы русского алфавита	Транслитерация по стандарту BSI	Буквы русского алфавита	Транслитерация по стандарту BSI
А а	A a	Р р	R r
Б б	B b	С с	S s
В в	V v	Т т	T t
Г г	G g	У у	U u
Д д	D d	Ф ф	F f
Е е	E e	Х х	Kh kh
Ё ё	E e	Ц ц	Ts ts
Ж ж	Zh zh	Ч ч	Ch ch
З з	Z z	Ш ш	Sh sh
И и	I i	Щ щ	Shch shch
Й й	I i	Ъ ъ	” ”
К к	K k	Ы ы	Y y
Л л	L l	Ь ь	” ’
М м	M m	Э э	E e
Н н	N n	Ю ю	Yu yu
О о	O o	Я я	Ya ya
П п	P p		

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

новая серия

2018. № 1 (41)

HERALD OF ANTHROPOLOGY

2018. № 1 (41)

Выпускающий редактор по этнологии – Н.А. Белова

Выпускающий редактор по физической антропологии – О.М. Григорьева

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Поддержка сайта – Н.В. Хохлов

Подписано к печати 15.03.2018

Формат 70 х 108/16. Уч.-изд. л. 9,6

Тираж 500 экз. Заказ № 247

Участок множительной техники

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

Начальник участка – В.М. Маршанов

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А